

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В. Лебедев, К. Ананьев

ФРУНЗЕ

Annotation

Эта книга рассказывает о героической жизни верного ленинца, неутомимого подпольщика, активного участника трех революций, талантливое советского полководца.

Преследования и аресты, ссылка, каторга и два смертных приговора — ничто не сломило твердокаменного большевика, борца против царизма и капитализма. Бежав из-под стражи, он снова включался в активную борьбу за дело рабочего класса.

После Великого Октября М. В. Фрунзе стал выдающимся советским военачальником. Войска под его командованием одержали ряд замечательных побед на фронтах гражданской войны.

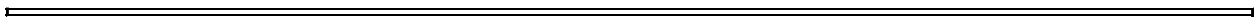
Жизнь Фрунзе — великий пример для советской молодежи.

Второе, исправленное и дополненное издание.

-
- [В.Лебедев, К.Ананьев](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [1. ПИШПЕК](#)
 - [2. РАННЕЕ ДЕТСТВО](#)
 - [3. ПОМОЩЬ ВЕЛИКОГО ПОЭТА](#)
 - [4. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ТЯНЬ-ШАНЬ](#)
 - [5. АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [1. ФРУНЗЕ — СТУДЕНТ](#)
 - [2. КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ](#)
 - [3. ТРИФОНЫЧ](#)
 - [4. НА БАРРИКАДАХ КРАСНОЙ ПРЕСНИ](#)
 - [5. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ](#)
 - [6. ПОСЛЕ СЪЕЗДА](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [1. АРЕСТ](#)
 - [2. В ТЮРЬМЕ](#)
 - [3. МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И КАТОРГОЙ...](#)
 - [4. ВЕЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ](#)
 - [1. МИНСК](#)
 - [2. «ШУЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА»](#)

- [3. ПОБЕДА НАРОДА](#)
 - [4. СНОВА В МОСКВЕ](#)
- [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [1. В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ](#)
 - [2. РУКОВОДИТЕЛЬ ВОЕННОГО ОКРУГА](#)
 - [3. КОМАНДАРМ 4-й](#)
 - [4. НА ЛИНИИ ОГНЯ](#)
 - [5. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ](#)
 - [6. РАЗГРОМ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ](#)
 - [7. ОСВОБОЖДЕНИЕ УФЫ](#)
- [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [1. РАЗГРОМ ЮЖНОЙ АРМИИ КОЛЧАКА](#)
 - [2. ГИБЕЛЬ ЧАПАЕВА](#)
 - [3. К РОДНЫМ МЕСТАМ](#)
 - [4. БАСМАЧИ СДАЮТСЯ](#)
 - [5. КОНЕЦ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА](#)
- [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [1. «ЧЕРНЫЙ БАРОН»](#)
 - [2. ПЕРВЫЙ ОТПОР](#)
 - [3. НАЧАЛО РАЗГРОМА](#)
 - [4. ШТУРМ ПЕРЕКОПА И ЧОНГАРА](#)
 - [5. КРЫМ ОСВОБОЖДЕН](#)
 - [6. НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ](#)
- [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [1. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ](#)
 - [2. ПОСОЛЬСТВО В ТУРЦИЮ](#)
 - [3. ВОЕННЫЙ ТЕОРЕТИК](#)
 - [4. ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА](#)
 - [5. ФРУНЗЕ — НАРКОМВОЕНМОР СССР](#)
 - [6. СНОВА НА БАЛТИКЕ](#)
 - [7. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ФРУНЗЕ](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [I. ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. В. ФРУНЗЕ](#)
 - [II. ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О М. В. ФРУНЗЕ](#)
- [ФОТОГРАФИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

В.Лебедев, К.Ананьев

"Фрунзе"

**(Жизнь замечательных людей. Выпуск
3(293))**

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДЕТСТВО и ЮНОСТЬ

1. ПИШПЕК

Семиречье! Обширный, богато одаренный природою край на стыке Сибири, Китая и Туркестана. Его реки бегут с могучих, одетых вечными снегами горных хребтов — отрогов Тянь-Шаня.

Здесь, у подножия Киргизского Алатау, стояла небольшая кокандская крепость — Пишпек, возле которой на протяжении веков проходили караванные и военные пути: с севера, из казахских степей, на юг, в Фергану, в Коканд — столицу ханства, и с запада на восток, от Аральского моря — в китайскую землю, Синьцзян...

В 1863 году Россия помогла мирным аборигенам Семиречья — казахам и киргизам — освободиться от мрачного владычества жестоких среднеазиатских феодалов — кокандских ханов. У полуразрушенной ханской крепости стал разрастаться городок. Жителями его были частью пришлые — русские чиновники и военные, частью узбеки — ремесленники, огородники, торговцы. Основные же обитатели края — киргизы продолжали кочевать со своими стадами в прилегающих степях и горах.

В Пишпек они съезжались по базарным дням на мелкорослых тонконогих коньках и двугорбых верблюдах, в длинношерстных овчинных шубах, не снимаемых даже летом. В горах всегда холодно! С конями, с седлами своими не расставались они и на базарной площади, между щебневатым мелкодонным руслом речки Аламединки и старым, еще кокандцами построенным подворьем, караван-сараям, единственным в то время двухэтажным зданием на весь городок! Кто б мог подумать тогда, что этот городишко превратится со временем в великолепный город Фрунзе, столицу союзной Киргизской республики!

Почти все дома в Пишпекке были в ту пору приземистые, глинобитные, крытые камышом и обнесенные глиняными же оградами — дувалами. Колодцев не было, воду брали прямо из арыков — канав, ответвлявшихся от горных ручьев и потоков. Рядом с величавыми горами Алатау бурые мазанки Пишпекки выглядели особенно маленькими и жалкими.

Городская больница в Пишпекке в те годы была такая же плохонькая: под камышовой крышей, и всего только на десять коек. В этой крохотной больничке служил отставной военный фельдшер Василий Михайлович Фрунзе.

Это был плечистый, смуглый, черноусый человек, родом из крепостных молдавских землеробов. В Семиречье попал в 1878 году с кавалерийским полком да так и остался в этих местах. Отбыв военную службу, Василий Фрунзе женился на дочери воронежского крестьянина-переселенца, красивой, скромной, трудолюбивой девушке — Мавре Ефимовне Бочкаревой, получил должность по лечебной части и начал обзаводиться семьей да хозяйством.

У них родился сначала сын Константин, а через четыре года, 21 января (2 февраля по новому стилю) 1885 года, появился на свет второй сын — Михаил.

Как и старший брат его, Миша был светловолосый, сероглазый, в воронежскую родню, о которой уместно сказать поподробнее.

Присоединение Семиречья к России спасло сперва местных старожилков — казахов, киргизов, джунгар — от чисто средневекового гнета кокандского царька-хана. А затем, после полной ликвидации Кокандского ханства, стали приобщаться и другие народы Туркестана к неизмеримо более передовой культуре русской. Пусть Россия считалась отсталой по сравнению, скажем, с Англией, с Францией, но Ф. Энгельс был прав, когда писал еще в середине прошлого века:

«...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и

Каспийского морей и Центральной Азии...» ^[1]

Созданная русскими в Средней («Центральной», по выражению Энгельса) Азии обстановка относительно мирной, безопасной жизни породила там подъем и расцвет скотоводства, хлопководства, шелководства, виноградарства. Стали вестись и геологические поиски. Начали строиться две гигантские железные дороги — сперва, в восьмидесятых годах, так называемая Среднеазиатская от Красноводска до Коканда, а позже, в девяностых годах, Оренбургско-Ташкентская, длиной почти по две тысячи километров каждая. В Туркестане стал нарождаться пролетариат — транспортники, строители, оросители. Это были в первую очередь русские рабочие. Они сплывали вокруг себя и местных уроженцев.

Однако в семидесятых годах прошлого века переселение русских на просторы Семиречья было сопряжено с колоссальными трудностями и опасностями. Чтобы добраться до благодатной долины Чу, где стоял Пишпек, нужно было на скрипучих, утлых повозках пересечь тысячеверстную пустыню, страшную Голодную степь, по которой в те времена невозбранно бродили полчища волков и шакалов, а в камышовых болотах — сазах — обитали даже тигры.

Все же немало измученных безземельем, поборами и нищетой русских и украинских крестьян решалось на такой подвижнический, продиктованный отчаянием переход. Часть погибала в дороге — от болезней и голода, от солнечных ударов и простуд, от диких зверей и недобрых людей.

Уцелевшие, более удачливые или более упорные, кое-как добивались до желанной цели и находили здесь сравнительную вольность, благодатный климат, хорошие, богатые земли....

Именно так, перенеся множество тревог, трудностей, лишений, добиралась до Семиречья воронежская родня Михаила Фрунзе: дед его, потомственный крестьянин Ефим Бочкарев, дядя Иван и Яков и мать, еще девочка тогда — Мавруша. Для детей путь этот был особенно тяжок.

Вполне понятно, что, прибыв на новые земли, да еще такие щедрые, обильные, дед Ефим и его семья тотчас отдались привычному, желанному делу — хлебопашеству.

— Золотая земля, драгоценная... — приговаривал Ефим Бочкарев.

Действительно, это были наилучшие по плодородию почвы — ветровые наносы с гор, желтозем или лёсс, и на вид, цветом — золотистые, и качества поразительного даже для выходцев с чернозема — воронежцев.

— Лбом достаточно прикоснуться к такой земле — подымется

персиковое дерево! — говорили местные садоводы — узбеки.

А переселенцы выражали эту мысль еще восторженней, ярче:

— Спицу ткни — телега вырастет!

Двух дождей, майского и июньского, было достаточно, чтобы «десятина» пшеничного посева при всей примитивности обработки и сева дала до полутора пудов зерна — цифру, неслыханную в Центральной России!

Но царская администрация тех дней, равнодушно-неповоротливая, мало задумывалась над тем, что просторы Семиречья при сколько-нибудь разумном их устройстве могли бы кормить население в тысячу раз большее. Не было ни мелиорации, ни орошения. В годы детства Михаила Фрунзе там царила самая отсталая система земледелия — «перелога». После нескольких лет посева поля забрасывались, и плодородная земля покрывалась вместо хлебов сорняками.

Кроме стихийных переселенцев, наделялись землей отслужившие свой срок солдаты.

Так было создано Семиреченское казачье войско по образцу Донского и Уральского. Не склонные к оседлости казахи и киргизы без особых возражений уступали пришельцам земли, близкие к рекам. Так и складывалось земледельческое население края.

Городское население формировалось несколько иначе. В Туркестан ехали чиновники, жаждавшие выдвинуться или разбогатеть, стремились дельцы-авантюристы, искатели легкой наживы. Они тяготели к крупным городам, таким, как Ташкент, Коканд... Недаром в ту пору с убийственным сарказмом заклеил подобную публику великий русский сатирик Салтыков-Щедрин известным прозвищем — «господа-ташкентцы»!

Но и иных людей много попадало в Туркестан. Царское правительство направляло сюда не угодных ему лиц, высылало, особенно в Семиречье, граничившее с Сибирью, революционно настроенных студентов, интеллигентов, признанных неблагонадежными, поляков, причастных к восстанию 1863 года.

В небольшом домишке Василия Михайловича часто собирались друзья: доктор Поярков, учитель Свирчевский, садовод Фетисов, Илья Федотович Терентьев, жена которого была записана крестной матерью Миши.

Это были передовые по тому времени люди. Доктор Поярков занимался, кроме медицины, изучением древностей Семиречья. Учитель Свирчевский стремился сделать доступными для киргизов творения

Пушкина, Гоголя, Толстого. Садовод Фетисов старался украсить город фруктовыми садами из яблонь, персиков, инжира, тутовника. По его почину на окраине Пишпека был заложен парк, ныне носящий название Карагачевой рощи, а одна из улиц, с двумя большими арыками, была засажена прекрасными белыми акациями. Они выросли в могучую густолиственную аллею и до сих пор остаются украшением города.

Когда друзья собирались небольшим своим кружком в домике фельдшера Василия Михайловича, у них всегда начинались интересные разговоры, к которым прислушивался и маленький Миша Фрунзе.

Доктор Поярков с увлечением и отличным знанием дела рассказывал о древностях края: о гигантских камнях с таинственными надписями, о башне Бурана, высившейся над степью к востоку от Пишпека и издалека видной караванщикам и пешеходам.

Стены этой башни хранили на себе древние клинописные письма. Самый вид их уже говорил о том, как много эпох сменилось в долине реки Чу, где, по преданию, побывали даже отряды знаменитого полководца Александра Македонского.

Учитель Свирчевский с вдохновением декламировал Пушкина, Лермонтова, Некрасова — и новые впечатления западали в сердце мальчика.

Когда же Фетисов начинал мечтать о том, как все Семиречье будет превращено в цветущий сад, какие чудесные растения и плоды можно выращивать на богатейшей земле этих мест, это звучало для Миши как увлекательная сказка.

Интересны были беседы отца с его друзьями, но Миша был еще ребенком, и детский мирок его души не мог вместить всего, что он слышал.

Он рос, как все другие дети. Играл со сверстниками, купался в арыках, делал запруды, строил игрушечные глиняные домики, охотился за ящерицами на обширном пустыре ^[2] около дома, поросшем высокой полынью и солодковым корнем, резвился на стенах былой ханской крепости, насквозь пропитывался благодатным солнцем Семиречья.

Однако уже и тогда вместе с живительным, прекрасным воздухом Чуйской долины, вместе с горячими лучами почти никогда не закрываемого облаками солнца, вместе с прозрачной как хрусталь водой Аларчинки и Аламединки, на берегах которых Миша любил поддразнивать, расшевеливать сонных черепах, вместе со звуками заунывных киргизских песен, что доносились с предгорных троп, островосприимчивая психика мальчика впитывала нечто настораживающее, требующее если не немедленного осмысления, то по крайней мере запоминания — на будущее.

Это было смутное, далекое от ясности, но настойчивое ощущение национального и социального неравенства, насаждавшегося в крае царскими властями.

Формально «Белый царь» ввел в Туркестане, в степях его и горах, российское «право», свой, «императорский» суд, провозгласил ограждение личности от крепостнического рабства, феодальных расправ-самосудов, имущественного и земельного произвола. Коренные жители края могли обращаться за защитой к русским властям, могли даже просачиваться кое-где в ряды администрации.

Но в горах и степях по-прежнему беднота терпела от киргизской верхушки — баев и манапов. Ощутимо сохранялся двойной, пусть и несколько замаскированный, гнет — царские власти давили на баев, а те отыгрывались на бедноте.

Однако передовые русские люди, такие, как Василий Фрунзе и его друзья, немало сделали, каждый в меру своих сил, способностей, знаний, для укрепления братских связей между киргизами и русскими, для ослабления племенного антагонизма и розни.

Поярков и Фрунзе лечили, как правило — безвозмездно, изнуряемую множеством болезней киргизскую бедноту. Возле домика Василия Михайловича всегда можно было видеть притороченных коней, пахнущих потом дальней дороги — с Сусамыра, с Кимени, с Каскелена.

А Константин Свирчевский не щадил сил, чтобы привить русским и киргизам взаимное уважение, делал записи народных акынских сказаний, бесплатно обучал русскому языку киргизских ребятишек. Добрым словом вспоминали его впоследствии, в послереволюционные годы, видные деятели киргизской национальной культуры.

И немало было таких, как эти скромные жители сверхзахолустного Пишпека, никому в ту пору не ведомый «даргер ^[3] Пурунзо» (так выговаривали эту фамилию киргизы) и его столь же малоизвестные товарищи. Поэтому мы вправе сказать, что сегодняшнее название бывшего Пишпека — город Фрунзе — должно напоминать нам не только о прославленном полководце революционных армий, но и о его незначительном отце!

2. РАННЕЕ ДЕТСТВО

Весной, в марте — апреле, когда воздух по утрам был прозрачен, когда еще мало было в нем пыли, величественные горы Алатау четко

обрисовывались своими белоснежными вершинами. А когда наступал вечер, горы вдруг перепоясывались огненным поясом, словно пылающая красная лава выступала на склонах от одного края неба до другого. Это киргизы выжигали на пастбищах сухой бурьян, чтобы не мешал он расти свежим весенним травам.

Страстно хотелось в горы Мише Фрунзе. Не раз просил он отца, чтобы тот взял его с собой в поездку. Но отец все отказывал, отвечал:

— Мал еще. Подрастешь — буду брать...

Сверстники, приятели Миши — киргизские, узбекские и ^русские ребята, — постоянно толковали про горы. С гор бежали звонкие ручьи и реки, с гор киргизы привозили шипучий белопенный кумыс, а охотники приносили отливающих радугой фазанов, круторогих архаров и длиннохвостых, пушистых, опасных хищников — барсов. И, наконец, там, в горах, жил знаменитый Чолпонкул.

Давно уже известен был Кыдыр Чолпонкул в Пишпеке и во всем крае как защитник бедняков.

Если толстый, жирный, богатый бай, или волостной управитель — казий, или родовой старшина — манап душили непосильными поборами народ, Кыдыр Чолпонкул посылал им грозное предостережение, а затем и наказывал.

Одной из любимых игр у ребят была игра в «Чолпонкула».

— Я— Чолпонкул!

— Нет, я! Нет, я! — спорили ребята на валу поросшей бурьяном старой крепости.

— Чолпонкул никого на свете не боится, — рассказывали ребята.

А Миша и сам кое-что знал про Чолпонкула.

Несколько лет назад, когда он был совсем еще маленьким, в больничном саду вдруг появилась большая юрта. Ветви старой груши и персикового дерева перекрещивались над ней. Возле юрты стоял часовой.

Часовой сторожил не пустую юрту. К ней каждое утро под командой унтер-офицера являлись четверо солдат с ружьями, к которым были примкнуты штыки. Солдаты выводили из юрты рослого, красивого, бородатого киргиза с большими строгими глазами и вели его куда-то. Это как раз и был Кыдыр Чолпонкул, недавно схваченный по требованию баев. Он чем-то болел, его лечил отец Миши, однако его все-таки судили.

Потом юрта исчезла. Чолпонкул а увезли в Сибирь, но через некоторое время он оттуда убежал и, по слухам, вернувшись, скрывался где-то в родных горах Алатау, по-прежнему наводя страх и на киргизских баев и на царскую полицию.

И вот, наконец, мечта Миши сбылась...

Приехали как-то весной к его отцу киргизы, позвали поохотиться на барса. На другой день утром отправился Василий Михайлович в горы, а семилетний Миша, обняв старый тонкоствольный дробовик, тайком забрался к отцу в телегу под сено и, никем не замеченный, свернулся там калачиком.

До гор было близко. Сначала шли «привалки» — холмы — Паспельдек и Аламедин. Между ними лежала тенистая, сыроватая узкая дорога, поросшая огромным укропом — акщуваком. Потом шла котловина, изрезанная ручьями. Лошади потянулись медленным шагом, с трудом одолевая крутой подъем, и, наконец, стали.

Когда затихли шаги отца, Миша вылез из-под сена, прыгнул с повозки и огляделся.

Глухо журчали невидимые ручьи. Кудахтали в кустах, в бурьяне горные курочки — кекелики.

«Пойду и я барса искать», — решил Миша.

Он двинулся в ту сторону, куда пошел отец. Тропинка вела все выше, идти было нелегко.

Вдруг он услышал, что в кустах кто-то стонет.

Несколько киргизов, верхами и пешие, стояли на лужайке; привалясь к скале, сидел среди них на камне чернобородый джигит. Отец Миши бинтовал ему ногу тугим бинтом, а киргиз морщился и время от времени тихонько стонал. Это был Кыдыр Чолпонкул.

В том же году, ближе к осени, в Пишпек пожаловал военный губернатор Семиреченской области барон фон Таубе. Его резиденция находилась в городе Верном (ныне Алма-Ата), и поскольку железной дороги между Пишпеком и Верным тогда не было и в помине, путь этот проделывался на лихих сменных тройках. Начальник Пишпекского уезда выезжал встречать губернатора на границу своего уезда, к Курдайскому перевалу. Теперь он мчался на бричке впереди губернаторской тройки, оказывая барону фон Таубе установленные почести.

Густая пыль облаками летела из-под копыт двух троек и полувзвода казаков, сопровождавших губернатора. Встречные возчики — арбакешы едва успевали отводить в сторону своих испуганных коней и волов, чтоб дать дорогу кавалькаде.

При въезде в Пишпек барон фон Таубе принял хлеб-соль от депутации городских старшин и тут же начал их распекать:

— От самой Чу надо бы полить дорогу... Так-то встречаете начальство!

С крепостного вала, поросшего бурьяном, ребята — сверстники Миши — с любопытством смотрели на грозного гостя.

— Это не ваш ли Ак-Хан (Белый царь)? — спрашивали у Миши мальчишки-узбеки.

Отчитав старшин, губернатор поехал осматривать городские учреждения. Город был еще неказист. Тополя росли хоть и быстро, но тени давали пока что мало. По арыкам текла мутная от растворенной в ней жирной лёссовой глины вода. Куда ни бросал фон Таубе свой начальственный взгляд, он видел всё те же саманные домики, камышовые крыши, глиняные серые дувалы и пыль, пыль, пыль...

— Ну и городок... — бормотал губернатор.

В казначействе, в училище, в уездном правлении — везде был слышен визгливый, придиричивый голос барона.

А когда он добрался до Пишпекской больницы — тут уж совсем разошелся. Почти все койки в ней были заняты больными киргизами и узбеками.

— Э-э-э... — не находя подходящих слов, уперся губернатор взором в сопровождавших его уездного начальника и фельдшера Василия Фрунзе.

И вдруг, побагровев, закричал:

— Додумались! Разве больница учреждена для инородцев?

Уездный начальник разводил руками и лепетал:

— Сто раз указывал...

Уездный начальник отделался выговором, но фельдшер Фрунзе был вскоре по распоряжению губернатора уволен.

Он был вынужден перейти на освободившуюся вакансию фельдшера в поселок Мерке, в ста километрах от Пишпека, уже в пределах другого губернаторства — Сыр-Дарьинского.

Теперь он бывал в Пишпекке только наездами, редко. Старший его сын Константин был устроен в Верненскую гимназию, а Миша учился в Пишпекском начальном училище.

Но вот в один из очередных приездов Василия Михайловича Фрунзе из Мерке в Пишпек к нему явился учитель Свирчевский и сообщил, что из Верненской гимназии пришло предложение рекомендовать для прохождения гимназического курса самого способного из учеников Пишпекской городской школы.

— Ну и что же? — хмуро спросил Василий Михайлович. Он даже думать не смел еще и второго сына послать в гимназию, тем более что подрастали три малолетние дочери.

Но Свирчевский набросился на него с упреками и уговорами:

— Мы признали Мишу наиболее достойным... А раз так, то хоть из кожи вон вылезь, а образование дать ему необходимо. Просто преступлением будет не дать развиваться таким способностям.

И хоть очень туго приходилось семье фельдшера, а все-таки на последние гроши отправили Василий Михайлович с Маврой Ефимовной и Мишу учиться в город Верный, в гимназию.

Отправлен он был, по скудости средств, с так называемой «оказией» — с дунганским товарным обозом. Путь в двести тридцать два километра такой обоз проходил за семь-восемь дней на непрестанно понукаемых неторопливых волах.

К северу от Пишпека, в направлении Верного, местность с каждым километром выглядела все более унылой, угрюмой. Выжженная летним зноем степь, холмы и холмики, покрытые мелкорослой полынью, иглистыми кустиками эфедры. Только свист сусликов нарушал тягостную тишину. Но Миша не скучал в пути.

Время от времени через дорогу, с западных пастбищ на восточные, поближе к горам оборванные джигиты перегоняли большие бараньи отары. Как будто какие-то полые воды вдруг хлынут поперек пути. Еще не остриженная шерсть на тысячах бараньих тел волнится, как рябь на воде, и вся эта живая река шерсти и мяса сопит, фыркает, разноголосо блеет...

— Кимды кой-та? — кричит Миша Фрунзе погонщикам по-киргизски.
— Чьи бараны?

— Бектонбай-да... (Все принадлежит Бектон-баю), — слышится ответ джигита, помахивающего длинной тонкой жердью, похожей на пику.

Перевалив Курдайский перевал, обоз несколько ускорил свое движение, и вот, наконец, Михаил увидел перед собой у подножия новой высоченной цепи гор знаменитый Верный, столицу Семиречья. По склонам гор спускались голубоватые хвойные леса, между которыми виднелись быстро несущиеся потоки. Город был весь в садах. Только крыши домов кое-где выступали из сплошной зелени.

Густой яблочный запах висел над Верным. Недаром по-казахски город этот именовался Алма-Ата, что значит «отец яблок».

Немногим оживленнее Пишпека, но так же зноен, дремотен был Верный. Только парады гарнизона да огромные скотные ярмарки всколыхивали время от времени вяло-размеренное течение верненской жизни.

Город Верный властвовал над необъятной казахской степью и над горами Семиречья, выколачивал из миллионов степных и горных кочевников богатые подати и поборы, жирел на бараньем сале, на

бесчисленных множествах бараньих туш и шкур...

В Верном жили все высшие чиновники края, стояло несколько полков пехоты и кавалерии. В центре города красовался дворец военного губернатора. Возле крепости, в полосатых будках, дежурили часовые, а в траве валялись маленькие, без лафетов пушки, отнятые когда-то у кокандцев.

Гимназия, деревянная, одноэтажная, стояла возле большого городского сада. А неподалеку от нее виднелось полицейское управление — длинное серое здание, лишь с двумя окнами на улицу. Все остальные его окна глядели во двор.

3. ПОМОЩЬ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

И вот Миша Фрунзе в стенах гимназии. Он не слишком ощущал отсутствие семьи, не испытывал чувства одиночества. Родной брат его, Константин, с которым он вместе и поселился, учился уже в пятом классе, а вместе с Мишей поступили его товарищи — земляки по Пишпеку: Эраст Поярков, сын доктора, и Саша Ромодин, сын пишпекского нотариуса.

Миша сразу проявил себя отличным учеником. Вокруг него, коренастого, ясноглазого, одетого в узковатую, перешитую из братниной курточку, всегда толпились одноклассники. Тому задачку помощи решить, другому переложение проверить...

Видя способности Михаила Фрунзе, и педагоги относились к нему благосклонно. Только законоучитель, отец Филимон Янковский, все допытывался, какой он национальности.

— Фрунзе, ты немец? — спрашивал он не один раз — сперва по забывчивости, а потом, как видно, ради благодушной шутки.

— Нет, батюшка, я не немец, — отвечал Миша терпеливо.

— Француз?..

— Нет, и не француз...

— Грузин?

— Нет...

— Грек?

— Нет...

— Так кто же ты наконец?

— Из молдаван я, батюшка...

— Полно врать! Молдаване — как жуки черные, а ты, гляди, какой русский, да и глаза голубые...

На самом деле глаза у Миши были светло-серые.

— Да я в мамашу, а она — чисто русская, воронежская... — поясняет Миша.

— А ну-ка, перекрестись...

Миша крестился, и отец Филимон на том успокаивался...

— Ну, молодец, коли так... Учись, способный ты паренек...

Но вот вдруг словно гром разразился над братьями Фрунзе: неожиданно умер в далеком местечке Мерке их отец, Василий Михайлович. Его нашли мертвым в рабочей комнате при Меркенской больнице. А был он совсем еще не стар, сравнительно крепок. Видно, не вынес посыпавшихся на него за последнее время мелких и крупных ударов.

Разговоры и пересуды поднялись в Пишпеке. Одни приписывали смерть фельдшера разрыву сердца. Другие считали его жертвой собственной страсти изобретать новые лекарства и на себе их проверять. А некоторые подозревали даже самоубийство.

Сообщение о смерти отца пришло в Верный в нелегкое для братьев время. Директор гимназии Вахрушев хоть и похваливал вместе с другими педагогами их успехи, но не забывал требовать и плату за ученье.

Вызвав как-то Михаила, он велел ему написать письмо домой, чтобы поспешили со взносом денег.

Миша поневоле написал про этот разговор матери в Пишпек, и та в смятении бросилась по всей родне. Однако ничего путного никто посоветовать ей не сумел, кроме мужа Мишиной крестной матери Ильи Терентьева.

— Пишите, Мавра Ефимовна, по всей форме прошение Пишпекскому собранию старшин-уполномоченных...

По совету Терентьевых Мавра Ефимовна испрашивала в своем ходатайстве во внимание к бывшим заслугам Василия Михайловича рублей сто-полтораста годового пособия на воспитание детей.

Собрание пишпекских старост-уполномоченных состоялось не скоро. Оно происходило под открытым небом, во дворе городской управы. Среди уполномоченных было несколько узбеков и киргизов из перешедших на оседлость. Не без труда, но они все же понимали, о чем идет речь. Они хорошо помнили, как «даргер Васыл» лечил и их самих, и их детей.

Однако нашелся и противник. Таковым оказался некий Бутин, у которого были какие-то личные счеты с Василием Михайловичем Фрунзе.

— Мы живем на далекой окраине, окружены инородцами... Должны проявлять полное единомыслие с нашим начальством. И вот сейчас перед нами прошение от вдовы человека, который был на дурном счету у

начальства... Каково будет, если мы как бы возьмем ее с детьми на наше общественное иждивение... Как начальство поглядит на это?

У Мавры Ефимовны упало сердце. Речь Бутина произвела впечатление. Собрание колебалось.

Но вот поднялся Константин Фролович Свирчевский, покровитель Миши и друг его отца.

— Господа пишпекские уполномоченные... — торжественно начал он. — Известно ли вам о том, что в предстоящем 1899 году исполняется ровно сто лет со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина? Предлагаю ознаменовать это событие полезным делом — учредить от города Пишпека пособие имени великого Пушкина... И предоставить это пособие как весьма его достойному — уроженцу Пишпека Михаилу Фрунзе, обучающемуся в Верненской гимназии...

Некоторые из уполномоченных, а быть может даже и большинство их, и одной строки Пушкина не читали и не слышали. Но неожиданно предложенная Свирчевским формулировка понравилась всем и почти всех примирила с предстоящим расходом.

Так и названа была стипендия, как предложил Свирчевский:

«Пособие воспитаннику Верненской гимназии Михаилу Фрунзе в ознаменование 100-летия со дня рождения великого русского поэта Пушкина — 120 рублей ежегодно, до окончания курса».

Седобородые узбеки в больших белых чалмах, важно восседавшие на принесенных с собою ковриках, и киргизы в своих малахаях-бюрюках единогласно присоединились к решению.

Предоставление Мише Пушкинской стипендии несколько облегчило для Мавры Ефимовны Фрунзе огромные трудности ее вдовства с оставшимися на руках тремя маленькими дочерьми — Клавдией, Людмилой и Лидией.

Но даже при всей тогдашней сравнительной дешевизне пишпекской жизни не приходилось думать о сколько-нибудь сносном существовании на два дома. Нельзя было и сыновей предоставить целиком самим себе, и вести немудрящее пишпекское хозяйство было невмоготу после потери Василия Михайловича. Друзей оставалось немного, а такой недоброжелатель, как Бутин, мог устроить и еще какой-нибудь подвох против не угодной начальству «иждивенки общества»...

К осени 1899 года Мавра Ефимовна с дочерьми тоже переселилась в город Верный. Она сняла здесь на верхней окраине города, близ Большого Арыка, крохотный домик. Все свои силы отдавала она воспитанию детей и заботам о них.

Константин и Михаил старались не быть в долгу у матери, помогали ей. Они давали уроки отстающим гимназистам. Плата была грошовая: где два, где три рубля в месяц, а где, по договоренности, — и просто за обед и ужин.

Приходилось мириться и с таким заработком, хоть времени он отнимал много, а прок был от него невелик. Скудное дело — давать уроки ленивым и тупым гимназистам!

Только в одном доме любил бывать Миша. Это был дом верненского аптекаря Иосифа Сенчиковского, из ссыльных участников польского восстания 1863 года. Миша Фрунзе репетировал одного из сыновей Сенчиковского — Станислава, своего одноклассника.

В доме Иосифа Сенчиковского собирались люди, подобно отцу Миши и его друзьям мечтавшие о лучшем будущем края и всей России. Среди них больше всего было русских. Иногда приходил на эти собрания огромного роста, бородатый, с громовым голосом политический ссыльный, студент. Его звали Павел Затинщиков.

Бывало, сидят Миша со Станиславом, решают какую-нибудь задачу, а сквозь неплотно прикрытую дверь вместе с табачным дымом врываются обрывки разговоров, слышатся имена Маркса и Чернышевского, суровые, гневные слова по адресу царского строя и его представителей в Семиречье...

4. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ТЯНЬ-ШАНЬ

Год за годом все серьезнее, требовательнее к самому себе, зорче и внимательнее к окружающей действительности становился Миша Фрунзе. Он не только блестяще — всегда на круглые пятерки — шел по гимназическим предметам, но и много читал, особенно по истории и естествознанию.

Очень любил он и художественную литературу, знал наизусть целые страницы из поэм Пушкина, своего «шефа-опекуна», как он его шутливо называл, высоко ценил Чехова и Горького. Первого — «за мудрый и бичующий смех», а второго — «за гневную правду, могучую как море, как буря»... Так записал он у себя в гимназическом дневнике, когда был в седьмом классе. Преподаватель словесности Стратилатов — один из немногих передовых педагогов Верненской гимназии — успешно развивал у Миши литературный вкус, заложенный еще Свирчевским.

Но вообще с педагогами отношения у Миши Фрунзе были довольно

сложные. Особо натянутыми были они с инспектором гимназии Бенько, преподававшим греческий и латинский языки.

Одного из товарищей Миши по классу, Константина Суконкина, Венько донимал обидным обращением:

— А ну-ка, душа Тряпичкин, то бишь Суконкин, проспрыгай глагол «феро»...

Миша однажды не выдержал и подал едкую реплику:

— У Хлестакова займы взято...

Бенько опешил, не зная, как реагировать. Он невзлюбил после этого Мишу, но Миша, как выдающийся ученик, был неуязвим. Бенько смог расправиться только с Суконкиным: доконал его плохими отметками, заставил остаться на второй год и в связи с этим перевестись в другую гимназию — в Семипалатинск... Но теплая дружба и переписка у Миши с Суконкиным сохранились надолго.

Доктор Федор Владимирович Поярков тоже к этому времени переселился из Пишпека в Верный и состоял теперь председателем Семиреченского отделения Российского географического общества. По смете общества числилась некоторая сумма на краеведческие экскурсии.

Энтузиаст краеведения, Поярков, зная об интересе Миши Фрунзе и своего собственного сына Эраста к естествознанию, предложил им:

— После экзаменов отправляйтесь-ка на озеро Иссык-Куль и в прилегающие районы Тянь-Шаня. Соберете там ботанические и энтомологические коллекции, проведете наблюдения, сделаете нужные записи...

Миша и Эраст с восторгом подхватили эту мысль. Давно уже мечтал Миша Фрунзе побывать на знаменитом «Теплом море», чудесном соленоводном озере, тянущемся среди высоких гор Тянь-Шаня на двести с лишним километров с запада на восток, почти до самого подножия Хан-Тенгри, многоглавой горы на границе между Россией и Китаем.

Овеянный памятью Пржевальского, похороненного на его восточном берегу, этот большой «морской Иссык-Куль» был не чета другому, малому Иссык-Кулю — небольшому озеру, лежавшему неподалеку от Верного, хотя и оно славилось красотой.

К походу, кроме Миши и Эраста, примкнули еще двое одноклассников — Леонид Иванов и Драгутин Новак.

Привольно было на высоких заоблачных горах. Ястребы, соколы, орлы-кумаи, белоголовые грифы плавали в вышине. А под ногами то собирались, то расходились похожие на вату облака. Громадные синие ели лепились по склонам. В лесах — множество птиц и зверей. Луга —

сплошной ковер. Красные, голубые, оранжевые, лиловые узоры цветов лежали на зеленых буйных травах. Быстрые горные ручьи и речки кишели верткой крупной форелью...

Молодые путешественники не только любовались красотами окружающей природы, но и вели между собой серьезные разговоры. Было лето 1903 года, они перешли уже в восьмой класс, их волновали вопросы о выборе жизненного пути, о мировоззрении.

Эраст Поярков стоял за узкую научную специализацию.

— Способности человека ограничены, как бы он ни преуспевал... — отрывисто, на отцовский манер, бросал он, вышагивая длинными ногами по раскаленной тропе. — А посему вывод естественный: чтобы чего-нибудь путного достигнуть, надо все свои способности посвятить определенному делу. Вот, например, зоология. Можно всю жизнь отдать не то что какому-нибудь зоологическому семейству, а далее просто одному-единственному виду, и все-таки мало окажется целой жизни...

Михаил, держа твердый размеренный шаг, спорил с Эрастом:

Можно, конечно, всю свою жизнь посвятить какой-нибудь амебе и ничем, кроме этого, не интересоваться... Но не значит ли это и самому уподобиться амебе?.. Где-то возле меня за окнами, за стенами будут страдать, бороться люди, рождая в муках новые формы общественного бытия, а я буду шепотом разговаривать со своей возлюбленной амебой, улыбаться ей тихой академической улыбкой, назначать ей свидания под микроскопом?.. Нет, я на это не способен...

Эраст кипятился.

— А я вот способен, да-да! — кричал он, размахивая сачком. — Разве такие естествоиспытатели, как Леббок, Фабр, Дарвин, меньше сделали для рождения новых форм общества, чем самые прославленные утописты и социологи? Пастер изучал одного микроба, а его имя благословляют миллионы...

— И все-таки Маркс и Чернышевский выше стоят в моих глазах... — настаивал Миша Фрунзе.

Неподалеку от Иссык-Куля молодые исследователи попали в тенистую, пышнотравную долину Киме-ни, небольшой горной речки, впадающей в Чу.

Киргизы Кименьского джайло встретили их с интересом. Устный «телеграф», «узун-кулах» («длинное ухо»), уже оповестил местного князька Шабдана, что из-за Кастека появились русские «апицеры» с гербами на фуражках. За «гербы» были приняты гимназические значки.

А Шабдан был особенный киргизский феодал-князек. За помощь

против кокандцев Александр II пожаловал его чином полковника и несколькими медалями. Редко представлялся ему случай щегольнуть своим мундиром и эполетами перед русскими, и поэтому он обрадовался полученной вести, даже выслал отборных коней навстречу гостям.

Шабдан и жил не как остальные киргизы — не в юрте, а в деревянном доме, возле Кимени. Юрты были разбросаны в почтительном отдалении от его деревянного «дворца».

Полукругом сидели на траве седовласые аксакалы, а Шабдан, в полковничьем мундире, напяленном на шелковый чапан, стоя встречал гостей.

Юные путешественники не сразу догадались, за кого он их принимает. Но вот Шабдан сделал под козырек и не без труда произнес по-русски: — Здравь желаю, ваш благородь... — И добавил с некоторым недоумением: — А где погон?

Все сразу стало ясно. Но Эраст не растерялся. Он не замедлил с ответом:

— Российское географическое общество поручило нам изучить флору и фауну Иссык-Кульского побережья, включая и горные ответвления...

Шабдан непонимающе смотрел на гостей. Тогда Миша Фрунзе заговорил по-киргизски:

— В Петербурге тоже аксакалы есть... Хотят знать, где какой зверь живет, где какая птица летает, где какое дерево растет... Эти аксакалы — важные генералы. Понятно вам теперь, полковник Шабдан?

Теперь Шабдан понял и одобрительно заулыбался. Запенился кумыс, белый, как снег горных вершин. Затрещали на огне в казанах кусочки жирных бараньих грудинок — бешбармак. Засверкал рис, пропитываясь пахучим вкусным салом. Защекотало в ноздрях у проголодавшихся исследователей флоры и фауны.

Проведя гостей в свой неплохо обставленный дом, где все же сидеть нужно было на коврах и подушках, хозяин продолжил разговор:

— Аксакалы его величества, говоришь, хотят знать, где какой птица живет, так? А где горный арол живет, знают они?

Шабдан поднял голову и, оправив мундир, горделиво посмотрел на гимназистов.

— Ну, где же? — спросил Миша, улыбаясь.

— А зыдесь, вот зыдесь... — Шабдан хлопнул по своему ковровому сиденью и раскатисто, самодовольно захохотал.

В честь гостей, пусть и оказались они не «апицерами», Шабдан устроил конную игру «ер-саиш», подобие рыцарской схватки, на жердях,

дал им с удобством переночевать, а затем, снабдив крепкими лошаdkами, отправил через перевал Тур-Айгыр на самый берег Иссык-Куля, к заветной цели.

Перевал этот недаром носил свое название. В переводе Тур-Айгыр означает «Берегись, конь!».

Путь пролегал над страшными кручами, над бездонными щелями, в которых, вероятно, немало киргизских коньков — опытных, привычных ползунов по горам — сложило свои безропотные головы.

Но вот, наконец, внизу, вдалеке, заголубела гладь Иссык-Куля.

— Таласса... Таласса!.. — закричал кто-то, и вся компания подхватила этот хорошо известный гимназистам клич древнегреческих воинов. Те тоже приветствовали так долгожданное море.

Однако до самой воды Иссык-Куля было еще не так-то близко. Предстояло спуститься по склону и пересечь поросшую полынью, чиём и эфедрой примерно семикилометровую береговую террасу. Пробравшись сквозь кромку «тюя-куйрюка» — верблюжьей колючки, друзья подошли к озеру и, на ходу сбрасывая амуницию, кинулись в голубоватую прозрачную воду.

— Вот оно — море синее... — упоенно бормотал Михаил, еще не выдавший до сих пор никакого другого моря. Действительно, на востоке горизонт Иссык-Куля сливался с небом, двести двадцать километров до Пржевальска, чем не море...

Лишь к югу глаз различал неясные контуры Терскей-Алатау, южной ветви Тянь-Шаня, со всех сторон облегавшего это горное величественное озеро-море...

Подошел старик пастух.

Он был не очень словоохотлив, но все же поведал русским гостям местную легенду об Иссык-Куле. Она, кстати, немножко касалась и ботаники.

— Тут было когда-то великое стойбище... — так начал старик. — Тысячи тысяч баранов и несметное множество коней паслось по межгорной степи... И владыкой над всем этим богатством был хан Хаспек со звездой над глазами... Хаспек был грозным правителем, и все окрестные роды трепетали, слыша его имя... Но нигде он не мог найти для себя по сердцу жену... Со всех концов света привозили к нему знатные и богатые киргизы своих дочерей, но он не хотел выбрать ни одну... В каждой он находил что-нибудь нехорошее... Либо худа, либо толста, либо нос слишком длинен, либо слишком короток, либо ума у нее слишком мало, либо слишком много... А то просто держаться не умеет, как полагалось бы

жене Хаспека. Кудай ^[4], наконец, разгневался на Хаспека и говорит ему однажды: «До каких пор будешь ты бездетным, надменный хан! Когда исполнишь ты закон для живущих на земле?» Хаспек же, считая, что он даже Кудая может дерзить, ответил так: «Ты родил солнце и луну, Кудай, и я тоже хочу рождать не жалких, смертных людей, а яркие, вечные звезды. Я хочу быть Джылдыз-Ата»... Кудай подумал и снизошел к желанию Хаспека. Он послал к нему самую красивую из всех своих небесных дев, и она родила две самые яркие звезды неба — Вечернюю и Утреннюю... Но даже и эту небесную деву не полюбил горделивый Хаспек. Он стал над ней издеваться, попрекать, что она не умеет ни верхом ездить, ни илечек ^[5] повязывать, ни варить бешбармак, ни доить кобылиц... И вот совсем уже разгневанный Кудай велел жене Хаспека, матери звезд, начать доить самую злую, бешеную кобылицу из всех несметных хаспековских табунов. Молоко полилось могучей струей, наполнило все талканы и бурдюки, потекло наземь, получилась река, она затопила свои берега и залила все великое Хаспеково стойбище... Страшное голубое молоко все прибывало, все подымалось, гналось за ним. Хаспек дрожал и кричал от ужаса, полз вверх по скалам — и вот почувал, что нет больше у него сил. Он взмолился о милости. Кудай подумал опять и сделал Хаспека высоким синим цветком, что называется сейчас «иссыкский корень»...

— А молоко превратилось потом в воду? — шутливо спросил Миша у старика. — И вдобавок в соленую?

— Да, видно, уж так... — вяло ответил старик, не расчужив насмешливости вопроса, но добавил: — Это от слез покинутой жены соленый он стал, наш Иссык-Куль...

Но легенда легендой, а что «иссыкский корень» существует, знали и Миша и Эраст. И даже латинское название его знали: «Аконитум напеллюс».

— И вот растет синий цветок, бывший хан Хаспек, на горах... Он для всех страшен. Ни скот его не ест, ни человек его не трогает. Даже и другие травы не растут возле него... — так закончил старый пастух свой рассказ.

Двинулись дальше вдоль берега Иссык-Куля. Безлюдно было на гигантском озере и на его гористых берегах. Ни паруса, ни даже лодки не скользило по синей глади. Тишину нарушали только пронзительные крики стрижей да свист скворцов, наделавших себе глубоких пещерок-гнезд в высоких срезях берегов.

Время от времени клеток медленно проплывавшего гималайского грифа заставлял путников вскинуть головы. Не раз пробовали и Миша и

Драгутин подбить грифа выстрелом, но ничего не получалось. Спокойно, величаво продолжал плыть белоголовый, крылатый великан над голубым простором гигантского озера, над бархатистыми складками гор...

Целых десять дней продолжался путь от Тур-Айгыра до Каракола (Пржевальска), где находилась могила знаменитого исследователя Средней Азии и стоял на приколе в Джергаланской бухте оставшийся после Пржевальского парусный бриг. Делали роздыхи в Чолпон-ата, в Курумды, в Тюпе.

Дальше, от Пржевальска, двинулись без Иванова и Новака, на лошадях, с провожатыми-киргизами. Позади остались целебные ключи Джеты-огуза и густой еловый лес с орхидеями, ирисами, толстыми палицами эремуруса.

Образцы бесчисленных растений быстро пополняли ботаническую коллекцию Миши. Насекомыми и птицами занимался Эраст Поярков.

Выше хвойного пояса, состоявшего из прославленной голубой тяньшаньской ели, шли изумительные альпийские луга, усыпанные белыми эдельвейсами и огненным циноглоссумом. Воздух становился все более разреженным, трудноватым для дыхания. На восток и на юг снова тянулся покрытый вечными льдами горный массив. А далеко позади едва угадывался синеватыми проблесками сжавшийся, сузившийся Иссык-Куль.

Но вот конь, на котором ехал Миша, вдруг отпрянул в сторону. Прямо перед глазами на гладкой голой полянке возвышался униженный синими цветами высокий стебель аконитума напеллюс. Миша и Эраст сразу узнали это растение, по ядовитости равное самым страшным ядам — кураре и цикуте.

Долго смотрел Миша на воплощение сказочного хана Хаспека и, наконец, сказал, обращаясь к Эрасту:

Вот, брат, оно, олицетворение самовлюбленного, надменного одиночества...

Они смело продолжали путешествие. Порой все же их охватывал страх. После захода солнца они чувствовали себя затерянными и одинокими среди суровых, мрачных, незнакомых им гор. Окутанные вечерним сумраком, покрытые снегом вершины виднелись уже не где-то вверху, а под ногами. Несмотря на то, что стоял самый жаркий месяц года — июль, на этой угрюмой, совершенно безлюдной высоте было холодно. Здесь была почти зима.

Вот как описывал сам Михаил Фрунзе это увлекательное и полезное путешествие в письме приятелю К. Суконкину в Семипалатинск:

«...Что за веселое время-то было! Мы объехали, во-первых, громадное

пространство, были в Пржевальске, объехали озеро Иссык-Куль, затем перевалили Тянь-Шань, спустились к китайской границе, оттуда воротились в Нарын, из Нарына поехали на Сон-Куль — тоже озеро, а с Иссык-Куля — в долину Джумгал. С Джумгала — на Сусамыр, с Сусамыра — в Фергану к Андижану. Не доехав немного до Андижана, повернули в обратный путь. Ты, может быть, удивляешься тому, что я пишу все «объехали», между тем как мы отправились пешком. Но мы именно ехали, так как возле Кастека, по предписанию, нам дали лошадей, и мы с тех пор постоянно ехали верхом на переменных. В заключение несколько цифр.

Мы проехали около 3-х тысяч верст; ехали 68 дней; сделали 16 перевалов, в том числе 9 снеговых; из снеговых самый большой — Тозор в Тянь-Шане; затем Ойчаны, Качены и Устор в Александровском хребте, и потом Курумдинский перевал... Алатау и Алма-атинский на Верный, а затем еще несколько почти таких же, как Алма-атинский. Экспедиция наша увенчалась полным успехом. Мы собрали 1 200 листов растений, 3 000 насекомых: при этом заметь, что растения собирал я один... Коллекции мы уже отправили в Императорское географическое общество и Ботанический сад. А что за местности-то мы видели! Одна прелесть!

Куле, вот где охота-то! Дичи — гибель! Видал много волков, кабанов и всяких козлов. Вообще я очень доволен тем, как провел каникулы...

В следующем письме напишу, как проводил время в Пржевальске. Отвечай скорее.

Твой друг **М. Фрунзе**».

Возвратившись в Верный, Миша обработал собранный им богатый гербарий высокогорной тянь-шаньской флоры и отослал его в Петербург. Оттуда пришел вскоре отзыв:

«Ваша коллекция, как весьма ценная, включена в ботанический фонд Университета и Академии. Продолжайте работать по этой линии». [\[6\]](#)

Все поздравляли Мишу.

— Может быть, знаменитым ботаником станешь, — сказал ему директор гимназии Вахрушев.

Но сердце все сильнее влекло Мишу к иному. Ему все яснее становилась несправедливость, жестокость, уродливость старого мира...

5. АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Трудно приходилось братьям Фрунзе. Сестры подрастали, росли и

расходы. Хотя сравнительно дешева была жизнь в Семиречье, все-таки и для тех мест недостаточен был заработок, осиротевшей семьи.

Даже летом не всякий раз удавалось отдохнуть Константину и Михаилу. Готовили школяров к переэкзаменовкам.

В Пишпек Михаил попадал все реже, но, когда такая возможность появлялась, он ехал туда с большим удовольствием и там тотчас же отправлялся с кем-нибудь из дядей своих Бочкаревых в поле, помогать в полевых работах. Вечером у костра Михаил заводил разговоры с крестьянами. Расспрашивал, как им живется, рассказывал про то, что сам читал и знал о жизни.

Костер, подкармливаемый сухим кураем [7], трещит, вскидывая красные языки в темноту ночи. Позвякивают бубенцами стреноженные лошади. Чавкают волы. Где-то вдалеке, на Чуйских сазах [8], глухо кричит зобастый афганский гость — пеликан. Выпь застонет, гукнет сова, летучая мышь прошелестит совсем над ухом. Разгорается, как костер, беседа...

Однажды Мише пришлось заночевать вместе с братом в развалинах старой «муллашки»: так называется у киргизов подобие мавзолеев — надгробий над могилами знатных и богатых покойников.

Проснувшись на рассвете, брат его с ужасом увидел на обнаженной груди Михаила большую паукообразную фалангу, укусы которой считались смертельными.

Но известно, что фаланга кусает только тогда, когда она потревожена.

Константин взгляделся в лицо неподвижно лежавшего Миши — и поразился еще больше. Оказалось, что Миша не спал в этот момент. Медленное движение фаланги по телу разбудило его, но, открыв глаза, он ничем не проявил волнения или испуга. Хладнокровно он выждал, когда фаланга переползла на куртку, которой он был укрыт. Метким щелчком он сбил ее на землю и уже после этого учинил над ней расправу.

*

Возвращаясь в августе 1903 года через Пишпек в Верный, Михаил встретился на конно-почтовой станции Сам-су с тем самым студентом Затиншиковым, который бывал в Верном у Сенчиковского.

Он мало изменился: бородатый, все в той же потертой куртке и той же выгоревшей фуражке. Из-под мохнатых бровей смотрели суровые, решительные глаза. Отбив ссылку, он возвращался в Россию.

Сидеть на глухой станции было скучно. Лошадей пришлось ожидать долго. Вот, кажется, можно и ехать, но какой-нибудь чиновник прискачет в облаке пыли и перехватит подводу. За самоваром студент и Миша разговорились. Вспоминали о встречах у Сенчиковских, затрагивали и новейшие политические события.

Прощаясь, студент сунул в руку Мише небольшой сверток.

— Другому бы не дал, а тебе, кажется, довериться можно... — сказал он. — Жалко расставаться с книжечками... Но я, наверное, еще достану, а вам здесь пригодятся...

Когда они расстались, Михаил, продолжая путь в Верный, развернул сверток и увидел несколько брошюр в скромных серых обложках. «Ленин» стояло на одной из них, «Маркс, Энгельс» — на другой. Одна называлась «Что делать?», другая — «Коммунистический манифест». Кроме того, там было несколько номеров «Искры» за 1902 год.

Слова «Из искры возгорится пламя» стояли над крупно напечатанным заголовком газеты. Словно что-то озарило бескрайнюю холмистую степь, по которой ехал на тряской бричке Михаил Фрунзе. Он знал эти слова, знал, что они взяты из пламенного ответа декабристов Пушкину, и сразу понятно стало» ему что газета не простая, что в название ее вложен особенный смысл. Миша вспомнил неумирающие строки:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

.....

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Из текста газеты Миша узнал, что она издается уже два года. Он думал: «Если она попадает сюда, в Семиречье, то как же она должна быть широко известна в Центральной России!»

Немало уже знал Михаил о борьбе народа за свои права и до беседы с Затинщиковым. Ему было известно, что разоренные помещиками крестьяне, подобно его деду Ефиму Бочкареву, вынуждены были бросать родные села, деревни и либо искать счастья на чужбине, либо идти в поисках заработка на шахты, рудники, заводы, на строительство железных дорог, за гроши продавать свой труд. Год за годом ширились, пополнялись

ряды бесправного российского пролетариата.

Давно уже начали возникать стачки, стихийные, разрозненные забастовки доводимых до отчаяния рабочих. Но, пользуясь большими резервами безработных, фабриканты и заводчики легко справлялись с такими вспышками. Пролетариат нуждался в организованности, в единстве.

Еще в 1895 году Ленин объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки в единый «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Это было зарождение революционной, марксистской рабочей партии, превратившейся впоследствии в партию большевиков-коммунистов.

А к 1903 году вся огромная Россия была уже охвачена революционной пропагандой и агитацией снабжалась боевой марксистской литературой приобретала смелые, самоотверженные кадры подпольщиков...

*

Как только Миша вернулся в Верный, он созвал своих ближайших друзей, взял с них торжественное обещание о соблюдении тайны и объявил, что организует кружок самообразования, где будет читаться и обсуждаться политико-революционная литература. Возник важный вопрос: где собираться для чтения? Одни предлагали в горах, другие — в каком-нибудь уединенном саду.

Порешили собираться под гимназией, в одной из залитых цементом траншей, которые были проложены в фундаменте здания для защиты его от землетрясений. Здесь ползали мокрицы и пауки и заниматься можно было только при тусклом свете фонаря. Зато уж никому из начальства не могло прийти в голову, что там нашла себе убежище «крамола»...

С затаенным дыханием слушали товарищи Миши волнующие слова привезенной им книжки:

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки... Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы...» ^[9]

Были прочитаны и остальные брошюры.

Но вот гимназический инспектор Бенько, который по должности отвечал за «благонаравие» учащихся, каким-то образом проведал о

существовании кружка.

Бенько нельзя было считать каким-то особенно злым или жестоким человеком — он был просто старательным чиновником. Чтобы уберечь себя от возможных неприятностей, он решил действовать.

«Если до высшего начальства дойдет, обязательно выгонят из инспекторов как ротозея», — в страхе думал Бенько.

Он даже заготовил было рапорт губернатору, но кто-то из его собственных детей, тоже учившихся в гимназии, оповестил об этом кружковцев. В тот же день, поздно вечером, когда Бенько возвращался из чиновничьего клуба, к нему подошли двое молодых людей. В одном из них, несмотря на поздний час, Бенько узнал Михаила Фрунзе.

— Не советуем вам посылать ваш рапорт по адресу... — спокойно и внушительно сказал Михаил.

На большой риск шел Фрунзе. Но Бенько взвесил все обстоятельства и принял совет. Рапорт не был послан по назначению.

Пролетела еще одна зима, последняя верненская зима. Подошли выпускные экзамены.

Выпускной экзамен сильно отличался от всех других гимназических экзаменов. Он и назывался по-особенному— «испытанием зрелости». Письменные темы этого экзамена присылались из Ташкента, из канцелярии окружного инспектора, в запечатанных конвертах. И распечатывать эти конверты должен был сам директор в торжественной тишине экзаменационного зала.

И русский язык и математику сдал Миша, как всегда, на «пять», и по устным и по письменным заданиям.

Дальше шли латынь и греческий. Экзаменовал Бенько.

По три человека в алфавитном порядке подходили гимназисты к покрытому зеленым сукном столу и тянули билеты.

Михаил стоял по алфавиту последним. Не очень весело было дожидаться ему своей очереди, но он уже привык к этому и был вполне спокоен.

На его долю достался перевод из Юлия Цезаря и из Горация с подробным разбором. Все это Михаил Фрунзе проделал без запинки.

Когда Бенько обмакнул в чернильницу перо взгляд его встретился со взглядом Михаила. Тот не моргнул. Бенько помедлил секунду **И**, поглядев на своих соседей-экзаменаторов, вздохнул **И** нарисовал **В** ведомости пятерку, но такую хилую, что она походила скорее на единицу.

По греческому языку Михаилу достались военные темы: из «Анабазиса», а также из «Киропедии» — о военном воспитании

персидского царя Кира Младшего.

Поход горсточки греческих воинов через сожженную солнцем Малую Азию всегда волновал Михаила, когда он об этом читал.

«...Вот они движутся размеренным, почти нечеловеческим шагом, поблескивая тяжелыми раскаленными латами. Мерно колышутся над шлемами высокие копья. Отстающих не дожидаются. Отстал — погиб. Поэтому хоть из последних сил, а все-таки идут, шагают одетые медью воины. Но вот — «Таласса! Таласса!» — кричат измученные солдаты. Они увидели цель и конец своего пути — берег моря...»

Таков был отрывок, доставшийся Михаилу. Конечно, он вспомнил и о путешествии на Иссык-Куль...

— Таласса! Таласса! Ура! Созрели! — кричали с радостным смехом выпускники, выбегая на крыльцо после последнего экзамена и бросая в воздух фуражки.

Это было 2 июня 1904 года. Блестяще завершив курс, Фрунзе получил круглопятерочный аттестат с награждением золотой медалью.

Товарищи, окончившие вместе с Фрунзе гимназию, весело обсуждали, кто куда поедет, кто где будет продолжать образование.

— В Москву... В Питер... Харьков... Казань...

Только у Михаила не так уж весело было на сердце. Семья едва существовала на скудные гроши. На денежную поддержку матери рассчитывать не приходилось. Но Михаил твердо решил ехать в столицу. Как бы то ни было, аттестат зрелости был завоеван. Полученная Михаилом Фрунзе золотая медаль открывала ему доступ в лучшие высшие учебные заведения того времени.

Но не только жажда знаний влекла его в столицу. Он страстно мечтал увидиться с деятелями революции, услышать их боевые слова и действовать так, как учат они. А самой заветной мечтой Фрунзе было увидеть Ленина, чьи замечательные работы раскрыли ему глаза на окружающий мир.

И вот в августе 1904 года Фрунзе отправился в Петербург, отделенный тогда от Верного расстоянием более семи тысяч километров. Железная дорога Ташкент — Оренбург была еще не готова, она открылась только в следующем году. Нужно было ехать кружным путем, по так называемой Среднеазиатской дороге через Ашхабад и Красноводск и затем по Каспийскому морю. Это было интересное, богатое впечатлениями путешествие. Но вместе с тем и кошмаров всяких насмотрелись на этом пути Миша Фрунзе и его спутники — Саша Ромодин и Эраст Поярков.

Вот когда, видя пухнущую с голоду и «туземную» и русскую бедноту

на станциях и на пристанях, на пароходных бескрышных палубах и в полускотских «телячьих» вагонах, неотразимо припирал Миша друга Эраста:

— Ну, как все это тебе нравится? Можно ли оставаться равнодушным, хладнокровным, прятаться в кабинетную тишь?

И не находилось у Эраста возражений!

ГЛАВА ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКАЛКА

1. ФРУНЗЕ — СТУДЕНТ

Петербург встретил Михаила Фрунзе туманом, хмурой погодой, но, несмотря на это, казался сказочным городом. Многоэтажные здания высились по обе стороны широкого Невского проспекта. По гладкой торцовой мостовой мчались, печатая копытами, холеные рысаки. У императорских дворцов, у памятников царям стояли на часах бородатые лейб-гренадеры в высоких меховых шапках.

Однако все это великолепие поблекло в глазах Михаила Фрунзе, как только он поехал туда, где расположена многотрубная заводская Выборгская сторона. Он направлялся к Политехническому институту, куда решил поступить на экономическое отделение. Политехнический институт был расположен в значительном отдалении от города, в местности, известной под названием Лесной.

Жалкие деревянные домишки, кабаки, пустыри проплывали перед окнами небольших вагончиков паровичка. Оборванные ребята копошились в мусоре и отбросах. Ветхие тряпки раскачивались на веревках. А над всем этим высились бесчисленные трубы, дымя густым, черным и бурым

дымом.

Не без волнения переступили Михаил Фрунзе и его земляк Саша Ромодин порог Политехнического института.

Подшли к висевшему на стене списку принятых. Переглянулись: «Ого!»

В списке красовались громкие фамилии:

— «Князь Касаткин-Ростовский»...

— «Барон фон Гильдебрант»...

— «Де Санкти-Мауро-Гаевский»...

— «Князь Черкизов»...

Миша, однако, быстро заметил в институтских коридорах таких же провинциальных паренков, как и они с Сашей Ромодиным. Им, как видно, тоже было не совсем по себе возле развязных аристократов, но они не слишком робели.

Вот и первая институтская лекция популярного в то время профессора-историка Н. И. Кареева. Седой профессор Кареев, современник Тургенева, Гончарова, Некрасова, закончил свою вступительную лекцию пылкими словами:

— Да здравствуют молодые искатели правды-истины!

Он даже раскраснелся, произнося эти слова, и старческим кулачком стукнул по пюпитру кафедры.

Фрунзе обвел взглядом ряды. «Белоподкладочники» надменно поджимали губы. Среди них слышался неодобрительный шепот. Зато остальные студенты повскакали с мест и бурными аплодисментами проводили маститого профессора-демократа.

Вскоре после лекции к Мише подошел черный высокий студент, уставился на него горячими глазами:

— Понравилось? Крепко в ладоши бил, видал... Будем знакомы — Асатур Арбемян... Искать истину хочешь? А? Записать тебя в кружок?

— В какой кружок? — спросил Фрунзе.

Асатур подмигнул:

— В кружок по изучению «политической экономии»... Ну? Записать?

Миша догадался и с улыбкой кивнул новому знакомому:

— Конечно... Конечно...

Ни удаленность от центра Петербурга, ни толстые стены общежития, ни швейцары в золотых позументах не помогали начальству института в борьбе против революционной «заразы». Тем более что среди самой профессуры Политехнического института имелись также революционно настроенные люди: молодые еще тогда профессора А. А. Байков, М. А.

Шателен, М. А. Павлов, ставшие впоследствии выдающимися деятелями советской науки.

Однажды, после обеда в институтской столовой, Асатур Арбемян опять схватил Мишу за плечо:

— Слушай, Фрунзе... Сегодня в восемь, в пятой аудитории кое-что будет... Приходи обязательно...

В восемь вечера пятая аудитория была переполнена. Арбемян взбежал на кафедру и крикнул:

— Ближайшие задачи момента... Докладчик Бергштейн... — и, хитро подмигнув, добавил: — Оратор первый сорт, в-ва...

На трибуну поднялся один из вожakov институтской меньшевистской группировки — студент Бергштейн. Уверенным, почти профессорским тоном он повел свою речь:

— В некоторых кругах пролетариата ощущается тенденция к недооценке силы авторитарического режима России. Наша обязанность предостеречь пролетариат от чрезмерных иллюзий, внедрить в психику масс идею не только революции, но и эволюции, сделать массы более сговорчивыми в отношении смежных политических партий, контакт с которыми будет неизбежен даже в условиях минимального парламентаризма...

Постепенно смысл речи «первосортного оратора» становился все яснее. Он склонял к отказу от борьбы, к приспособленчеству.

— Довольно! — вдруг неожиданно для самого себя крикнул Михаил. И его выкрик был тотчас же подхвачен.

— Долой меньшевистского болтуна! — поддержал Мишу худоцавый студент-туляк Василий Шрамов и сам взбежал на трибуну. Заговорил горячо, гневно:

— наших товарищей, девушек-курсисток полиция бьет нагайками как раз за то, что порицал предыдущий оратор. Значит ли это, что господин Бергштейн прав? Он пока что не отведал царской нагайки, нам таких учителей не надо!..

— Не надо!.. Правильно!.. — снова подхватила аудитория.

Михаил Фрунзе окунулся в самую гущу событий. Несколько раз выступал на студенческих сходках, активно участвовал в замаскированном «изучением политической экономии» институтском социал-демократическом кружке, понемногу связался и с большевистским подпольем. Сначала ему давали поручения в рабочие кружки на Выборгской стороне, потом он стал самостоятельно вести подобный же кружок рабочих на Обводном канале, близ порта.

Из Верного, от провизора Иосифа Сенчиковского, он привез с собой рекомендательное письмо к известному в то время писателю народнического направления Николаю Федоровичу Анненскому. Долго раздумывал, стоит ли знакомиться с «ненастоящим марксистом». Но все же пошел.

Анненский жил в хорошей квартире, возле Царскосельского вокзала. Принял Мишу радушно, расспросил про город Верный, пригласил бывать по средам у него на собраниях.

— Вы студент? Политехник-экономист? Хорошо... Нужная народу специальность.

Большая квартира Анненского всегда была полна людей. В комнатах густо висел табачный дым, совсем так же, как в Верном у Сенчиковских. Перед Мишей проходили здесь самые разнообразные люди: и адвокаты, и доктора, и студенты, и журналисты, и инженеры. Бывали и рабочие.

Выступления рабочих сильно отличались от выступлений интеллигентов. И те и другие высказывались о революции, но одни словно красивые стихи декламировали, рабочие же говорили на революционные темы просто и скупно, как о насущном, будничном, кровном для них деле.

Анненский был членом редакционной коллегии влиятельного журнала «Русское богатство». Вместе с ним этим журналом руководил Владимир Галактионович Короленко.

Он тоже обратил внимание на симпатичного юношу, приехавшего с далекой окраины России, горячо и возмущенно рассказывавшего о произволе царизма в Семиречье.

Впоследствии, в момент величайшей опасности для жизни Фрунзе, когда он находился под угрозой царской виселицы за революционную деятельность, Короленко вспомнил его и присоединил свой веский голос к общественному протесту против казни молодого студента-революционера.

Около 20 ноября 1904 года на собрании у того же Анненского Михаил Фрунзе увидел и услышал Максима Горького. Горький был тоже еще молод. Волосы у него были длинные, русые, и он пятерней, широким жестом отбрасывал их, когда они ему мешали. Говорил он медленно, глуховатым басом. Все затаив дыхание слушали его, уже на весь мир знаменитого писателя.

— Многие сейчас желают быть сверхгероями, Геракловы подвиги совершать... — говорил Горький, сильно, по-волжски нажимая на «о». — Но победу-то завоюет как раз простой рабочий человек... Надо ему в этом помогать. Надо идти на заводы, на фабрики... Вот это и будет подвиг, не хуже всяких других... А комнатными разговорами победы, конечно, не

добиться...

Глубоко запали в сердце Михаилу эти слова, еще больше укрепили в нем революционную решимость.

Вот как Фрунзе описывает свою жизнь тех дней в письме к тому же К. Суконкину, с которым продолжал дружескую переписку:

«Извини, Костя, что я так долго не отвечал тебе.

Но ты не поверишь, что у меня положительно нет времени писать письма; сейчас у нас идет сильное брожение, да не только у нас, но и во всех слоях общества; в печати теперь пишут так, как никогда не писали; везде предъявляются к правительству требования конституции, отмены самодержавия; движение очень сильно. Не нынче, так завтра конституция будет дана; не дадут в этом году, дадут в следующем. 6 ноября в Петербурге было назначено заседание представителей от всех земств; это заседание, хотя и не было разрешено правительством, все-таки состоялось и выработало программу, исполнения которой потребуют у правительства. Между прочим, § 11-й этой программы включает требование созыва Учредительного собрания для выработки им конституции. Сейчас среди студенчества и рабочих, а также и среди частных лиц идут оживленные приготовления к грандиозной манифестации, ряд частичных демонстраций уже был как у нас в Питере, так и в других городах; но это только не что иное, как прелюдия к самому главному, которое имеет быть в начале декабря. Вчера у нас был устроен вечер в здании института, была масса народу: профессоров, студентов, курсисток и вообще всякой публики; после вечера собралась сходка, на которой присутствовало свыше 2-х тысяч человек. На этой сходке было решеноверить руководство главному комитету социал-демократической партии. От него в нужный момент и пойдут приказания...

...Еще раз повторяю: читай побольше, чтобы быть по приезде в Питер настоящим студентом, а не жалкой пародией на него...

Познакомься с развитием социализма, так как первенствующая сейчас партия социал-демократов вся основана на социализме...

Сейчас я преусердно занимаюсь чтением... Подзаймись-ка, Константин, да поступай к нам в институт...»

Действительно, революционное движение в Петербурге все разрасталось.

В самом центре императорской столицы, на площади возле Казанского собора, состоялась многочисленная демонстрация. Это было для того времени неслыханно смело, дерзко! Белоперчаточная царская полиция растерялась. Над огромной толпой, состоявшей главным образом из студентов и

курсисток, появились красные флаги, зазвучала революционная песня — «Марсельеза». Между высоких, массивных колонн соборной галереи начали выступать ораторы, призывая к протестам против никому не нужной войны, против произвола самодержавия.

Были вызваны казаки, считавшиеся в ту пору самыми надёжными служаками царя. Демонстрантов стали оттеснять в прилегающие улицы. Фрунзе с товарищами оказался на Михайловской улице, возле Петербургской городской думы. И уже много лет спустя, бывая в Питере, он показывал запомнившееся на всю жизнь место, где он впервые отведал царской нагайки, где был в первый раз схвачен полицией и подвергнут допросу:

- Кто такой?
- Студент...
- Фамилия?
- Тачапский.
- Имя?
- Борис...
- Откуда родом?
- Петровск на Медведице...

Все это были явно смехотворные ответы! Фрунзе назвался именем одного из верненских гимназистов, которого он когда-то репетировал. Тачапский, юноша, далекий от политики, никак не мог фигурировать в это время в роли представителя революционных сил, не говоря уже о совершенно неоспоримом «алиби»: до Верного было дней десять пути... Но по полицейским правилам задержанный должен был быть выслан именно в тот город, который он назвал как место своего происхождения. Так и поступили с мнимым Борисом Тачапским!

Эту вынужденную поездку Фрунзе использовал, однако, совсем в нежелательном для полиции духе.

Именно в Петровске, городке небольшом, но все же имевшем около 25 промышленных предприятий,

Михаил Фрунзе оформил свое вступление в ряды Российской социал-демократической рабочей партии. Затем он был направлен агитатором в Славянск и Ливны, а в середине декабря возвратился в Петербург и возобновил свои занятия в Политехническом институте.

2. КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Наступил 1905 год, год «генеральной репетиции» великой социалистической революции, по крылатому выражению В. И. Ленина.

Шедшая в то время на Дальнем Востоке русско-японская война приносила царизму поражение за поражением. Пал осажденный японцами Порт-Артур, а пытавшийся прийти ему на помощь бездарный главнокомандующий русской армии генерал Куропаткин отходил все дальше на север.

Военным неудачам сопутствовало и бедственное внутреннее положение страны. В Центральной России, на Тамбовщине, на Рязанщине и особенно в Поволжье властвовали в те дни голод и нищета. Задыхалось в тисках очередного недорода, кулацких и помещичьих поборов безземельное и малоземельное крестьянство. Угрюмы, мрачны, озлоблены были рабочие промышленных городов.

Царская полиция старалась руками своих агентов, таких, как Зубатов, Гапон, всячески ослабить революционное, пролетарское движение.

«Доверие батюшке царю» — таков был лозунг, который агенты царской охранки противопоставляли лозунгу большевиков: «Долой царя, помещиков и капиталистов!»

Кое-каких успехов полицейская агентура достигала. Зубатовцы создали в некоторых городах свои организации. Они носили разные маскировочные названия: «Общество воскресных чтений», «Общество трезвости» и т. п. По тому же образцу было создано Галоном в 1904 году «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга».

Русско-японская война вскрыла всю бездарность и преступность царского правительства, война ускорила ход событий. Расчеты царизма на удушение революции войной не оправдались. Народ восстал. Началом послужил зверский расстрел безоружных рабочих — Кровавое воскресенье 9 января 1905 года в Петербурге.

Петербург был одет снегом. Небо медленно затягивалось грузными облаками... На первый взгляд это было обыкновенное воскресное утро. Не торопились чиновники на службу, не сновали извозчики. Но в рабочих районах столицы и в ее пригородах было необычайное оживление. За Нарвской, Московской, Невской заставами, на Выборгской стороне, у Шлис-сельбургских ворот — всюду собирались многочисленные группы рабочих. Эти группы соединялись и через некоторое время, заполнив до отказа улицы площади, сплошной массой начали подвигаться к центру столицы.

А там, в центре города, полк за полком — Измайловский,

Семеновский, Егерский — выходили из казарм и занимали указанные им места у дворцов и мостов. Серые шинели были крест-накрест перетянуты башлычными лентами. Мерно покачивались штыки над широкими плечами гвардейцев. На Дворцовой площади рота за ротой, как на смотре, разворачивались и выстраивались спиной к Зимнему дворцу.

Тем временем от рабочих окраин к Дворцовой площади неторопливо двигались многочисленные толпы людей. У них не было оружия. Над рядами блестели золотые церковные хоругви, а впереди в больших рамках толпа несла портреты царя.

Трудовой народ Петербурга шел к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию, в которой были перечислены нужды народа. Организатором этого шествия был провокатор Гапон.

Большевики пытались разъяснить бесполезность этой затеи, но многие рабочие искренне верили в ее успех, и было невозможно остановить движение масс.

Тогда большевики пошли вместе с рабочими к Зимнему дворцу.

«Нет сил более, — говорилось в письме, которое народ нес царю, — настал предел терпению. Бездарное правительство довело великую страну до разорения, позорно проиграло войну с Японией и все дальше и дальше влечет Россию к гибели...»

Письмо убеждало царя назначить других министров, освободить из тюрем борцов за права народа, сделать так, чтобы фабриканты увеличили заработки рабочих.

«Не отзовешься на нашу мольбу, мы умрем здесь на площади перед твоим дворцом, — заканчивалось письмо, — пусть наша жизнь будет жертвой для страдавшей России...»

Накануне вечером на одном из собраний Михаил Фрунзе слушал, как обсуждалось это письмо. Помещение было переполнено людьми. Керосиновые лампы чадили и гасли.

Кто-то на трибуне, размахивая руками, выкрикивал:

— Братья!.. Друзья!.. Клянемся, что все, как один, пойдем с письмом к государю...

— Нас там штыками да пулями встретят!.. — не удержавшись, громко возразил Фрунзе, чем навлек на себя неудовольствие соседей, еще веривших Галону.

Однако большевистская партия постановила быть в этот день с родным ей рабочим народом, и 9 января молодой большевик Михаил Фрунзе шагнул в одной из колонн.

Все ближе подвигались толпы к Зимнему дворцу.

— Вот и дошли! — слышались голоса. — Вот и дворец...

Глаза идущих впереди начали уже искать на балконах дворца фигуру Николая II.

Но как только голова движущейся колонны поравнялась с решеткой Александровского сквера, серая неподвижная стена солдат, преграждавшая вход на Дворцовую площадь, вдруг зловеще зашевелилась и навстречу толпе раздались залпы.

А когда народ, оставляя на окровавленном снегу сотни раненых и убитых, отхлынул назад, пехота расступилась и пропустила гремящую копытами кавалерию.

Сверкающие клинки сабель обрушились на головы безоружных рабочих... Люди в ужасе взбирались на заборы, на деревья. Пробовали прятаться в подъездах. Кавалерия не давала подбирать упавших. Кони давили людей тяжелыми копытами.

Человеческая волна понесла Михаила Фрунзе назад. Шальная пуля задела ему руку. От крови намок рукав пальто. С трудом добрался Фрунзе до своей комнаты в общежитии студентов. В этот же день войска стреляли в толпы рабочих у Нарвских ворот и Невской заставы. И там были убитые и раненые.

Народ назвал этот день «кровавым воскресеньем».

Рабочие говорили: «Царь нам всыпал, ну и мы ему всыпем!»

Уже к вечеру 9 января в рабочих районах стали строить баррикады.

«В России началась революция...» — писал Ленин, оценивая это событие.

Через несколько дней Михаил Фрунзе с трудом написал раненой рукой в Верный матери большое письмо.

«Милая мама, — писал он в этом письме. — У тебя есть сын Костя, есть и дочери. Надеюсь, что они тебя не оставят, позаботятся о тебе в трудную минуту, а на мне, пожалуй, должна ты поставить крест... Потоки крови, пролитые девятого января, требуют расплаты. Жребий брошен, Рубикон перейден, дорога определена. Отдаю всего себя революции. Не удивляйся никаким вестям обо мне. Путь, выбранный мною, не гладкий...»

Поплакала Мавра Ефимовна, получив это письмо. И с тех пор каждый день только и ждала: вдруг да придет какая-нибудь страшная весть о Мише.

А он, выполняя поручения партии, отдавал всего себя революционной работе.

Побывал как агитатор в Екатеринославе, снова в Ливнах, в Москве: снабжал подпольной литературой местные партийные организации, налаживал партийные связи, горячо агитировал за большевистские,

ленинские идеи, призывал к борьбе с царизмом и капитализмом.

Фрунзе был уже знаком к этому времени с работой Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и знал, как остро высмеивает основатель большевистской партии тех «марксистов от моды», которые только болтали о марксизме, считая для себя зазорным состоять в какой-либо партийной организации, подчиняться партийной дисциплине, вести будничную кропотливую работу по укреплению и расширению рядов партии. Это были лжесоциалисты, вредившие делу революции. Таким Фрунзе быть не желал.

В списке студентов Политехнического института фамилия Фрунзе в течение всего времени, с января по ноябрь 1905 года, была обведена чертой, а на полях стоял вопросительный знак. Как видно, это был период, когда его отсутствие было таким частым и длительным, что обращало на себя внимание институтской инспектуры.

3. ТРИФОНЫЧ

В один из первых дней мая 1905 года по городу Иваново-Вознесенску медленно шел молодой человек в синей косоворотке и простой фуражке. Внимательно осмотрев город, высокие белые каменные дома фабрикантов, торговый ряд, вытянувшуюся вдоль речки Уводи кирпичную линию фабрик, приезжий направился в рабочий пригород — Ямскую слободку. Там ему немало пришлось побродить, пока он нашел то, что было нужно.

Ямской слободой называлось место, где жили многие тысячи ивановских текстильщиков. Деревянные кособокие домишки жались один к другому. В узких переулках стояла грязь. Тяжелая копоть фабричных труб густо оседала на крышах, на заборах, на тщедушной траве, летела в окна. Зимой она бурым бархатистым налетом ложилась на сугробы снега. В сильные ветры и метели дрожали, скрипели деревянные хибарки. Ежились под жалкими ситцевыми одеялами детишки на жестких, щелистых, пронизываемых ветром полах.

Как раз одна из таких хибарок и была сейчас перед приезжим.

— Евлампий дома? — спросил он, когда на его стук открылось кривое окошко. — Ждет гостя?

— Ждет... — был ответ. И гость в синен рубашке быстро вошел в калитку. Это был Михаил Фрунзе.

Во дворе его встретил худощавый, среднего роста человек с рябоватым лицом и большими возбужденно горящими глазами. Он не улыбался, да и вообще трудно было вообразить улыбку на его суровом лице. Это был

знаменитый вожак ивановских рабочих Евлампий Дунаев, или «Бешеный ткач», как его звали фабриканты.

— Трифоныч? — спросил он, протянув гостю руку.

— Да, — ответил Михаил Фрунзе, подтверждая свою подпольную кличку.

У Иваново-Вознесенска была своеобразная история. Уже в XVI веке было известно село Иваново, числившееся в списке «царевых вотчин» и населенное искусными мастерами ручного тканья, поставщиками высококачественных льняных тканей, гладких и набойных, к Московскому царскому двору. Закрепощение крестьян, проведенное Борисом Годуновым, сделало село Иваново собственностью «свояков» Грозного — князей Черкасских, а позднее — могущественного рода Шереметьевых, но ткацкое ремесло продолжало оставаться основным занятием местных жителей. Наиболее удачливые из них богатели, откупались от крепостной зависимости или переходили на так называемый оброк — платеж постоянных процентов князьям-хозяевам. Такие счастливицы и территориально отселялись от крепостных на другой берег немудрой речки Уводи, где вокруг церкви Вознесения образовывался и разрастался посад (то есть местожительство более или менее свободных людей) Вознесенский; он-то и начал застраиваться сперва мелкими, а потом все более крупными «мануфактурами», фабриками с применением механических ткацких станков. Потомственные ткачи-кустари шли на фабрики, становились пролетариями. Постепенно и в окрестностях этого Иваново-Вознесенского текстильного «гнезда» задымили фабрики быстро богатеющих предпринимателей — Ясунинских, Гарелиных, Дербеневых, Куваевых... Громадные многокорпусные мануфактуры вырастали в разных точках тихого владимирско-костромского захолустья. Середа, Вичуга, Кинешма, Тейково, Кохма, Шуя — обширный край был охвачен властным шествием ткацкой машины. Удобное местоположение ИвановоШуйского текстильного края — близость к Москве и к Нижнему Новгороду (ныне Горький) со знаменитой ярмаркой, узлом европейско-азиатской торговли — способствовало его стремительному развитию. Быстрое обеднение крестьянства неуклонно и обильно пополняло ряды пролетариата. К началу XX столетия около пятидесяти тысяч рабочих трудилось на фабриках Иваново-Вознесенска и в близлежащих местах.

В этом пролетарском крае энергично развивалось и рабочее движение. Одна из первых в России стачек рабочих произошла как раз в Иваново-Вознесенске еще в 1879 году.

Впоследствии, вспоминая об ивановском периоде своей деятельности,

Фрунзе отмечал, что «все рабочее движение района развивалось под знаком гегемонии партии большевиков».

Евламий Александрович Дунаев считался вожаком ивановских ткачей, но и, кроме него, были там крепкие, закаленные люди: отчаянный, бесстрашный руководитель боевиков Иван Уткин, по прозвищу «Станко», Роман Семенчиков, по прозвищу «Громовой», неутомимый Семен Балашов, по прозвищу «Странник», Федор Самойлов. Особым почетом пользовался Федор Афанасьевич Афанасьев, которого все рабочие-подпольщики звали «Отец».

Никаких разногласий не было у этих людей во взглядах на революцию и характер борьбы за нее. Они верили в победу рабочего класса так же, как люди верят в приход весны, в наступление лета, в то, что солнце взойдет после ночи. И борьбу за свои права они вели с непоколебимым упорством, как само собой разумеющееся, повседневно обязательное дело.

Одного из таких «прирожденных» большевиков и видел сейчас перед собой Михаил Фрунзе. Фрунзе был прислан в качестве окружного агитатора и ответственного организатора по району одновременно двумя большевистскими комитетами РСДРП — Московским и Северным. Ему предстояла задача почетная, но нелегкая: завоевать среди ивановцев доверие и авторитет, оказаться достойным той миссии, которая была на него возложена партией.

— Милости просим, товарищ, как раз ко времени прибыл, — сказал Евламий Дунаев. — Сейчас Отец придет и другие соберутся. Готовимся к делам серьезным...

— Дело идет к революции, товарищи, — начал Фрунзе, когда собрались люди у Дунаева и беседа разгорелась. — Девятое января показало, что царизм не намерен уступить свои позиции без ожесточенного боя... Царя и хозяев слезой не прошибешь, надо готовиться к вооруженной борьбе...

Фрунзе рассказал, как по всей России рабочие поднимаются на борьбу. Далеко за полночь просидели собравшиеся, слушая молодого приезжего. Обсуждали, как приступить к стачке. Уже на рассвете разошлись по домам...

А вскоре начались небывалые даже и для Иваново-Вознесенска события.

12 мая ^[10] 1905 года по единому сигналу остановились все фабрики. Тысячи ивановских ткачей двинулись к опушке талкинского подгородного леса. Весенний ветер оведал их лица.

В неширокой речке Талке отражались высоченные розовостволие

сосны, щетинистые ели. На тенистых полянках молодой папоротник готовился развернуть туго закрученные спирали своих листьев.

Место это впоследствии вошло в историю под названием «Талкинский университет». Здесь проводилась подготовка к грандиозной политической стачке, охватившей в эти дни все предприятия Иваново-Вознесенска. Передовые рабочие текстильного города принимали здесь на засекреченных сходках представителей партийных центров: из Ярославля и Костромы приезжали Подвойский и Караваев, из Москвы — Ст. Вольский, из Владимира — Самохвалов. Все они внесли свой вклад в дело сплочения местных пролетарских сил, придали боевое большевистское направление замышляемой стачке.

На следующий день, 13 мая, около 32 тысяч рабочих собралось на центральной площади Иваново-Вознесенска, перед зданием городской управы.

Здесь, на митинге, после вступительного слова Евлампия Дунаева и ряда горячих, боевых выступлений рабочих были обсуждены и приняты 26 требований к фабрикантам. Эти требования были тут же вручены фабричному инспектору Свирскому для передачи по назначению.

Затем начались выборы уполномоченных для переговоров с хозяевами и властями — так возник первый Совет рабочих депутатов.

За несколько дней в Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов было избрано сто пятьдесят человек, большинство среди которых составляли члены РСДРП — большевики, в том числе самые закаленные и уважаемые: С. Балашов, Е. Дунаев, Ф. Самойлов, Н. Жиделев, И. Уткин, Н. Грачев, И. Косяков, М. Лакин и другие, не менее известные и авторитетные товарищи. Первым председателем Совета был избран Авенир Ноздрин, популярный пролетарский поэт, сам в ту пору работавший у станка.

Фабриканты, подбадриваемые полицией, отказались удовлетворить предъявленные им требования. Они заявили:

— Никакого Совета знать мы не желаем... Если и будем с вами разговаривать, то только в отдельности по каждой фабрике, но никоим образом не с самозванным органом вашей власти!

Было ясно, что они распознали политический характер забастовки и по достоинству оценили создание в Иваново-Вознесенске прообраза тех Советов, которым суждено было спустя двенадцать лет взять в свои руки управление всем государством. Как видно, не столь уж плохое чутье было у всех этих Дербеневых, бакулиных, грязновых... Да и большое начальство крепко забеспокоилось. Уже 14 мая в Иваново-Вознесенск прибыл сам владимирский губернатор Леонтьев в сопровождении военных частей. Он

опубликовал за своей подписью приказ, строжайше запрещающий какие бы то ни было сборища и сходки рабочих под угрозой суровой расправы.

Весть об Ивановской стачке облетела страну. Она дошла и до В. И. Ленина, находившегося за пределами России. Он тотчас откликнулся на это событие:

«Посмотрите на центральный промышленный район. Давно ли казался он нам спящим глубоким сном, давно ли считали там возможным только частичное, дробное, мелкое, профессиональное движение? А там уже разгорелась всеобщая стачка». [\[11\]](#)

3 июня, утром, когда Трифоныч и другие, как обычно, занимались в лесу с рабочими политической и военной учебой, к опушке талкинского леса подошли воинские части, пешая и конная полиция. Они оцепили лес и стремительно двинулись вглубь. Солдатам и полицейским был дан приказ во что бы то ни стало схватить рабочих главарей, в том числе и неизвестного агитатора — «синюю косоворотку».

Хоть и ждали ткачи подобного набега, но все же были не вполне к нему готовы. Все сидели, как обычно, кто на траве, кто на пеньках, слушали Трифоныча и Дунаева. Вдруг загремели выстрелы. В прогалинах между деревьями показались жандармы.

— Боевики, вперед! — крикнул Трифоныч.

Боевики развернулись цепью, стали отстреливаться. Закипел настоящий бой. На черничник и папоротник падали зарубленные шашками и подстреленные люди. Под прикрытием боевиков безоружные ткачи и ткачихи старались уйти из-под обстрела. Это была вошедшая в историю Талкинская бойня.

Солдат и полиции было больше, чем боевиков. Боевикам пришлось отступать. Началась и за Трифонычем погоня.

Он был оттеснен к опушке и выбежал на открытое поле. В полуверсте от опушки леса стоял двухэтажный деревянный барак для рабочих, строивших невдалеке новую фабрику миллионера Витова. Плотники и каменщики, люди деревенские, пришлые, жили в этом бараке. В ответ жандармам, преследовавшим его, Фрунзе посылал пулю за пулей. Но вот, наконец, дверь барака... Фрунзе пробежал между рядами тесно поставленных нар-топчанов. Раскрыв рты, бородатые плотники изумленно смотрели на него.

— Ты кто таков?! — крикнул было один.

— Прячьте-ка лучше, чем расспрашивать, — отрезал Фрунзе.

И вот он исчез.

— Где бегляк?! — заорали, вломившись следом, жандармы.

- Не знаем, — отвечали жильцы барака.
- Как так не знаем? Видали?
- Никак нет...
- Куда же он делся? В воздухе, что ли, растаял?
- Не знаем, не знаем, служивые, — стояли на своем плотники.

Пока жандармы шарили под нарами, переворачивали тюфяки, проверяли жильцов по списку, Михаил Фрунзе был уже далеко. Хозяева барака выпустили его через погребной люк. Скрываясь в высоких зарослях лебеды и крапивы, он благополучно перебрался на другую сторону Талки. Плотники не выдали большевика Трифоныча.

«Талкинский университет» был на время разгромлен. Но как только по городу разнеслась весть о налете полиции на Талку, рабочие дали, наконец, волю долго сдерживаемой ярости. Загорелись дачи и особняки фабрикантов. Из окон городской управы со звоном полетели стекла. Словно ураган пронесся по ивановским улицам.

Фабрикант Бурылин в те дни писал своим родственникам:

«То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий. Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось. У наших нет единого мнения. Мое честное убеждение — надо поскорее идти на небольшие уступки рабочим требованиям. Нам угрожают колоссальные убытки. Две партии непромытого вареного товара преют в котлах, в красивой — мокрые ролики. Мне известно из достоверных источников, что руководители забастовки — люди приезжие, с образованием. Руководят хлестко. Чувствуется в городе двоевластие. Рабочие не хотят договариваться на своих фабриках, выставляют общие требования».

Недешево обошлась бойня на Талке ивановским фабрикантам.

Забастовка продолжалась. Упрямо, со стиснутыми зубами ткачи-ивановцы подтягивали потуже свои пояса.

— Не сдадимся на милость...

Полиция из кожи лезла вон, стараясь напасть на след Михаила Фрунзе. И в одиночку и патрулями разыскивали полицейские неуловимого Трифоныча, а он был поблизости: то в самом Иванове, то в Кохме, то в Шуе, и всюду продолжал революционную работу.

*

Стачка всколыхнула весь Иваново-Вознесенский район. Она охватила

десятки тысяч рабочих и работниц и стойко продолжалась почти два с половиной месяца (начало мая — конец июля).

Десятки тысяч участников этой знаменитой стачки, руководимой Московским и Северным комитетами партии большевиков, впервые в истории революционного движения в России создали Совет уполномоченных. Он был, по существу, первым Советом рабочих депутатов, прообразом советской власти.

Накануне стачки и в ходе ее Фрунзе неустанно сколачивал боевую дружину из наиболее преданных делу партии рабочих; он обучал их обращению с оружием, организовал доставку огнестрельного оружия и изготовление ручных бомб своими силами.

Это была первая военная работа Фрунзе, которую поручила ему партия.

В то же время Фрунзе продолжал и пропагандистскую работу. Он удачно вел ее даже среди расположенных в районе воинских команд.

Общеизвестно, что царское правительство считало казаков наравне с гвардией, вербовавшейся главным образом из кулачества, самой надежной своей опорой.

Но среди казаков встречались и иные люди. Видимо, к числу таких принадлежал и молодой вахмистр фельдшер Воротынцев, с которым Фрунзе познакомил шуйский большевик Сабуров.

Обаянием своей личности Фрунзе мог покорить и не такого человека, здесь же сразу почувствовалось, что каждое слово попадало на благоприятную, податливую почву. Первая встреча произошла в так называемой Марьиной роще, близ Шуи.

— Неужели вам не претит, — спросил Фрунзе молодого казака, — что казачество считают лютыми церберами вроде опричников былых?

Собеседник его заметно сконфузился.

— Претит, конечно... — пробормотал он. — Да что поделаешь, служба, присяга. К тому же давно так ведется...

— Но ведь и Ермак, и Степан Разин, и Пугачев тоже были из казаков, — возразил Фрунзе. — А какой славой овеяли они русское казачество...

Довод был убедительный, доходчивый. Вахмистр-фельдшер выдвинул мысль о встрече уже не с ним одним, а с целой группой молодых казаков на одном из шуйских кладбищ. Это уже пахло немалым риском. Вдруг засада, ловушка?

Фрунзе все же пошел. Его сопровождали Сабуров и Балашов, а казаков, приведенных Воротынцевым, оказалось чуть не два десятка — целый митинг получился!

Опять вспомнили про Ермака и про Разина, затронули великие жертвы, понесенные казачеством в бездарно проигранной царизмом войне против Японии.

— А теперь царь велит вам рабочих пороть нагайками... — подытожил Фрунзе.

Смущенно молчали казаки. Воротынцев подал голос:

— Казак нагайке хозяин... Пороть не будем...

Но вскоре какой-то «слухач» донес о работе Фрунзе среди военных. Казаки и воинские команды были заменены.

В эти горячие боевые месяцы 1905 года Фрунзе был также одним из организаторов окружной партийной организации и затем Иваново-Вознесенского союза РСДРП, охватившего весь этот обширный промышленный район.

В лесах и оврагах близ Иваново-Вознесенска, в Шуе, Кохме, Середе Фрунзе проводил боевые сборы, готовил рабочих к вооруженной беспощадной борьбе с самодержавием.

Простым, доходчивым языком разъяснял ткачам окружной агитатор Трифоныч революционное учение Маркса и Ленина. Легко находил он доступ и к сердцам местных крестьян.

Фрунзе хорошо усвоил ленинское указание о том, что победа революции требует союза рабочего класса с крестьянством. Поэтому он считал своим долгом одновременно с работой среди ткачей вести революционную агитацию среди населения деревень и фабрично-земледельческих поселков — Тейкова, Лежнева, Южи, Парского, Горок.

Часто, как бы невзначай, он заходил в какую-либо деревню или село и начинал с жителями обстоятельный, заранее продуманный разговор о революции и об отношении к ней крестьян.

— Когда грянет час, кого будет правильнее поддерживать крестьянам: фабрикантов и помещиков или своего брата — рабочих, мастеровых? — такой вопрос ставил обычно Трифоныч перед своими собеседниками. Он, разумеется, знал, что из крестьянства, из кулацкого его слоя выходило и немало капиталистов, но вместе с тем огромное большинство выходцев из деревни пополняли ряды пролетариата, кровными узами связывали рабочий класс и маломощное, нещадно эксплуатируемое сельское население.

Меньшевики не имели в ту пору в Иваново-Шуйском районе сколько-нибудь заметного влияния, но Фрунзе нередко приходилось сталкиваться с противодействием эсеров, или «социалистов-революционеров», как с важностью именовали себя эти идеологи сельского кулачества, мелкой

буржуазии. Эсеры, последыши народовольчества, придерживались принципов индивидуального террора — бросать бомбы в губернаторов, министров, поджигать помещичьи усадьбы, а также пропагандировали индивидуальные, хуторские хозяйства. Все это большевики считали ошибочным, вредным для революции, не приносящим народу никакой пользы.

Однажды в помещении школы села Парского был устроен своеобразный, надолго запомнившийся окрестному населению «диспут» между местными интеллигентами: одним, представлявшим что-то среднее между кадетом и меньшевиком, и другим — эсеровским пропагандистом — и выступавшим против них обоим молодым большевистским агитатором Трифонычем.

Оба оппонента Фрунзе были вооружены пачками книг, откуда они поочередно вычитывали «убийственные», с их точки зрения, цитаты и «справки»:

— Михайловский говорит так... Гильфердинг этак... А Бебель вот как... — обстреливали «ученые мужи» розовощекого, с едва пробивающимися усами и бородкой, веселоглазого, с прищуркой Трифоныча.

А тот, хотя и не был вооружен объемистыми томами для контробстрела, все же ни на йоту не уступал своим оппонентам и в эрудиции и в умении ею пользоваться. Особенно досталось в этом «диспуте» первому, которого Трифоныч после этого прозвал «недожаренным двуногим без перьев».

— Одна нога у него меньшевистская, другая — монархистская, и на обе хромает...

«Мудрецы» такого типа пытались подыгрывать к крестьянству с позиций сохранения в должности «батюшки-царя». Крестьянство еще довольно сильно тяготело к царизму.

Известность Трифоныча в деревнях все более росла. Это не на шутку тревожило местную власть. За поимку Трифоныча полицейским была обещана крупная денежная награда и повышение в чине.

Однако шли дни, недели и месяцы, а Трифоныч оставался неуловимым. Он продолжал вести настойчивую работу, полную опасностей и лишений. Много раз случалось ему ночевать и в стогу сена и просто в лесу, питаться краюшкой черного хлеба да ключевой водой.

Небогата была партийная касса тех времен, в силу этого и жизнь агитатора, пропагандиста была в материальном смысле сплошным подвижничеством. Казначей ивановской организации Федор Афанасьевич

Афанасьев строго блюл каждую копейку, причем иной раз дело доходило, как говорится, «до горького смеха».

Провожая однажды Трифоныча, которого, кстати сказать, он очень любил и уважал, Федор Афанасьевич протянул ему на ладошке бережно три потертых пятиалтынных, как тогда назывались пятнадцатикопеечные монеты. Поездка Трифонычу предстояла, правда, не очень дальняя, не то в Родники, не то в Кохму, но все-таки железнодорожные билеты туда и обратно стоили не меньше тридцати копеек, да, кроме того, жить там предстояло дня три-четыре...

Однако и эта невеликая сумма предназначалась Трифонычу не целиком!

— Ты, дружок, дай мне три копейки сдачи... — деловито и строго сказал при этом Отец. — Тебе полагается на поездку ровно сорок две копейки...

Фрунзе так же серьезно и деловито развел руками:

— Федор Афанасьевич, ей-ей, нечем сдать... Пуст карман!

Афанасьев ответу такому нимало не удивился, необыкновенного ничего в этом не было, но он решительно и твердо распорядился:

— Тогда изволь сбегать в лавочку на угол, попроси разменять и три копейки все-таки принеси обязательно...

Трифоныч, конечно, безропотно выполнил Отцово требование, хотя и представлял вполне отчетливо, каково будет ему в этой «командировке» из расчета по... три копейки в сутки на все про все, и «кормовых», и «квартирных», и на, так сказать, «орграсходы»... Только и можно было уповать на краюшку черного хлеба...

В августе 1905 года иваново-шуйская организация партии послала Фрунзе в Казань на подпольную конференцию по весьма важному для революции аграрно-крестьянскому вопросу. Это доказывало, что Трифоныч-Фрунзе обладал уже к этому времени серьезным опытом работы среди крестьян и пользовался у них авторитетом.

17 октября 1905 года под давлением народа Николай II издал так называемый «конституционный манифест» — указ о «даровании» народу ряда политических прав. Но, обещая на словах свободу, царь и его правительство на деле ничего не дали. «Манифест» был обманом.

Буквально на другой же день после получения этого «манифеста» в Иваново-Вознесенске полиция и так называемая «черная сотня» устроили избиение рабочих, требовавших освобождения из местной тюрьмы заключенных по политическим делам. Черной сотней были убиты в этот день Федор Афанасьев (Отец) и на одной из станций неподалеку от

Иваново-Вознесенска один из популярнейших рабочих трибунов — Михаил Лакин.

А несколькими днями позже в Иваново же, возле вокзала, была зверски растерзана черной сотней студентка-связная Ольга Генкина, привезшая в Иваново груз нелегальной политической литературы.

Такова была обратная сторона «всемилоостивого» императорского манифеста о пяти «неприкосновенных» свободах — «слова, личности, совести, передвижения и печати...»

*

Стоял ненастный осенний день. Шел мелкий, колючий дождь. Конца не было видно ему.

В лесу близ Иваново-Вознесенска, в маленькой лесной сторожке, Фрунзе, обламывая карандаш, писал на клочке бумаги слова, полные возмущения. Он готовил листовку, разоблачающую царский «манифест».

Листовка гласила:

«...Пусть нас бьют, пусть пытаются огнем, пусть по тюрьмам сажают, а мы все будем делать свое дело и кричать: «Проклятие и смерть самодержавцам! Свобода родному народу и вечная слава героям-борцам, погибшим за эту свободу!»

Листовка написана, набрана. Оттиск за оттиском слетают с маленького печатного станка, укрытого в не внушающем подозрений лесном домике. Один из помощников стоит на страже у дверей. Остальные двое печатают на станке.

Но вот все листовки готовы. Упакованы в пачки.

Как только стало смеркаться, Фрунзе и его товарищи вышли из сторожки. Повыше подняли воротники, подвернули полы пальто и двинулись к городу по безлюдному Дуниловскому тракту. Ноги вязли чуть не по колено в глинистой чавкающей грязи. Дождь продолжался...

Вышли из леса. Спустились в овражек. По скользкому мостику перебрались через разбухший от дождя ручей. Поравнялись с Витовской фабрикой. В густых сумерках уже видны тускло-желтые мигающие огоньки рабочих хибарок.

— Ну, вот и Ямская! — обернулся Фрунзе к спутникам. — Сейчас нырнем в какой-нибудь переулочек — и дело сделано. Добрались...

Внезапно за поворотом дороги, из темноты, совсем рядом, раздалось хлюпанье копыт по жидкой грязи.

Грянул зычный окрик:

— Эй, кто там на дороге? Стой!

— Полиция! — спутники Фрунзе остановились.

Да, это был патруль конной полиции. Четыре верховых стражника с урядником во главе, мокрые и злые, на мокрых от дождя конях вынеслись из темноты, чуть не смяли Фрунзе и его спутников, до шапок забрызгали грязью.

Несколько секунд конные и пешие пристально разглядывали друг друга.

— Кто такие? — грозно повторил урядник.

— Прохожие, — невозмутимо ответил Фрунзе.

— Обыскать до нитки, — взмахнул рукой с нагайкой начальник патруля.

Стражники соскочили с коней:

— А ну, скидай одежду...

Видя, что Фрунзе не подчиняется, один из стражников ударил его нагайкой. Силой содрали пальто. Под синей косовороткой нашли листовки.

Чиркая на мокром ветру спичку за спичкой, по складам прочел урядник первые слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Ого, — радостно загоготал он, — крупная дичь попалась! В аркан!

И вот повернули всадники к городу, пошли рысью, а за ними, то падая в липкую глубокую грязь, то снова поднимаясь на ноги, бежали на арканах люди. Ремни арканов впивались им под мышки, в шею, грозя задушить. Малейшая задержка — и конь волоком тащил пленника по камням, по колдобинам дороги.

Когда верховые со своей добычей въехали в Ямскую слободу, начальник патруля вдруг остановил коня.

— Эй, парень! — крикнул он, обращаясь к Фрунзе. — Устал ты, я вижу. Полезай-ка на изгородь. Я тебя на коня подсажу.

С трудом, морщась от боли, Фрунзе сделал то, что ему было сказано. У него теплилась надежда сорвать аркан и, перепрыгнув через изгородь, убежать.

— Ну, а теперь петухом пой! — злорадно заржал урядник.

— Мерзавец ты! — гневно сказал Фрунзе.

Урядник изо всей силы хлестнул коня. Фрунзе зацепился ногами за частокол и с размаху рухнул в грязь, на мокрые камни. От страшного удара он потерял сознание. А когда очнулся в Ямской тюрьме, у него оказалась вывернутой коленная чашечка.

Вскоре, при помощи друзей ему удалось освободиться, но к списку его

примет прибавилась еще одна: «хромает». На всю жизнь остался у Михаила Фрунзе след этого увечья. С тех пор при быстрой ходьбе ему нередко приходилось на ходу вправлять выпадающую коленную чашечку.

Фрунзе был в административном порядке выслан в Казань. Там впервые за долгое время он встретился с братом Константином, кончившим Казанский университет. Как студент-медик, он был на русско-японской войне и только что оттуда вернулся. На вопрос брата, что у него с ногой, Фрунзе ответил улыбаясь:

— Полиция постаралась увеличить список моих особых примет... Но я, со своей стороны, стараюсь не дать им этим воспользоваться...

И верно, даже находясь среди товарищей, он старался, чтоб хромота его была не очень заметна.

4. НА БАРРИКАДАХ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Тем временем продолжала бурно нарастать волна всенародного гнева. Шло ошутимое брожение в обозленной и обесславленной, понесшей огромные потери царской армии. В революционное движение включились также военные моряки. В течение 1905 года дважды восставали, подняв красное знамя, боевые корабли Черноморского флота. Сперва — в июне — броненосец «Потемкин», затем — «Очаков». Восстания эти были жестоко подавлены, однако имели широчайший отзвук, всколыхнули всю страну.

В ноябре 1905 года в Россию для личного руководства назревающей революцией вернулся из эмиграции Ленин. Он сразу же принял непосредственное участие в подготовке вооруженного воостания. Его статьи в большевистской газете «Новая жизнь» служили указаниями в повседневной работе партии.

Царское правительство объявило ряд губерний на военном положении и, издав приказ — «патронов не жалеть», повело всюду наступление на пролетариат и крестьянство, стремясь уничтожить руководителей революционного движения, разогнать Советы рабочих депутатов.

Несмотря на это, Московский Совет рабочих депутатов, опираясь на пролетариат Москвы, его боевые дружины, насчитывавшие несколько тысяч дружинников, решил начать политическую забастовку с тем, чтобы превратить ее в вооруженное восстание.

Руководители рассчитывали на активную поддержку восстания в Петербурге и быстрое распространение его по всей стране. Однако эти расчеты оправдались только отчасти. Меньшевики предали восставших

рабочих и крестьян.

В начале декабря великий вождь революции Ленин руководил конференцией большевиков в Таммерфорсе, в Финляндии. В это время пришла весть о начавшемся восстании в Москве.

Конференция, по предложению Ленина, прекратила свою работу, чтобы делегаты могли возглавить восстание и принять в нем личное участие.

В Московском Совете руководящая роль принадлежала большевикам. 7 декабря 1905 года по решению Совета на всех предприятиях Москвы, включая железные дороги, почту, телеграф, городской транспорт, электростанции, водопровод, пекарни, началась всеобщая политическая забастовка. Сотни тысяч людей вышли на улицу со знаменами, на которых было написано: «Долой самодержавие!» Рабочие, ремесленники, студенчество, учителя, артисты, инженеры, даже многие военные приняли участие в этих грандиозных демонстрациях. Через несколько дней забастовка переросла в широкое, охватившее все районы Москвы, вооруженное восстание. Большевики подготовили это восстание и были в первых рядах восставших. Большевистские боевые отряды были душой и оплотом восстания.

На улицах Москвы появились баррикады. Тут были и опрокинутые трамвайные вагоны, хлебные и угольные повозки, афишные тумбы, сани и тачки, столы и кровати, бочки и ящики, телеги ломовиков, мешки с песком, шкафы из контор.

Бои развернулись во всех частях Москвы и в особенности на рабочих окраинах — на Пресне, а Замоскворечье, на Миусах, на Домниковке, в районе Мещанских улиц, в Сыромятниках. Зарева пожарищ поднялись над Москвой.

Вооруженные главным образом револьверами и охотничьими ружьями боевики-революционеры мужественно отражали атаки карателей. Только артиллерии было под силу разгромить баррикады.

Артиллерийский обстрел вызывал большие пожары, но это не ослабляло сопротивления восставших. Восстание расширялось. Оно перекидывалось из квартала в квартал, с улицы на улицу. И стар и млад принимали участие в борьбе. Вся рабочая Москва вышла на баррикады. С крыш, чердаков, из окон гремели выстрелы, летела горящая пакля, лилась расплавленная смола. Из Смоленска, Тулы, Брянска, Орла, Коломны, Звенигорода — отовсюду спешили на помощь московским рабочим небольшие, но смелые, решительные группы боевиков.

Из Шуи тоже прибыла в Москву на помощь восставшим дружина

вооруженных рабочих во главе с Михаилом Фрунзе-Трифонычем.

По пути от Шуи до Москвы дружине пришлось проделать много пересадок и даже пеших маршей. В эти дни поезда ходили только по нарядам забастовочных комитетов. Высадиться пришлось в Перове.

С Рогожской заставы, куда добралась, наконец, шуйская дружина, видно было огромное зарево в северной и северо-западной части Москвы. Горели Мещанские улицы, Сущевка, Миусы.

После нескольких схваток с царскими войсками в ряде мест на пути от Рогожской заставы, под вечер, с большим трудом добрался отряд Фрунзе до Пресни.

Здесь их встретили с радостью. Взяли из рук только что убитого бойца винтовку, дали Фрунзе:

— Бей, товарищ, карателей...

Метко повел стрельбу Фрунзе по наступавшим усмирителям. Вот когда пригодилась ему отцовская охотничья выучка в родных горах!

— Молодец!.. — то и дело слышал он одобрительный возглас. — Без промаха бьет...

Но против винтовок, против охотничьих ружей и пистолетов были наведены пушки. Сплошное пламя бушевало на Пресне. Горели не только дома, но даже деревья и самые баррикады. Усмирители двинулись в атаку. Они думали, что уже сломлено боевое упорство рабочих боевиков-дружинников. Гвардейские бескозырки карателей мелькали на перекрестках переулков, освещенных светом пожара.

Постепенно, хотя и неся значительные потери, царские лейб-гвардейцы приближались к баррикаде, где был Михаил Фрунзе.

— Требуем сдачи, — замахал белой перчаткой офицер.

— Сдачи? — отвечали с баррикады. — Получайте!

И снова загремели ружейные залпы. Атака была отбита.

Фрунзе вызвали с баррикады в штаб восстания. Ему, как опытному агитатору, поручили на вербовать новых бойцов.

В темном брошенном помещении на Камер-Коллежском валу Фрунзе собрал человек семьдесят подкрепления. Он наскоро рассказал им о том, что происходит на Пресне, и повел на баррикады.

Но когда они прибыли к месту боя, сопротивление Пресни уже было сломлено.

Пришлось Фрунзе и товарищам его уходить в подмосковные леса.

— Уходим... Отступаем... — слышались с горечью произносимые слова.

— Ничего, будут и у нас когда-нибудь пушки...

Отступаем временно, для того чтобы победить, — утешал своих товарищей Фрунзе.

Декабрьские события наглядно подтвердили марксистское положение о том, что восстание — это искусство, главное правило которого — «отчаянносмелое, бесповоротно-решительное наступление».

«Мы недостаточно усвоили себе эту истину, — писал В. И. Ленин. — ...Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией».

И Владимир Ильич уверенно восклицает:

«...Победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании».

5. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

В апреле 1906 года по серо-свинцовым, тяжело перекатывающимся волнам Балтийского моря шел курсом из Ханге на Стокгольм небольшой финский полугрузовой пароход.

Седая могучая волна Балтики крепко покачивала пароход, и многие пассажиры, непривычные к морским путешествиям, отсиживались в каютах.

Пассажиры на пароходе были необычные. В большинстве своем — это подпольщики, делегаты на IV съезд Российской социал-демократической рабочей партии. В пределах России, в обстановке усиленной слежки со стороны жандармерии и полиции, собраться такой съезд не мог, и потому было решено провести его в Швеции, в Стокгольме.

Отправлялись туда через Финляндию с большими предосторожностями, не на обычных пассажирских пароходах, за которыми велось особо усиленное наблюдение. Решено было целой группой разместиться на полугрузовом, специально зафрахтованном пароходе. Делегатов было много, и среди них — молодой сероглазый Арсений Арсеньев.

Фрунзе принял новый партийный псевдоним, так как под прежним именем после осеннего ареста и особенно после боев на Пресне ему уже трудно было скрываться. Но он по-прежнему оставался в Иваново-Шуйском районе. Мандат, с которым Михаил Фрунзе ехал сейчас в Стокгольм, был вручен ему объединенной конференцией ивановских и шуйских большевиков.

Пароход миновал последние шхеры. Сумрак апрельского вечера смешался с морским туманом. Стоя на палубе, Арсений с наслаждением

вдыхал запах Балтики, по которой он плыл впервые.

Внезапно сильный удар встряхнул пароход. Тревожно зазвонил сигнальный колокол штурвальной рубки. Из кубриков выбежала наверх команда. Палуба вмиг заполнилась людьми.

— Что такое?.. Крушение?.. — тревожно спрашивали пассажиры.

Пароход не двигался вперед. Пассажиры тормозили капитана-финна, но тот только отмахивался:

— Не снаю... Ничего не снаю...

Крен становился все заметнее. Среди делегатов разнесся слух, что к аварии причастна рука полиции. Слух этот был похож на правду. Недаром в Ханге, в районе порта, шныряли какие-то подозрительные личности. Для царской полиции, конечно, был бы большой праздник, если бы им удалось утопить в море выдающихся деятелей рабочего класса.

Но вот в сгустившейся темноте, на резком шквалистом ветру вдруг загремела бодрая «Варшавянка»:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

Вокруг Арсения Арсеньева собралось несколько молодых пассажиров; они решили взяться за откачку воды судовыми помпами и, по русской привычке, запели. В числе певших был также большевик Володин — румяный, с веселыми и смелыми глазами — делегат от рабочего города Луганска. Но Володин — это подпольный псевдоним. Настоящая его фамилия была Ворошилов.

В бой роковой мы вступили с врагами...—

разносилась песня над ворчащим морем.

Вскоре паника улеглась. Арсений и его товарищи хорошо поработали на помпах, помогая команде, подавая всем пример. Оказалось, что пароход наскочил на подводный камень.

Утром пассажиров с полузатонувшего корабля снял проходивший мимо пароход, и делегаты, хоть и с опозданием, все же добрались до Швеции.

После долгого плутанья между высоких зеленых берегов по извилистому заливу Солтсьен пароход, пришвартовался к главной

набережной Стокгольма. Среди делегатов-большевиков поднялось радостное волнение:

— Ленин нас встречает!.. Смотрите, Ленин!

На пирсе в толпе чопорных шведов видна была крепкая небольшая фигура. Она ясно выделялась знакомыми русскими чертами. Это был Ленин.

Как оказалось, он приехал в Стокгольм раньше и теперь встречал земляков-большевиков, издали махая им рукой. Многих делегатов он уже знал и дружески пожимал им руки, когда приехавшие сошли с парохода.

— Ну как, мореплаватели, порох не подмочили в пороховницах? — шутил он. — Молодежь приехала, отлично... — добавил Владимир Ильич, увидев Арсения и Володина.

И, как бы проверяя, умеют ли молодые большевики держать, когда нужно, язык за зубами, Ленин вдруг с лукавой улыбкой спросил Володина, которого он встречал уже и раньше:

— А ну-ка, как ваша фамилия, товарищ?

Володин не растерялся.

— Антимеков ^[12], товарищ Ленин, — ответил он, не моргнув глазом.

— Молодцом! — засмеялся Ленин. — Только, пожалуй, это уж чересчур задорно. Меншевики отвод заявят.

Фрунзе не сводил с Ленина восторженных глаз.

«Вот он какой, наш Ильич!»

Разместившись по гостиницам, делегаты отправились на площадь Остер мальмдорг, к большому зданию, сплошь в башенках и шпилях. Это был стокгольмский народный дом — Фольксхусет.

В огромном главном зале Фольксхусета небольшая кучка приехавших просто затерялась. Зал был рассчитан тысячи ка полторы, а делегатов было всего сто двадцать человек. Гулко звучали голоса под высокими сводами, над длинными рядами кресел.

— Удивительный конгресс... — перешептывались служители-шведы. — И эта горсточка люден намеревается преобразовать Россию!

Когда делегаты рассаживались, Володин-Антимеков шепнул Арсеньеву:

— Меншевиков больше прибыло, чем нас. Надо нам поближе друг к другу держаться.

Меншевиков в самом деле при подсчете оказалось больше на шестнадцать человек. Это произошло потому, что в некоторых непромышленных городах партийные организации разбухли от непролетарских элементов, шедших за меньшевиками, а в крупных

промышленных городах большевистские организации были после восстания разгромлены.

Уже несколько лет шла борьба внутри РСДРП, разделившейся в 1903 году, на II съезде партии, на две группы: большевиков и меньшевиков.

Народ, простые люди России, говорил так:

— Большевики — это те, что большего требуют, мелочами не довольствуются, добиваются для рабочих и крестьян полной победы, а меньшевикам и малого довольно, им и подачек достаточно.

Формально большевики и меньшевики числились в одной партии — РСДРП, но разногласия были настолько большими, что уже тогда было как бы две различные партии.

IV съезд, созванный в Стокгольме в апреле 1906 года, замышлялся как попытка объединения, он и вошел в историю партии как «объединительный», но настоящего объединения достигнуто на нем не было.

Председательствовали на съезде поочередно Ленин и Плеханов. И тот и другой были уже известны далеко за пределами России как авторы больших исследований по теории марксизма, как выдающиеся ученые.

Плеханов всеми силами старался поддержать на съезде дух академической научности. Возможно, что он надеялся обуздать этим революционную энергию молодых, большевистских делегатов съезда. Речь Плеханова была полна отвлеченных ссылок, экскурсов в историю и философию. Он как бы лекции читал с трибуны, призывая к осторожности, осмотрительности, к оглядкам на революции прошлого, на «неподготовленность» экономики, на «психологическую» будто бы «инертность народных масс». Он говорил гладко и размеренно, жесты его были однообразны и скупы.

В противоположность Плеханову Ленин был сама жизнь, кипение. Он то энергичными движениями перелистывал бумаги, подчеркивая что-то карандашом. То, прищурившись и насмешливо склонив голову набок, иронически кивал, слушая какого-нибудь меньшевистского «краснопевца». То обменивался записками с кем-нибудь из большевистских делегатов съезда. То, не выдержав, сам брал слово для резкого, сурового, уничтожающего отпора меньшевистским говорунам.

Высмеивая меньшевиков за их стремление уберечь существовавший тогда общественный строй от революционных потрясений, Ленин бросил по их адресу крылатое выражение: «Лудильщики умывальников...»

Всякий раз, когда Ленин поднимался с места, чтобы сказать что-нибудь съезду, тотчас замолкали всякий шепот и шорох. И друзья и противники

слушали Ленина затаив дыхание. Давно уже мечтал Михаил Фрунзе увидеть Ленина или услышать его голос, и вот теперь мечта его сбылась.

В один из перерывов Фрунзе привелось непосредственно поговорить с Владимиром Ильичем.

— Вы от иваново-вознесенцев? Очень хорошо... — сказал Владимир Ильич и, присев на подоконник, начал задавать Арсению вопрос за вопросом.

Фрунзе рассказал о забастовке текстильщиков летом минувшего 1905 года, об «университете на Талке», о полицейских провокациях и расправах.

Сообщил об участии ивановских и шуйских боевиков в баррикадных боях в Москве.

Владимир Ильич оживился:

— Вы были свидетелем этих событий и даже участником? Это очень ценно и важно — не поделитесь ли, какие мысли у вас возникли в связи с этим, какой опыт вы вынесли?

Фрунзе несколько секунд помолчал.

— У нас было мало и военных знаний, и боевого оружия... — ответил он после недолгого раздумья, как бы воскресив в памяти декабрьские дни. — Много было энтузиазма, самоотверженности, готовности ринуться в любое пекло, но для победы этого оказалось недостаточно... Царские офицеры лучше владели и тактикой, располагали и неизмеримо лучшей техникой... С нашей же стороны было немало неиспользованных моментов.

Владимир Ильич тоже задумчиво кивал, слушая своего молодого собеседника.

— Вы совершенно правы... — сказал он. — Нам надо не хуже царских офицеров знать военное дело, уметь пользоваться и всеми родами оружия и всеми тонкостями тактики и стратегии.

Слегка прищурившись, он спросил:

— Вы читали «Анти-Дюринг»? Там у Энгельса есть прямое указание на необходимость для революционеров иметь свои военные кадры, вполне квалифицированные... Об этом особенно надо помнить вам, молодым! Ну, а как Стокгольм вам понравился?

Арсений признался, что не успел еще как следует посмотреть столицу Швеции.

— Нет, обязательно познакомьтесь! — повторил Ленин.

По целому ряду вопросов съездом при незначительном перевесе голосов были приняты меньшевистские решения, в частности об участии в Государственной думе,

Для молодых делегатов-большевиков, таких, как Володин и Арсений, Стокгольмский съезд был замечательной школой. Они учились непосредственно у Ленина большевистской твердости, упорству, выдержке. Здесь же делегаты-большевики знакомились и друг с другом.

Вот в небольшом буфете, рядом с залом заседаний, питерский токарь с русой бородкой и в косоворотке — Калинин — за стаканом чая беседует с представителем большевиков Закавказья — Степаном Шаумяном... Вот горячо спорят о чем-то рослый, в инженерской тужурке Красин и киевский работник партии Луначарский. Вот спокойная молодая женщина разговаривает с худощавым Дзержинским. Это Крупская, под именем Саблиной. А вот и Арсений с Володиным разбирают, обсуждают очередную махинацию меньшевиков...

Крепко сдружились Арсений и Володин за время съезда; вместе голосовали за большевистские резолюции, за предложения Ленина, вместе бродили в свободные часы по незнакомому красивому городу Стокгольму. И когда расставались, то сказали друг другу не «прощай», а теплое, дружеское «до свиданья».

Однако свидание это состоялось не скоро.

6. ПОСЛЕ СЪЕЗДА

Вернувшись из Стокгольма, Михаил Фрунзе сделал в Иванове и Шуе отчет о съезде, обошел и другие крупные рабочие поселки — Кохму, Тейково, Гаврилово, Родники. Всюду он делал обстоятельные доклады о съезде, о его решениях, о борьбе ленинцев-большевиков против половинчатой, трусливой идеологии и тактики меньшевизма, разъяснял, что решения, принятые на съезде меньшевистским большинством, являются временными, условными.

Он напоминал своим слушателям, рабочим-партийцам, вошедшие в историю слова Ленина: «Мы победим, ибо мы правы!»

Фрунзе распространял среди рабочих написанную им прокламацию, кончавшуюся уверенными, бодрими словами:

«...Буря грянет скоро! В народных низах идёт непрерывная работа накопления революционных сил. Новый взрыв неизбежен. Решительный бой приближается... К победе! Готовьтесь, товарищи! Да здравствует революция!»

А потом, чтобы сбить с толку полицию, уже пронюхавшую, что он побывал в Стокгольме, Фрунзе поехал на Каму, в Чистопольский уезд. Там,

в глуши лесов, недалеко от Бугульминско-Бугурусланского тракта, в сельце Петропавловке, работал врачом его брат Константин, только что окончивший Казанский университет.

В Прикамье, как и во всей России, было беспокойно в те дни. Крутом горели помещичьи усадьбы. По вечерам зарево пожарищ вставало по горизонту. Край был наводнен войсками: пехотой, драгунами, конной полицией.

Михаил Фрунзе с утра до вечера бродил с ружьем по окрестным лугам, лесам и болотом. Как бывало в степи близ Пишпека, он подсаживался к кострам косарей, заводил беседы. Отдаленные выстрелы, топот конных карательных отрядов, пронсящих то на юг, то на север по Бугуруслан-скому тракту, дым и тревожный запах гари — все это было наглядным доказательством того, о чем говорил Фрунзе: чаша народного терпения все более переполняется, час расплаты с самодержавием и капитализмом неотвратим...

Но вот пришла из Шуи телеграмма: «Выезжай, ждем». И в тот же день покинул Михаил Фрунзе гостеприимный кров своего брата в прикамской глуши.

Пока Фрунзе был в отъезде, товарищи подыскали ему в Шуге новое жилье. Это была крохотная комнатка в слободке Поречной, на Малой Ивановской улице, в доме торговца разной мелочью Соколова. Стул, колченогий столик да узенькая кровать с трудом умещались в этой каморке.

Хозяин Соколов не интересовался ничем на свете, кроме своих селедок и мыла. Он и не подозревал, какого опасного жильца принимает к себе на квартиру. Ему было сказано, что жилец этот, по паспорту — московский студент Борис Тачапский, проходит практику на Небурчиловской фабрике и будет скоро инженером.

Всякий раз, видя жильца, Семен Соколов почтительно кланялся, спрашивал:

— Как клопики ноне, не беспокоили?

— Беспокоили, проклятые, да еще и как, — улыбаясь, отвечал Арсений. — Почти всю ночь не спал...

— Эх, ведь напасть какая! — с искренним сокрушением вздыхал Семен Соколов. — Ума не приложу, что с ними делать.

Арсений в самом деле просиживал напролет целые ночи за работой. Политическую борьбу приходилось вести сейчас не только против открыто враждебных пролетариату сил — царизма и капитализма, но и против меньшевиков. Нужно было писать тексты для подпольных листовок, письма, готовиться к беседам в рабочих кружках. Фрунзе не ограничивался

работой только в Шуе, он не порывал связи и с иваново-вознесенской организацией.

Часто и вовсе не ночевал дома Арсений, если засиживался где-нибудь «в гостях», на тайной беседе, на подпольном собрании в Маремьяновке, или в Панфиловке, или в Дубках, или на Осиновой горке над рекой Тезой.

Дети ткачей, у которых бывал Михаил Фрунзе, уже хорошо знали, что если отец велит пораньше лечь спать да получше укрыться одеялом, это значит наверняка кто-то вечером будет.

Рано укладывались ребята перед приходом Арсения спать под свои рваные ситцевые одеяла, но из-под них украдкой им удавалось его увидеть. Широко раскрытыми глазами смотрели они на замечательного гостя, как только переступал он порог хибарки, следили за каждым его движением, старались запомнить его слова, хоть и не очень понимали, что они значат.

*

Все больше и больше охватывало местные власти беспокойство. Настоящая охота была организована за Арсением.

Шуйский исправник Лавров умел подбирать себе подручных. Один из его любимцев — старший урядник конной полиции Никита Перлов — был рыжий, кряжистый человек с красными злыми глазами и тяжелым кулаком. «Допрашивать» арестованных в центральный шуйский участок всегда вызывали Перлова.

Чуть доходил до Перлова малейший слухок об Арсении, он устремлялся на указанное место. Однако хоть и мал был городок Шуя, но в перепутанных улочках с плотными высокими заборами, со множеством проходных дворов нелегко было нащупать опытного революционера-подпольщика.

Однажды сыщики донесли Перлову, что Арсений находится на ночевке у шуйского ткача Личаева в Нагорной слободке, возле механического завода. Михаил Фрунзе в самом деле был там. Он спал на лавке, хозяева — на запечной лежанке, а ребята — кучкой на полу под общим большим, изрядно потрепанным одеялом.

И вот среди ночи под тяжестью многих ног закрипели вдруг ступени крыльца. Полицейские забарабанили в дверь. Хилый домишко сотрясся от ударов. Все проснулись — и дети, и хозяева, и Арсений.

Хозяйка пошла открывать дверь, нарочно медля. Казалось, все было кончено. Но вдруг сын хозяина, мальчуган лет десяти, вскочил с пола,

подбежал к Михаилу Фрунзе и зашептал:

— Дяденька Арсений, полезай к нам под одеяло...

Фрунзе секунду подумал и послушался мальчугана. Все равно другого пути к спасению не было.

Схватив свою куртку, он залез под большое рваное одеяло из ситцевых лоскутьев и свернулся там, как только сумел. Едва он успел это сделать, как полицейские ввалились в комнату.

Весь домишко обшарили полицейские, И в печи и в запечье посмотрели. Только не догадались заглянуть под одеяло к ребятам. Перехитрил мальчуган Личаев опытного полицейского урядника Перлова,

*

Расправившись с декабрьским восстанием в Москве, правительство Николая II повело наступление на рабочие революционные организации по всей России и в первую очередь в промышленных районах. Многие из них подверглись разгрому. Массовые аресты ослабили их численно. Ослаблению большевистских рабочих групп весьма способствовала ликвидаторская капитулянтская позиция меньшевиков.

Но в иваново-шуйской организации меньшевики не допускались к руководству. Влияния их в этом обширном пролетарском районе не чувствовалось совершенно. Большевистский отряд иваново-вознесенцев продолжал расти и дошел к началу 1907 года до пяти с половиной тысяч человек. На долю Шуи приходилось из этого числа более пятисот большевиков вместо нескольких десятков, которые были там ко времени приезда Трифоныча-Арсения.

Близилась выборы во II Государственную думу. Так именовался учрежденный под давлением народа, в результате революционных событий 1905 года, сильно ограниченный в правах российский парламент.

Партия большевиков, бойкотировавшая I Думу, на сей раз решила принять участие в выборах во II Государственную думу, чтобы использовать ее трибуну в интересах революции. Кандидатом от большевиков по Шуйскому промышленному району был выдвинут рабочий Н. Жиделев.

Царское правительство прилагало все усилия, чтобы обеспечить победу на выборах партиям, представлявшим интересы помещиков и крупной буржуазии. Они обладали свободой агитации. К их услугам было все.

Совершенно в ином положении находилась революционная рабочая партия. Типографиям было запрещено принимать от большевиков заказы, печатать их воззвания, листовки, газеты. Большевики как бы отстранялись от избирательной борьбы, как бы сковывались по рукам и ногам. Но в интересах своей родной партии Фрунзе-Арсений сумел и в этом деле проявить находчивость.

На центральной площади Шуи стояли высокие белые дома. В них жили шуйские фабриканты Павловы, Терентьевы, Небурчиловы. Каждый старался построить себе дом покрасивее. Ансамбль площади нарушало красное, в два этажа, кирпичное, неоштукатуренное снаружи здание Лимоновской типографии. Управлял ею сын Лимонова, не делавший ни шагу без указки отца. Соседи-купцы не раз говорили старому Сидору Лимонову, когда тот приезжал из Родников проведать свое шуйское владение:

— Что барак-то свой не побелишь, почтеннейший?

Но Сидор Лимонов отмалчивался или отшучивался. Типография была чисто торговым предприятием, не приносившим никакой существенной пользы жителям города. Ни одной газеты, книги или брошюры не печаталось в типографии Лимонова. Шестеро наборщиков лимоновской типографии изо дня в день выковыривали из запыленных наборных касс цифры на отчеты фабричного инспектора, на квитанции, на расчетные ведомости, делали изредка афиши для заезжего цирка. О буквенном запасе не заботились, набор подолгу валялся неразобраным по углам, кассы почти не пополнялись новым шрифтом, хотя некоторый запас шрифта и был в конторке у старшего мастера.

Но вот как-то один из наборщиков, Алексей Орешкин, заявил мастеру:

— А ведь не дело, что у нас кассы полупустые... Случись большой да срочный заказ да еще на четком, чистом шрифте — вот будет конфуз да горячка...

Старший мастер подумал и согласился:

— И верно, пожалуй... Ну-ка, вот займись!

Он не только выдал Алеше Орешкину увесистые пачки свежего, нового шрифта для раскладки по кассам, но и поставил ему в подмогу еще двоих наборщиков — Рыбакова и Сергеева. Невдомек ему было, что Орешкин действовал по согласованию с Павлом Гусевым, членом Шуйского комитета РСДРП (б) и ближайшим другом, соратником Арсения.

Когда все кассы были заполнены шрифтом, когда и шпаций и марзанов было достаточно, подошел Алексей Орешкин к кучке кутивших у печурки товарищей и сказал слегка загадочно:

— Вот теперь наша наборная хоть куда... С любым заказом справимся...

И вот семнадцатого января 1907 года, когда зимние сумерки уже спустились на Шую и стрелка часов показывала без десяти шесть, двери, ведущие в типографию распахнулись. В густых клубах морозного пара один за другим вошло около десятка человек, причем все были в белых заячьих шапках-ушанках и до самых глаз укутаны шарфами, так что отличить их друг от друга было просто невозможно.

Трое из них быстро прошагали в контору к хозяину Лимонову, а остальные, рассыпавшись по типографии, заняли все входы и выходы.

— Здравствуйте, господин Лимонов, — сказал хозяину один из пришедших. — Не примете ли вы у нас заказец?

Испуганный Лимонов поднял вверх обе руки, хотя никто от него этого не требовал.

— Можете рук не поднимать, — продолжал незнакомец добродушным, но решительным голосом. — Мы не грабители, мы заказчики. Только мы сами вручим наш заказ вашим наборщикам, а вас убедительно просим с кресла никуда не двигаться и в особенности к телефону...

Лимонову пришлось подчиниться. Возле него сел один из неожиданных гостей, а Михаил Фрунзе пошел в наборную и здесь сказал рабочим:

— Товарищи наборщики! Сейчас вы будете набирать заказ революции. То, что вы наберете, раскроет глаза тысячам рабочих — вашим товарищам, укажет им правильный путь. Времени в нашем распоряжении немного. Надо приналечь вовсю.

Алеша Орешкин торжествующе оглядел товарищей: «Вот он вам, заказ обещанный».

Никогда еще с такой быстротой не двигались руки у лимоновских наборщиков, доставая из полных кассовых гнезд свинцовые буквы. Одна за другой плотными рядами укладывались буквы в верстатках, и вот уже тискает Алеша Орешкин на станке, под влажным сукном, слегка раскосые оттиски корректуры.

Фрунзе подошел к столу, быстро сделал необходимые исправления.

— Можно печатать, — объявил он и вышел в коридор.

А там тем временем творились довольно забавные вещи. Чтобы не возбудить подозрений, дверь в типографию была оставлена незапертой. Приходили заказчики... Но едва они переступали порог, как им тотчас вежливо предлагалось:

— Не волноваться, вести себя спокойно...

Заказчики, словно онемев, садились на стулья в кабинете Лимонова и сидели, безмолвно помаргивая, не решаясь даже кашлянуть или высморкаться.

Около семи часов к дверям типографии подкатил за хозяином запряженный в санки лимоновский иноходец. Из саней вышла жена Лимонова и прошла в типографию. Вслед за ней зашел и кучер — погреться. И хозяйка и кучер крепко уселись на стульях в кабинете.

Но вот лошадь соскучилась стоять одна на морозе и полезла на тротуар. Стоявший на посту городской свел лошадь с тротуара и решил зайти в типографию, чтобы пробрать нерадивого кучера, а заодно и погреться.

Но едва он перешагнул порог, как кобура его расстегнулась, и дуло его же собственного револьвера отпечаталось кружочком у него на лбу. Ему пришлось сесть там, где он стоял.

А работа продолжала кипеть. Вот над сверстанной страницей протянулась крупная четкая надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вскоре завертелись валы машины, и большие плоские деревянные пальцы акцептора начали выкладывать отпечатанные листовки с революционными лозунгами и требованиями.

«Избирайте только тех, кто может защищать ваши интересы! — заканчивалась листовка. — Все голоса кандидату рабочих!»

Михаил Фрунзе по-хозяйски расхаживал по печатному отделению. У него был уже немалый опыт работы в подпольных типографиях. Он лично проверил приправку, густоту краски, подсчитывал пачки готовых прокламаций.

Было без десяти минут восемь, когда старший печатник вручил Фрунзе вторую тысячу прокламаций. Уходя, Фрунзе подошел к Лимонову:

— Вы хорошо себя вели, господин Лимонов. Сейчас мы уходим. В полицию можете звонить через десять минут после нашего ухода.

Все боевики исчезли из типографии так же быстро и организованно, как и явились.

Затрещал звонок телефона, и еще через десять минут типография наполнилась суетящимися полицейскими.

Начался обыск. Обыскивали в панике и наборщиков и заказчиков, но жандармы побегали, побегали по типографии, да с тем и ушли. Даже набора не нашли — он был уже рассыпан...

...На другой день жандармское отделение в Шуе послало донесение губернатору:

«Совершено дерзкое нападение на частную типографию Лимонова.

Вооруженными злоумышленниками напечатано 2 тысячи противоправительственных воззваний, злоумышленники скрылись в неизвестном направлении. Листовки не отобраны».

Захват типографии дал свои плоды: именно большевистский кандидат от Владимирской губернии Н. А. Жиделев и был избран во II Государственную думу голосами десятков тысяч рабочих, ивановских и шуйских текстильщиков.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ГОДЫ НЕВОЛИ

1. АРЕСТ

Фрунзе-Арсений не давал спокойно спать фабрикантам и властям края. Он как бы все время напоминал им: «Вы считаете, что расправились с революцией? Наивное самообольщение! Только отсрочки, оттяжки добились вы, притом ненадолго!..»

В январе 1907 года Арсений возглавил массовое движение шуйских рабочих против повышения цен на хлеб. Пользуясь послевоенной хозяйственной неурядицей, купцы и торгаши безудержно набивали карманы за счет трудовых народных копеек.

На центральной площади Шуи собрался митинг ткачей. Арсений выступил с горячей и острой речью. Он жестоко бичевал и высмеивал главаря шуйских толстосумов, городского голову Китаева.

— Увы, не секрет, — едко говорил он, — что есть на свете, так сказать, «безголовые головы»... Пример тому — шуйский градоправитель...

Полиция издали слушала и созерцала Арсения, но протиснуться к трибуне сквозь толпу жандармам оказалось не по силам...

Чем ближе пробирались шпики и переодетые полицейские к трибуне,

тем плотнее становилась толпа. Шагах в восьмидесяти-ста от трибуны рабочие стояли, держась за руки. Это была уже заградительная цепь пролетарской охраны, боевики-дружинники. Арсений спокойно закончил речь и исчез.

— Как в воду канул... — сокрушенно рапортовали полицейские исправнику.

Еще азартнее, принялась полиция выслеживать нёуловимого Арсения. Сбившиеся с ног сыщики в первых числах февраля 1907 года сообщили Перлову, что Арсения только что видели в поселке Дмитриевке возле уездной земской больницы. Перлов как раз приехал откуда-то домой. Он даже и коня выпрягать не стал, прямо помчался в санках к больнице.

Он подозревал, что Арсений у одного из неблагонадежных врачей больницы. И он не ошибся: в квартире жившей при больнице врача Дымской Арсений, сопровождаемый верным другом Павлом Гусевым, как раз проводил беседу с сочувствовавшими партии медицинскими работниками, которые могли быть, в свою очередь, использованы как агитаторы.

Поляна возле больницы, занесенная снегом, была безлюдна. Дело было уже после полудня, а зимний день короток. Но Перлов был опытен и терпелив. Он поставил сани с лошадьё у ворот одного из прилегавших к полянке дворов, а сам прошел в него. Долго сидел там Перлов, не сводя глаз с больницы.

Уже начинало смеркаться, когда из больничных ворот показались два человека. Один из них легонько прихрамывал, а это, по данным полиции, была одна из главных примет Арсения. Не теряя ни секунды, Перлов выскочил на улицу.

У спутника Фрунзе, ткача Павла Гусева, был зоркий глаз. Он ткнул Арсения в бок:

— Перлов! Нас выследили. Облава!

Фрунзе на миг представил себя в лапах у палача. Вот он — мастер пыток, скулодробитель Перлов. Надо прорываться! Фрунзе припал на колено, прицелился. Грянули выстрелы.

— Павел, стреляй ты, заело в подаче...

Гусев тоже нажал курок.

Перлов присел на корточки за кузов своих саней и тоже принялся стрелять. Из домов начали выскакивать люди. Донесся топот лошадей. На выстрелы мчалась конная полиция.

Сбежав с высокой железнодорожной насыпи, которая пролежала возле самой больницы, Фрунзе и Гусев нырнули в одну из улочек поселка...

Перлов был взбешен и обескуражен.

— Сейчас бунтовщик Арсений напал на меня и пытался убить, стрелял несколько раз, — доложил он начальству.

Теперь Арсению, если бы его поймали, угрожала смертная казнь.

Но Арсений был Арсением только в Шуе. В Петербурге, в Политехническом институте, на каждую зачетную сессию аккуратно являлся способный и старательный студент Михаил Фрунзе. Именно таким помнили его академик А. А. Байков и заслуженный профессор М. А. Павлов, тогдашние его педагоги по Политехническому институту. Профессора с удовольствием ставили высшие отметки в зачетную книжку этого студента. Он даже обогнал своих однокурсников и по ряду наук числился уже на четвертом курсе.

— Замечательные способности! — говорили о нем профессора.

Труднейшие предметы успешно сдавал Михаил Фрунзе. И никому из почтенных профессоров в голову не приходило, что этот русский, с веселыми глазами студент держит в трепете и страхе полицию и фабрикантов огромного района, выполняя ответственные поручения партии.

После стычки с Перловым у земской больницы Михаил Фрунзе уехал на несколько недель в Петербург сдавать зачеты.

Шуйские сыщики уже начали впадать в уныние. Им неизменно приходилось рапортовать:

— Никак нет-с, не видать, не слышать Арсения...

В Шую Фрунзе вернулся в середине марта того же 1907 года. С крыш уже капало по-весеннему. Серо-грязные пятна лежали на подтаивающих сугробах.

Поколесив по улицам, прилегавшим к вокзалу, Фрунзе добрался до соколовского домика и, как обычно, вошел не во двор, а в мелочную лавчонку.

В полутемной небольшой лавчонке был всего только один покупатель. Бросив на вошедшего искоса короткий взгляд, он продолжал рассматривать образцы вяленой воблы, которые висели над прилавком, пропахшим селедками и керосином.

Когда Фрунзе скрылся в низкую дверь, ведущую во внутренние помещения, покупатель в упор спросил Соколова:

— Кто это такой?

— Кто это? — нисколько не смутившись, вскинулся Семен Иванович. — Да жилец наш. Студент, практикант, инженером скоро будет...

— Смотри, Соколов, — постучал пальцем по стелу покупатель, понизив голос. — Будут ужо тебе практиканты...

— Да я при чем-с?.. Я ни при чем-с... — засуетился Семен Иванович. — Пачпорт представил. Денежки плотит... В нутро нешто влезешь?.. А что?

— Ладно, ладно, поговорим еще, — таинственно и многозначительно буркнул шпик-покупатель и вышел из лавочки, хлопнув дверью.

Несколько дней прошло, как обычно. «Практикант» рано уходил, поздно возвращался. 23 марта, как всегда поздно вернувшись с подпольного заседания, Арсений был встречен в дверях ткачом Василием Малышевым, который жил с ним вместе на квартире.

Малышеву партия доверила оберегать Арсения и предупреждать об опасности.

— Не сплю, дорогой, — тихонько сказал Малышев. — Тебя дожидаюсь. Кто-то шныряет по переулку. Не переночевать ли тебе сегодня где-нибудь в другом месте?

Фрунзе помолчал.

— Умаялся я за день, Вася. Отдохнуть хочется, — ответил он. И добавил успокоительно: — Почудилось тебе, вероятно.

А сам подумал:

«Кое-что предусмотрено на случай обыска... Окно не замазано, налево за забором — пустырь, в заборе направо — незакрепленные доски...»

Он прошел в свою каморку, зажег лампу и, преодолевая усталость, уселся к столу. Нужно было написать несколько писем. Назавтра предстояло ехать в Иваново, а оттуда опять за границу, на V съезд партии, на сей раз в Копенгаген ^[13]. Фрунзе только что был избран партийной конференцией Иваново-Вознесенска и Шуи делегатом на этот съезд.

Все было тихо. Когда часы показали половину четвертого, Фрунзе поднялся со стула. «Надо, пожалуй, ложиться спать. Конечно, нечего уж и думать о налете полиции».

Но едва погасил Фрунзе свою лампу, как раздался тяжелый стук в наружные двери. Знаком уже был этот стук Арсению. Стук был угрожающий, властный, настойчивый.

В соседней комнате заскрипели половицы. Это вскочил, проснувшись, сосед и друг Василий Малышев. Через секунду его взволнованное лицо просунулось в дверь:

— Полиция, Арсений!

Фрунзе молниеносно вынул из окна раму, распахнул вторую. Еще через секунду с двумя револьверами в руках он хотел прыгнуть во двор и скрыться.

«Разрядить револьвер в дверь, в полицейских, и уйти...» Но из-за

тонкой перегородки уже умоляюще бормотала хозяйка:

— Деток пожалей малых... Убьют, аль поранят, аль напугают, до смерти...

Не стреляя, Фрунзе прыгнул во двор, и в тот же миг на него обрушились удары — по голове наганом, в бок винтовкой, потом ногой в живот и в лицо. Только случайно избежал Фрунзе смертельной раны. Однако от зверских ударов потерял сознание, а когда пришел в себя, увидел обыскивающих его полицейских.

Никита Перлов прохрипел:

— Очнулся! Вы арестованы, агитатор Арсений!

Через час после обыска и допроса Михаила Фрунзе под усиленным конвоем повели в шуйское полицейское управление. В ту же ночь был арестован и рабочий Павел Гусев.

Владимирский губернатор был в восторге от поимки большевика Арсения. Он поспешил порадовать министра внутренних дел телеграммой об аресте Арсения.

«Министру внутренних дел: в Шуе арестован Арсений. Назвался Борисом Тачапским. Большевик, вооружен браунингом и маузером. Найдены два винчестера, переписка. Выслан во Владимир.

Губернатор *Сазонов*».

Губернатор несколько предупреждал события. В это время в Шуе в полицейском управлении, в кабинете исправника, шел допрос Фрунзе.

Лицо Фрунзе было в кровоподтеках от ночного избиения.

— Имя, фамилия? — допрашивал исправник Лавров.

— Борис Тачапский. Больше я вам ничего не скажу и на ваши вопросы отвечать не буду, — сказал Фрунзе.

Он был тверд. Больше ни слова не добились от него полицейские.

Наступило утро. На фабрики Шуи шли тысячи рабочих и работниц. Они громко обсуждали уже разнесшуюся по рабочим кварталам весть. Были слышны отдельные фразы:

— Освободить надо Арсения! Все пойдем к полицейскому управлению!

Члены шуйской партийной организации и шуйской боевой дружины еще ночью были осведомлены об аресте Фрунзе. Они решили организовать забастовку протеста и освободить своего руководителя. Тотчас же ими была послана телеграмма члену Государственной думы Жиделеву с просьбой настоять перед владимирским губернатором на освобождении Арсения.

В 10 часов утра 24 марта тревожно загудел сначала один гудок, затем к нему присоединился другой, и через несколько минут гудки всех фабрик Шуи сигнализировали рабочим о начале забастовки.

— Кончай работу, товарищи! Выходи за ворота! Сейчас идем освобождать Арсения! — говорили уполномоченные комитета партии и члены боевой дружины в цехах.

Одна за другой все фабрики остановились.

Тысячи рабочих и работниц, бросив работу, выходили из ворот.

Соединившись в общую колонну, они всей пятнадцатитысячной массой двинулись к шуйскому полицейскому управлению.

— Свободу Арсению! Выпустить Арсения!

У полицейского управления их ожидали выстроенные в шеренгу полицейские и жандармы, вооруженные винтовками. Лица полицейских были тревожны. Грозная масса пятнадцати тысяч рабочих двигалась, готовая разнести в щепы полицейское управление.

В это время телеграфисты выстукивали:

«В Шуге, — дополнительно рапортовал владимирскому губернатору 24 марта 1907 года шуйский уездный исправник, — арестован окружной агитатор Арсений. Все фабрики встали, требуют освобождения. Ожидаю столкновений... Необходимо немедленно подкрепление в составе не менее двух рот».

«Министру внутренних дел, его высокопревосходительству тайному советнику Столыпину: в Шуге забастовали фабрики вследствие ареста агитатора.

Губернатор *Сазонов*».

«Командиру казачьей сотни. Ковров. Предлагаю немедленно выступить в Шугу для оказания поддержки исправнику, осажденному толпой рабочих.

Губернатор *Сазонов*».

«Шуйскому исправнику. Посылаются казаки и пехота. Открытый бунт не может быть допущен.

Владимирский губернатор *Сазонов*».

«Шуйскому исправнику. Предложите толпе разойтись. Объясните, что дело будет расследовано. Если не разойдутся, примите меры, указанные циркулярами.

Губернатор *Сазонов*. 24 марта 1907 года».

Шуйский исправник хорошо знал «циркулярные меры». Это был узаконенный в таких случаях расстрел — ружейный огонь по демонстрации.

Когда рабочие подошли к полицейскому управлению на расстояние примерно двухсот шагов, перед строем полицейских появился исправник Лавров.

— Стой! — кричал он. — Дальше ни шагу. Буду стрелять!

Но рабочие продолжали двигаться. Впереди демонстрации шли боевики-дружинники, члены партии большевиков.

— Свободу Арсению! Освободите Арсения! — возмущенно гудела толпа. Особенно выделялся раскатистый бас ткача Егора Баранова, который несколько часов назад провожал Арсения с заседания почти до самого дома.

Исправник и городовые со страхом смотрели надвигающуюся на них многотысячную гневную массу рабочих.

Исправник истерически скомандовал:

— К бою готовьсь!

Рабочие замедлили шаг, голоса стихли, и в наступившей тишине было слышно, как щелкали затворы винтовок. Дула винтовок были направлены на рабочих. Еще миг, и раздались бы залпы, полилась кровь...

Лавина рабочих остановилась. К исправнику направилась группа членов комитета партии.

— От имени рабочих и работниц города Шуи и всего Иваново-Вознесенского района мы требуем освобождения товарища Арсения.

— Арсений сам просит вас разойтись! — начал уверять рабочих исправник. — Я пошлю сейчас же телеграмму губернатору, вероятно, он немедленно распорядится освободить Арсения.

— Врешь, лиса! — прервал его рабочий Баранов. — Знаем вас, палачей!

Представители комитета были в затруднении. Многотысячная толпа рабочих безоружна, а ей угрожает свинцовый ливень. До сумерек стояла рабочая масса возле полицейского управления и тюрьмы, требуя немедленного освобождения Арсения, но все же вынуждена была покинуть площадь.

Вечером 24 марта 1907 года, когда рабочие разошлись по домам, шуйский исправник телеграфировал владимирскому губернатору:

«Сегодня решительное намерение отразить нападение оружием заставило рабочих отступить и разойтись. Завтра собираются повторить нападение соединенными силами Шуи, Кохмы и Иванова, прошу выслать

пехоту. Положение очень серьезное.

Исправник *Лавров*. 24 марта 1907 года».

Всю ночь шло совместное заседание Шуйского комитета РСДРП (б) и руководителей боевой дружины— Уткина, Балакина и других. Ломали головы, как освободить арестованных товарищей, попавших в цепкие и безжалостные когти царской охраны.

— Добра не жди, живьем их не выпустят жандармы! — негодовал и волновался член комитета Егор Баранов, не случайно носивший подпольную кличку «Буря». — Ни перед чем нельзя останавливаться, чтобы выручить Арсения и Павла...

Решено было совершить нападение на поезд, на первом от Шуи полустанке обезоружить охрану и взломать, если понадобится, двери вагона.

Полтора десятка боевиков так и не ложились спать в эту ночь — чистили, проверяли свое оружие, распределяли, что кому делать. Налет на поезд был продуман во всех подробностях. Удача казалась несомненной.

2. В ТЮРЬМЕ

На рассвете следующего дня, когда город еще спал, от Шуйского вокзала, стуча коваными копытами, прошла к полицейскому управлению казачья сотня, прибывшая из Коврова, а за ней через короткое время проследовали две роты пехоты в полном боевом снаряжении.

Войска расположились биваком там, где накануне яростно бушевала многотысячная толпа. Теперь нелегко было даже на дальний выстрел приблизиться к тюрьме и к полицейскому управлению.

Велико было удивление не только зрителей со стороны, но даже и самих казаков и солдат, когда их выстроили плотным прямоугольником, ввели в середину этого прямоугольника двух безоружных молодых людей и дали команду всей этой воинской силе двигаться к вокзалу плечо к плечу, винтовка к винтовке, конь к коню.

Шагали солдаты; покачивались штыки; хлюпали по раскисшей смеси снега и грязи подковы казачьих коней, позвякивали сабли, колыхались пики. С узеньких тротуаров с трудом можно было различить, что все это «могучее» войско ведет куда-то всего лишь двух арестантов. Так были страшны царизму большевистский агитатор — двадцатидвухлетний Михаил Фрунзе и его боевой товарищ по партии шуйский пролетарий Павел Гусев.

Из Шуи они были отправлены во Владимир в тюремном, кругом обрешеченном вагоне, причем и на площадках его и внутри был размещен усиленный караул, а кроме того, и на паровоз к машинисту была приставлена вооруженная охрана.

Нечего было и думать при таких обстоятельствах о нападении на поезд.

Растаял снег во дворе Владимирской следственной тюрьмы, лопнули на тополях желтые тугие почки, дав волю зеленой листве. Сияло в весеннем небе яркое солнце. Жаворонки оглашали голубую высь. Зацвела буйноцветная вишня-владимирка. Освобождаясь от поллой воды, зазеленели пойменные луга на южном берегу Клязьмы. Тонкие запахи садов начали просачиваться в узкое окошечко тюремной камеры. До боли хотелось Фрунзе вырваться на свободу.

Ощущение неволи было особенно мучительно, так как Фрунзе знал, что в это время, в мае 1907 года, за рубежом, в Лондоне, происходил V съезд партии, на который и он, Фрунзе, за несколько дней до ареста был избран делегатом от иваново-вознесенских и шуйских большевиков.

Снова он мог увидеть и услышать там Ленина и его соратников, встретиться, быть может, и с луганским делегатом Володиным, с которым подружился в Стокгольме год назад, побывать вместе с ним на могиле Карла Маркса, побродить по пролетарским кварталам Лондона.

«Кому сейчас принадлежит большинство на съезде? Как складываются его решения», — волновался Фрунзе, расхаживая по тесной тюремной камере.

Как был бы он рад узнать, что на съезде в Лондоне большинство теперь принадлежало снова большевикам. Большевистских делегатов было 105, а меньшевиков — 97.

Год упорной, настойчивой большевистской работы в массах не пропал даром.

Все важнейшие промышленные районы страны — Петербург, Москва, Урал, Донбасс, Иваново-Вознесенск — послали на съезд большевиков. Съезд со всей очевидностью, показал, что основная масса пролетариата крупных промышленных районов полностью на стороне большевиков.

В свою очередь, располагая агентурными сведениями о преобладании на Лондонском съезде большевиков, царское правительство усилило репрессии против РСДРП.

3 июня 1907 года царь по предложению премьер-министра Столыпина приказал арестовать 65 депутатов социал-демократической думской фракции II Государственной думы и сослать их в Сибирь, а думу

распустить. Столыпин, прозванный «вешателем», возложил расправу с революционерами на военно-полевые суды, пачками выносившие смертные приговоры. Многие деятели большевистской партии оказались в тюрьме, на каторге. Царская полиция едва не схватила Ленина, тайно жившего в это время в Финляндии. Лишь с огромными трудностями Владимиру Ильичу удалось избежать ареста.

Карательные экспедиции рыскали по деревням и селам. Разбитые японцами царские генералы одерживали теперь «победы» над безоружными рабочими и крестьянами.

Столыпин, охранка, полиция старались ликвидировать все сколько-нибудь заметные завоевания революции 1905 года. На рудниках, шахтах, в фабрично-заводских городах и поселках стояли воинские части. Народ России переживал тяжелые годы столыпинской реакции...

3. МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И КАТОРГОЙ...

Запратав Фрунзе в одиночную камеру Владимирской тюрьмы, так называемой «предварилки», царские судьи не особенно торопились со следствием. Оно велось около двух лет. Два томительных года Фрунзе просидел в «предварилке» до первого суда. Однако бодрость, энергия не оставляли его.

После посещения, тюрьмы владимирским губернатором, пришедшим посмотреть на любимца рабочих— знаменитого большевика Арсения-Трифоныча — и убедиться в крепости тюремных решеток, Фрунзе пишет в письме друзьям:

«Губернатор изволил назвать меня «бравым молодчиком» и приказал перевести в «отдельную камеру», т. е. в одиночку со строжайшей изоляцией». Владимирский губернатор Сазонов знал, что иваново-вознесенские и шуйские пролетарии не могут примириться с арестом их руководителя.

В связи с этим строгость тюремного режима особо усиливается. Следователи изощряются в составлении обвинительного акта по делу Фрунзе, а сам он содержится в исключительно суровом заключении, з так называемом «Польском корпусе» Владимирского тюремного «центра»...

Среди материалов, которые жандармский следователь предъявлял Фрунзе, оказалась одна из листовок, отпечатанных в Лимоновской типографии перед выборами во II Государственную думу. Набор, с которого печаталась эта листовка, был, как уже сказано, предусмотрительно

рассыпан участниками налета на типографию сразу же после отпечатания листовки, но характер ее текста говорил сам за себя: все рабочие призывались голосовать за кандидата трудящихся, то есть в данном случае за большевика Н. А. Жиделева.

Следствию была ясна причастность Арсения к этому делу, но прямых улик все же не было, и он имел возможность отрицать свое участие.

— Ведь ваших рук дело!.. — с досадой повторял следователь, тыча Фрунзе в глаза изрядно помятую листовку.

— Нет... — невозмутимо отвечал Фрунзе.

Даже видавшего виды жандарма ошеломила такая дерзость. Чуть не задохнулся он от ярости.

Два года — немалый срок! И тем более в тюремных стенах, где время тянется с особенной медленностью, где каждый день мучительно похож на предыдущий... И все же, вспоминая об этом периоде жизни М. В. Фрунзе, его тогдашние товарищи по заключению — известные деятели партии Николай Ростопчин и Иван Козлов — сообщают много интересных подробностей.

Арестованный во Владимире Н. П. Ростопчин попал в «Польский корпус» Владимирской тюрьмы почти одновременно с Арсением и уже через несколько дней распознал, ощутил в его лице незаурядного, выдающегося партийца. Прежде всего Арсений был едва ли не единственным на всю тюрьму «одиночником» из политических.

Покорило Ростопчина и бодрое, веселое спокойствие Арсения.

— Не играете ли в шахматы, коллега? — окликнул его Арсений сквозь решетку своей камеры, когда Ростопчин случайно проходил мимо по коридору.

Ростопчин выразил недоумение, как же они смогли бы играть, Арсений засмеялся:

— На воле играют по переписке, а мы можем «по переключке».

Шахматы были наделаны из хлебного мякиша, доску начертили куском известки на полу, и игра в самом деле началась «по переключке». Добровольцы связные сообщали партнерам очередные ходы, и вскоре Н. Ростопчин, сам неплохо умевший играть в «игру королей», убедился, с каким сильным противником пришлось ему иметь дело в лице Арсения.

Но и не только в шахматах проявлялись несокрушимое спокойствие, железная выдержка совсем еще молодого человека, каким был в эту пору Арсений. Он изумлял всех товарищей по заключению: вел себя так, как будто совершенно никаких темных туч не сгущается над его головой. По специально составленному им списку он добился выдачи ему таких книг,

как «Политическая экономия в связи с финансами» Ходского и «Введение в изучение права и нравственности» Петражицкого. Хотя эти книги и полемизировали в какой-то мере с марксизмом, но Фрунзе черпал из них то, что ему было нужно для усиления своей идейной вооруженности, сам критически подходя к каждой главе этих книг. В то же время он упорно, настойчиво занимался французским и английским языками по учебникам, также затребованным им на правах политического заключенного.

— Авось пригодится! — с улыбкой отвечал он на недоумения товарищей.

При этом он отнюдь не замыкался в рамки своей личности. Он втягивал в самообразование и других, да и не только в самообразование, в тренировку ума, а и в поддержание крепости, выносливости тела!

После перевода из одиночки камеры № 2 в четырехкочную камеру № 3, где, между прочим, был и его соратник по Шуе Павел Гусев, Арсений всех коллег по камере заставил ежедневно делать гимнастику, а потом даже заниматься фехтованием на палках — ручках от полотерных тюремных швабр!

— Финт!.. Батман!.. Глиссада! — командовал Арсений, припоминая немногочисленные уроки этого вида спорта, которые бывали когда-то в Верненской гимназии.

И обожавший его Павел Гусев покорно, старательно выполнял указания наставника, который был моложе его примерно года на три.

Понемногу и другие заключенные увлеклись такими занятиями. А многие включились в организованный им же, Арсением, своеобразный лекторий. Он читал лекции по культуре и экономике Запада, по основам марксизма, даже по математике для тех, у кого была в этом потребность.

Возле Фрунзе-Арсения и в стенах тюрьмы с обычной быстротой и естественностью сложился кружок единомышленников-почитателей. Основное ядро среди них составляли идейные друзья, но было немало и таких, которые просто видели или ощущали в нем некий неодолимый центр притяжения, Человека с большой буквы. Мы видели, что таким был Миша Фрунзе еще в стенах гимназии, был он таким и в Политехническом институте, и на ивановской Талке, и среди шуйских партийцев-боевиков...

Всех влекла и располагала к нему какая-то особенная обаятельность, некий душевный магнетизм, слагавшийся в равной степени и из железной принципиальности и из необычайной отзывчивости, доброты. Довольно редкостное в общем сочетание, но Фрунзе был именно таким! Ему были при этом в равной мере чужды и мрачность и «разудалость», он всегда был приветливо-ясен, улыбчив, любил и острую умную шутку и хорошую,

берущую за сердце песню.

И Ростопчин и Козлов вспоминают, как, бывало, в самые тяжелые, безотрадные, казалось бы, дни и часы тюремной жизни во Владимирской «предварилке» Арсений-Фрунзе всегда с подъемом включался в хоровое пение заключенных, вряд ли не единственное доступное им развлечение.

Сколько, в самом деле, было в таком тюремном пении некоей сгущенной, конденсированной силы! И всегда неизмеримо меньше тоски, скорби, нежели веры в светлое будущее, пусть и грустна была порою песня по словам своим, по стиху. Вот звучит, например, внешне минорно, даже почти заунывно:

Далеко, далеко степь за Волгу ушла,
В той степи, в той дали — буйна воля жила...

Но сколько силы душевной и сердечного жара вкладывает в бесхитростные эти строфы вся поющая тюремная камера, а вместе со всеми, и даже больше других, быть может, пленный Арсений!

Однако свобода все же неодолимо влекла к себе, и Фрунзе-Арсений с помощью и участием Ростопчина, при содействии товарищей по заключению Скобенникова и Кокушкина замыслил побег.

— В самом деле, пока их чертова суда дождешься, могут и все волосы на голове выпасть и все зубы во рту... — горько-шутливо говорил он, разрабатывая план побега.

Главную часть подготовки — распил тюремной решетки — взял на себя Николай Ростопчин. Скобенников и Кокушкин обрабатывали тюремно-дворовых надзирателей. Но в последний момент уже было согласившиеся надзиратели струсили, отказались от содействия дерзкому замыслу, и побег не состоялся... А вскоре Ростопчина отправили в Тихвин, и связь его с Арсением надолго прервалась.

Только 25 января 1909 года Фрунзе был предъявлен обвинительный акт, а 26 января в городе Владимире его, как особо важного государственного преступника, судил в закрытом судебном заседании выездной суд Московского военного округа.

Михаил Фрунзе обвинялся в вооруженном сопротивлении властям, в организации и руководстве «террористической группой», в преднамеренном нападении на представителя полиции — словом, в целом ряде таких проступков, из которых каждый мог стоять человеку головы...

Суд приговорил Фрунзе к лишению всех прав состояния и смертной

казни через повешение. В записке, составленной судом, значилось: «Поводов к подаче протеста не имеется».

С 26 января по 6 апреля 1909 года Михаил Фрунзе, закованный в кандалы, находился в заключении в камере смертников, ожидая вызова на казнь.

После вынесения приговора присутствовавшая на суде сестра Михаила Фрунзе Клавдия Васильевна приложила все усилия, чтобы добиться свидания с братом. Свидание было разрешено.

Она направилась в тюрьму с намерением ободрить брата, сказать ему, что была восхищена его поведением, его смелостью на суде, шла сообщить ему, что и товарищи по революционному движению восхищаются его мужеством.

Но когда, введенная в камеру свиданий, она увидела сквозь двойную решетку исхудавшего, обросшего бородой брата в арестантском халате и кандалах, которые зловеще звенели при каждом его движении, все приготовленные ею слова улетучились из памяти. Слезы подступили к горлу, хлынули из глаз неудержимым потоком.

— Миша... Миша... — только и повторяла она.

Смертник Фрунзе спокойно и ласково утешал сестру, как мог:

— Ничего, Клаша... Друзья примут меры к отмене приговора, я верю... Жду... Если отменят — тогда каторга... Только ни в коем случае не надо подавать царю прошения с просьбой о помиловании. Это я категорически запрещаю и даже перед лицом смерти своих убеждений не изменю.

Короткий срок свидания истекал. Тюремщик приказал прощаться. Продолжая рыдать, Клавдия Васильевна двинулась к выходу. А брат настойчиво повторил ей вслед:

— Так помни же: ни в коем случае не подавать прошения на царское имя! Прощай!

Семья Фрунзе, жившая в Верном, узнала о приговоре по телеграфу. Из далекого Верного, из Пшипика, от матери, от сестер и от брата приходили на имя смертника письма. На получаемых письмах он без труда различал пятна — следы горьких слез. Сердце Фрунзе сжималось при виде этих красноречивых знаков глубокой любви к нему матери и сестер.

Шли дни... Смерть ждала совсем неподалеку. Приговоренных вешали тут же, в тюремном дворе... Каждый вечер могли прийти и за Михаилом Фрунзе...

Весть о суде над Фрунзе дошла и до Петербурга. Передовая часть профессоров Политехнического института послала командующему войсками Московского военного округа протест против приговора. Известный русский писатель Владимир Галактионович Короленко тоже поднял свой голос в защиту молодого революционера. В газетах появился ряд статей, требовавших отмены приговора. Видные адвокаты тех дней также заинтересовались этим делом и приняли участие в кассационном разбирательстве его в Главном военном суде.

Друзья, остававшиеся на свободе, большевики сделали все, что было в их силах: через защитников и передовую прессу им удалось добиться отмены смертной казни.

5 марта 1909 года Главный военный суд был вынужден отменить смертный приговор Фрунзе и передать дело на новое рассмотрение.

Друзьям Фрунзе удалось на время отвести от него руку палача.

6 апреля Фрунзе было объявлено об отмене смертного приговора. В тот же день с него сняли кандалы.

Фрунзе так рассказывает об этом:

«Мы, смертники, обыкновенно не спали часов до пяти утра, чутко прислушиваясь к каждому шороху после полуночи, то есть в часы, когда обыкновенно брали кого-нибудь и уводили вешать. 6 'апреля 1909 года один из защитников, присяжный поверенный, получил около 12 часов ночи из Москвы телеграмму, что приговор отменен и будет назначен пересмотр дела. Он немедленно отправляется в тюрьму, чтобы сообщить мне об этом. Приходит надзиратель в камеру и говорит: «Фрунзе, в контору». Это обычная шаблонная формула, с которой обращались к смертникам, приходя за ними. Конечно, у меня не было ни одной секунды сомнения, что меня ведут на казнь. До того, как позвали, было мучительнее. Теперь сама смерть была уже не так страшна. Я великолепно помню это состояние. Выхожу из камеры, кричу: «Товарищи, прощайте! Меня ведут повесить!» Помню невероятный шум тюрьмы. Приходим в тюремную канцелярию. Вдруг подходит адвокат и говорит: «Михаил Васильевич, приговор отменен». Я думаю: «Зачем человек обманывает меня, чего успокаивает? Я вовсе этого не хочу и нисколько этому не верю». Только когда стали снимать с меня кандалы, я понял, что могу еще жить».

Однако отмена смертного приговора отнюдь не означала освобождения. 19 июня 1909 года Фрунзе был предъявлен новый

обвинительный акт, а 5 февраля 1910 года состоялось заседание нового военного суда там же, во Владимире, судившего Фрунзе за участие «в обществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение, путем вооруженного народного восстания, существующего в России основными законами установленного образа правления и замену его демократической республикой». Одновременно Фрунзе обвинялся «в хранении с целью распространения нелегальной литературы».

На этот раз рядом с ним на скамье подсудимых сидел цвет Иваново-Вознесенского окружного союза РСДРП (б), всего 38 человек. Тут были и П. Караваев, и П. Постышев (Ермак), и А. Бубнов (Студент), и Е. Киселев, и П. Сулкин, и много других, ставших впоследствии видными деятелями Октябрьской революции.

Судебные заседания, разбиравшие в целом дело об Иваново-Вознесенском центре РСДРП, продолжались с 5 по 12 февраля 1910 года. Суд приговорил

Фрунзе к четырем годам каторжных работ. Отбывать каторжные работы Фрунзе должен был во Владимирской каторжной тюрьме, куда и был тотчас же переведен.

Фрунзе работает в столярной мастерской тюрьмы, делает столы, стулья, табуретки, полирует их. Не сразу удалось ему ремесло. Прежде чем стать хорошим мастером, научиться столярному делу, Фрунзе целый год строгал брусья. Пришлось ему делать даже и гробы. Десятки заключенных погибали в тюрьме от туберкулеза и цинги... Много требовалось гробов...

Тюремщики заставляли заключенных носить тяжелые, восьмипудовые кипы пеньковых веревок, вырабатываемых в тюрьме. Это было особенно тяжело для Фрунзе, у которого была повреждена нога.

Михаилу Васильевичу пришлось сидеть в одной камере со звероподобным уголовником — убийцей Бабичем.

Бабич был грозой всей тюрьмы. Все пять этажей Владимирского каторжного централа дрожали перед ним. Убить для Бабича было таким же простым делом, как чихнуть или плюнуть.

Расчет тюремщиков был прост. Они, как видно, намекнули Бабичу, что если он расправится под каким-нибудь предлогом с Михаилом Фрунзе, то ничего плохого за это ему не будет.

Но на вызовы Бабича Фрунзе не поддавался. Обязанности свои он выполнял без оговорок: и «парашу» вытаскивал, и пол подметал, и клопов шпарил кипятком в дощатых нарах в свое дежурство. А когда не был занят, все читал книги; не расставался с учебниками английского и французского

языков.

Бабич всячески старался вызвать Фрунзе на ссору. То в плечо двинет, то на ногу наступит по-медвежьи, то смачно кашляет прямо в лицо, то обругает без причины свирепой бранью.

Но Фрунзе был словно каменный — никакого внимания.

Заклученные быстро заметили, что новичок стал поперек горла грозному Бабичу.

Бабич был большой любитель картежной игры. Но горе было тому, кто осмеливался у него выиграть. Однажды, совсем нечаянно, один несообразительный арестант выиграл у Бабича пустячную сумму денег. Бабич ударил своего партнера по голове табуреткой с такой силой, что игрок замертво свалился на пол.

В тот же день арестанты собрались у койки Михаила Фрунзе, который пользовался всеобщим уважением и любовью, и попросили его быть председателем в суде над Бабичем.

— Ты, Фрунзе, один только Бабича не боишься, — заявили они. — А он никого из нас в грош не ставит.

— Надо проучить его, — ответил Фрунзе. — Бойкот объявим.

Как только Бабич услышал эти слова, он кинулся к нарам Михаила Фрунзе.

— Ты!.. ты!.. ты!.. — задыхаясь от ярости, орал он. — Судить меня вздумал?

Схватив табурет, он замахнулся на поднявшегося Фрунзе.

— Не на того замахиваешься, на кого нужно, — спокойно сказал ему Михаил Фрунзе.

Разъяренным взглядом Бабич уперся в строгие, спокойные глаза Михаила Фрунзе и... уронил табурет на пол. Потом он плюхнулся к себе на нары и пролежал так до вечера, не оборачиваясь. А после стал относиться к Фрунзе, как к победителю: слушался его во всем.

В этом же году Фрунзе помогал в организации побега из тюрьмы матросам, участникам Свеаборгского восстания. Побег предполагалось осуществить посредством подкопа под стену тюрьмы. Фрунзе разрабатывал план и принимал деятельное участие в его выполнении. Колоссальной трудности работа была уже почти доведена до конца, оставалось завершить подкоп на две-три сажени — и участники дела были бы на свободе. Разумеется, никаких креплений в подкопе не было, и весь расчет был на твердость грунта. Но случилось так, что проезжавший по двору тюрьмы воз с дровами провалился в подземную выемку.

Побег не удался. Ожидаемую свободу заменили новые кары.

Судебные и следственные органы продолжали возню вокруг дела Фрунзе. Было совершенно ясно, что царский суд, министерство внутренних дел, царское правительство не могли примириться с таким «мягким» приговором, как четыре года каторжных работ.

13 августа 1910 года Фрунзе было предъявлено повторное обвинение — в покушении на убийство конно-полицейского урядника Перлова. Суд был организован на широкую ногу.

2 сентября военный прокурор генерал-майор Домбровский просит у главного военного прокурора разрешения «лично поддержать обвинение по делу Михаила Фрунзе». Согласие он получает. Нетрудно было предвидеть, что Домбровский будет требовать для Фрунзе смертной казни.

22 сентября военный суд в городе Владимире, вновь судил Фрунзе. На этом суде со стороны обвинения выступали только двое «свидетелей»: сам урядник Перлов и некий Быков — подгородный шуйский крестьянин, выставленный как «очевидец» происшествия.

— Да, этот человек в меня стрелял, — показывая тяжелым волосатым перстом на спокойно смотревшего Михаила Фрунзе, сказал урядник.

Однако сколь ни запуган был Перловым крестьянин Быков, он, взглянув в спокойные глаза Фрунзе, смутился.

— Ежели это Арсений, так, стало быть, он... — только и нашел что сказать суду Быков.

Но для защиты своего отважного бойца партия большевиков тоже приняла ряд нужных мер.

На процесс был приглашен сочувствовавший партии видный, опытный московский адвокат Якулов, сумевший предъявить суду трех лиц как свидетелей в пользу Фрунзе.

Это были медицинские работники: фельдшерица Моравицкая, больничная сестра Питалева и доктор Химкинской больницы Иванов.

Задачей защиты было доказать суду, что в день «покушения» на Перлова, 21 февраля 1907 года, Фрунзе находился не в Шуе, а в Химках, под Москвой. Этим было бы засвидетельствовано так называемое «алиби», достаточное для оправдания.

Допросили Питалеву.

— Да... — заявила она. — Двадцатого февраля обвиняемый был у меня в гостях в Химках, вечером почувствовал себя плохо, остался ночевать, а наутро, двадцать первого, был осмотрен доктором Ивановым, нашедшим у него сердечный приступ...

Суд вызвал в зал доктора Иванова. А тот, по правде, и в глаза не видывал Фрунзе никогда...

Прокурор Домбровский, догадываясь об этом, внезапно потребовал от доктора Иванова:

— Укажите, свидетель, который из сидящих на скамье подсудимых был вашим пациентом двадцать первого февраля...

Бедняга доктор вздрогнул: «Как быть? Который, в самом деле, Фрунзе?» Рядом сидел и Гусев.

Но адвокат Якулов не растерялся.

— Подзащитный, встаньте и выдвиньтесь... — скомандовал он. — В зале темно...

Доктору Иванову оставалось мысленно поблагодарить находчивого адвоката и подтвердить:

— Да, вот именно этого молодого человека я и осматривал двадцать первого февраля...

После долгого совещания военный суд все же вынес заранее намеченный приговор. «Лишить Михаила Фрунзе всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение», — сухим, безучастным голосом прочитал секретарь суда.

Прокурор Домбровский мог успокоиться. Он добился смертного приговора.

Фрунзе держал себя на суде, как и подобало коммунисту, с исключительным достоинством. От своего защитника Фрунзе вновь категорически потребовал заверения, что ни он, ни родственники ни в каком случае не подадут прошения царю о помиловании.

Этот вторичный смертный приговор вызвал возмущение не только пролетариев Иваново-Вознесенска, Шуи, Кинешмы, но и других городов России. Видные общественные деятели, в том числе и депутаты-большевики III Государственной думы, вновь резко протестовали против приговора. Партия большевиков снова сделала все, чтобы спасти жизнь товарища.

Под нажимом общественного мнения командующий войсками Московского военного округа вынужден был в начале октября 1910 года заменить смертную казнь Фрунзе каторжными работами сроком на шесть лет. С присоединением предыдущего четырехлетнего срока Фрунзе в итоге был приговорен к десяти годам каторжных работ.

Снова железные кандалы, снова изо дня в день тяжелый, беспросветный, принудительный труд...

Тяжелые, изнурительные работы во Владимирской каторжной тюрьме, наконец, истощили физические силы Фрунзе. Он заболел туберкулезом. После долгих усилий родным удалось добиться перевода Фрунзе на юг, в

Николаевскую тюрьму, но эта «южная» тюрьма по своему режиму оказалась еще более страшной каторгой. Она стояла невдалеке от города Николаева, на излучине, при впадении реки Ингульца в реку Южный Буг. Чудом считалось, если кто-нибудь живым выходил из ее стен. Потому-то заключенные и называли ее «Николаевская могила». Начальник этой тюрьмы Колченко и надзиратель Корббко так и хвалились: «Мы живыми от себя не выпускаем».

О пребывании Фрунзе в Николаевской каторжной тюрьме один из сидевших с ним вместе заключенных рассказывал:

«Фрунзе быстро стал пользоваться уважением и любовью товарищей.

...Фрунзе отдавал все, что получал из дому, и не интересовался, как и на что расходовались его деньги. Своих желаний выписать то или другое не выражал, а ел все, что имелось на сей день, без возражений. Словом, вел себя как рядовой товарищ.

Удивительная способность сразу понимать человека, его интересы и его стремления, простой язык, всегда дельный совет — все это создало ему огромную популярность: даже администрации каким-то неведомым способом сумел он внушить к себе уважение. Надзиратель Коробко, хотя и язвил и обещал всякие пакости, но шашкой в бок уже не тыкал.

Удивительная была голова у Фрунзе, и память прямо поразительная. Бывало, к нему, как к энциклопедии, обращались и всегда получали разъяснения.

Поражала нас также немало его способность читать книги серьезного характера. Особенно всякого рода философские сочинения. Читаешь такую толстенную книгу неделю-другую: слов много, а смысла, сути книги никак не поймешь. Фрунзе книгу эту полистает день, много два, и готово: разжует тебе и в рот положит, да заодно и объяснит, что в ней есть дельного...

Играл Фрунзе в шахматы чертовски хорошо. Даст тебе королеву вперед, и все же не успеешь оглянуться, как уже мат!.. Обставлял он нас и по одному и сразу кучей. Мы пробовали выставлять против него по 3–4 лучших игрока разом, но результат все тот же...»

Как-то весной, когда заключенных особенно тянуло на свободу и они готовы были на все, чтобы совершить побег, Фрунзе придумал для этого довольно сложный путь. Он попросил тюремного библиотекаря, который был одновременно пономарем и регентом тюремной церкви, принять его, Фрунзе, и еще нескольких товарищей в тюремный церковный хор, составленный из арестантов. Певчим предоставлялась некоторая свобода; поэтому не исключена была возможность побега. Однако и этот замысел

разгадали тюремщики: Фрунзе был исключен из хора, и план рухнул. Однажды за пение революционной песни Фрунзе и его товарищи были брошены в карцер, представлявший тюрьму в тюрьме.

Никаких разговоров и апелляций быть не могло... Снова процедура обыска, чтобы как-нибудь не пропустить спичек и табаку. Ремни и подкандалники сняты. Затем открывается дверка, и люди вталкиваются буквально в могилу — каменный мешок. Темнота, молчание... Все ошеломлены... Слышны лишь удаляющиеся шаги. Но вот и это стихло...

А время тянется, тянется без конца. Лечь в карцере нельзя, можно только присесть на корточки да так и спать. Но узники предпочитали даже и к этому не прибегать, так как дерзкие и голодные, крысы этого страшного подземелья не только вырывали из рук жалкие крохи пайкового арестантского хлеба, но пытались кусать беспомощных людей.

Однако во время отбывания каторги во Владимирской и Николаевской каторжных тюрьмах Фрунзе все время чувствовал поддержку партии. Разными нелегальными способами в тюрьму к Фрунзе проникали сведения о ходе революционного движения, о крупнейших политических событиях, о деятельности партии. С большими трудностями, но все же передавали с воли газеты, журналы, книги, среди них нелегальные, а в книги нередко вкладывали записки. Под видом родственников в тюрьму приходили посланцы партии. Свидания обычно происходили в присутствии охранника, через две решетки, и были очень короткими, но они придавали Фрунзе бодрость.

4. ВЕЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Семь с половиной лет, звеня кандалами, пробыл Фрунзе на изнурительных работах в тюрьмах.

7 марта 1914 года, ожидая отправки на поселение в Сибирь, Фрунзе в письме писал:

«Знаете, я до сих пор как-то не верю, что скоро буду на свободе [\[14\]](#). Ведь больше 7 лет провел в неволе и как-то совсем разучился представлять себя на воле. Это мне кажется чем-то невозможным... Правда, временами хвораю и даже сильно, но теперь в общем и целом чувствую себя совершенно здоровым. Одно меня удручает — это глаза. Болят уже более 4-х лет. Неужели же не вылечу их на воле? Сейчас все время ощущаю в себе прилив энергии. Тороплюсь использовать это время в самых разнообразных отношениях...

Я ведь кем, чем только не был на каторге. Начал свою рабочую карьеру в качестве столяра, был затем садовником, огородником, а в настоящее время занимаюсь починкой водопроводов, сигнализации и, кроме того, делаю ведра, кастрюли, чиню самовары и пр. Как видите, обладаю целым ворохом ремесленных знаний. Не могу сказать, что знаю их в совершенстве, но все же кое-что знаю...»

В этом же письме Фрунзе писал: «Итак, скоро буду в Сибири. Там, по всей вероятности, ждать долго не буду... Не можете ли позондировать... не могу ли я рассчитывать на поддержку с их стороны ^[15] на случай отъезда из Сибири. Нужен будет паспорт и некоторая сумма денег...

...Знаете, у меня есть старуха мать, которая ждет не дождется меня, есть и брат и 3 сестры, которые мое предстоящее освобождение тоже связывают с целым рядом проектов, а я... А я, кажется, всех их обману...»

К сентябрю 1914 года Михаила Фрунзе загнали на вечное поселение в село Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии. На пути туда в виде протеста против произвола тюремных властей он организует голодовку политзаключенных, не страшась навлечь на себя новые репрессии.

Дело заключалось в том, что в связи с начавшейся первой мировой войной царское правительство побаивалось выпустить из тюремных стен хотя бы даже на поднадзорное положение ссыльнопоселенцев несколько сот политзаключенных, скопившихся в иркутском Александровском центре. Они считались отбывшими свой срок тюрьмы и каторги, но власти не решались предоставить им, в том числе и Михаилу Фрунзе, хотя бы даже и отдаленное подобие свободы.

С мая по август томились Фрунзе и его товарищи в Иркутской тюрьме, затмевавшей по части всяческих ужасов даже и «Николаевскую могилу», откуда ему только что удалось кое-как выбраться.

— Места вашего поселения еще не определены... — неизменно отвечало тюремное начальство на все запросы политзаключенных.

Наконец терпение лопнуло, и по центру пронесся клич:

— Хватит! Объявляем голодовку протеста!..

Только так и смогли возглавляемые Михаилом

Фрунзе кандидаты на поселение добиться выхода из кошмарных тюремных стен. Впрочем, всех их рассовали по разным местам. Фрунзе и еще пятерых ссыльных, в том числе большевика Иосифа Гамбурга, завезли в небольшое притрактовое село Манзурка, в ста восьмидесяти километрах от Иркутска.

Поселилась эта ссыльная «шестерка», у коренной сибирячки —

крестьянки Аграфены Ивановны Рогалевой — в одной из двух половин ее просторной, по сибирскому обычаю, избы. Образовали нечто вроде коммуны и, конечно, тотчас же установили контакт с другими ссыльными, раньше их поселенными в Манзурке.

Прибайкальская осень, холодная, но сухая и солнечная, чистый, словно ключевая вода, сибирский воздух, возможность, не считая часов и минут, сколько душе угодно, вволю дышать этим целительным воздухом — все это быстро восстановило здоровье Фрунзе, сильно подорванное семью годами тюрем.

Среди политических ссыльных того времени было немало людей, поддавшихся идейному надлому. Некоторые, утомленные борьбой, сидением в тюрьмах, начисто отказывались от продолжения революционной работы, от «политики» вообще, женились на местных крестьянках, обзаводились семьей, хозяйством. Некоторые превращались даже в «оборонцев»: перейдя на сторону правительства, проповедовали необходимость «примирения» с ним.

Но железная большевистская когорта, закаленные большевики, находившиеся в то время в сибирской ссылке, — Калинин, Свердлов, Сталин, Фрунзе, Дзержинский, Куйбышев, Орджоникидзе и другие — стойко хранили верность революционному знамени и энергично вели революционную работу, держа постоянно связь с Лениным. Сложнейшими, почти непостижимыми путями осуществляли они из далекой Сибири, из-под Туруханска, Якутска, Верхоленска и Верхоянска, переписку со Швейцарией, где жил тогда Владимир Ильич.

Издеваясь над Фрунзе, изнуряя его тяжелыми работами и плохим питанием в сырых каменных застенках, царские тюремщики полагали, что за семь с половиной лет тюрьмы и каторги они сломили революционный дух молодого большевика. Высылая Михаила Фрунзе «навечно» в Сибирь, тюремщики считали, что Фрунзе, «подавленный» морально и физически многолетним заключением и тяжелыми каторжными работами в тюрьме, уже не вернется на путь революционера, тем более что дорога из сибирской ссылки Михаилу Фрунзе навсегда была закрыта царским законом. Они жестоко просчитались.

Фрунзе внимательно следил за боевыми действиями на фронте. Он организовал среди ссыльных кружок военного искусства, поражая товарищей верными политическими и оперативно-стратегическими прогнозами и выводами. Фрунзе писал из ссылки: «Россия из этой войны никак не может уйти не побитой. Обратите внимание на заграничные письма Ленина. Готовится большевистская конференция, места ее я еще не

знаю. Получил свежие газеты из Женевы».

Сохранилась и довольно широко известна фотография, относящаяся к этому периоду жизни Михаила Фрунзе. На ней мы видим так называемый «коробок» — характерную для Сибири упряжку с двумя лошадьми. В ней сидят два седока, а на козлах, на месте кучера, — Михаил Васильевич в пиджаке и кепке.

Долгое время оставалось неясным, что это: шуточный снимок фотографа или нечто иное? И лишь совсем недавно выяснилось, что эта как бы веселая, курьезная фотокартинка отражает весьма интересный, овеянный немалым драматизмом эпизод из жизни Михаила Фрунзе в ссылке.

Однажды, поздним вечером, как раз во время очередного занятия в тайном военном кружке ссыльных, когда Фрунзе развивал перед товарищами идеи и принципы военного дела применительно к задачам революции, вдруг послышался настойчивый стук в завешенное окно.

Первая мысль была — не полиция ли? Приняв меры предосторожности, открыли дверь. В комнату вбежал взволнованный человек. Его узнали. Это был тоже ссыльнопоселенец — некий Дрямов, из поселка Баяндай, отстоявшего от Манзурки примерно на полсотни километров.

— Тут ли доктор Петров? — заговорил он возбужденно... — Ребенок, малыш, у меня заболел... Нужна срочная помощь...

Федор Николаевич Петров, ныне крупный, заслуженный деятель советской медицинской науки, был тогда тоже в ссылке и тоже участвовал в военном кружке Фрунзе.

Дрямов прискакал верхом. Для доктора нужна была повозка и кони, да и возница, понятно...

И вот Михаил Васильевич Фрунзе, уже обладавший в Манзурке большим авторитетом, раздобыл и лошадей и довольно исправный «коробок» и сам взялся быть ямщиком-возницей. Меньше чем за четыре часа он доставил доктора Петрова к опасно заболевшему ребенку, несмотря на ночь и непогоду. Мальчику была сделана операция, спасающая жизнь.

Момент его возвращения из Баяндай и запечатлен на шуточной на первый взгляд фотографии.

До смешного страшась общения между ссыльными, полиция, бдительно следившая за их поведением и образом жизни, вскоре постаралась разъединить, расселить «шестерку», сплотившуюся вокруг Фрунзе. Пусть и в пределах села Манзурки, но все же по разным домам.

«Спокойнее так-то»... — рассуждали, по-видимому, жандармские

блюстителю «порядка».

Но Фрунзе было не легко «разоружить», он не смирился с таким оборотом дела.

Зашел к одному, к другому товарищу, поговорили.

— А что, если нам организовать здесь, в Манзурке, столярную мастерскую? — подал он мысль своему ближайшему соседу и приятелю Иосифу Гамбургу.

Тот быстро оценил замысел:

— Неплохая идея!

Начали агитировать и других ссыльных. Кое-кто из них, так же как и сам Фрунзе, уже был знаком со столярным делом, поднаторел в нем по тюремным и каторжным мастерским. Кроме общения в часы работы, в обстановке «дикой» ссылочной скуки занятие столярным ремеслом сулило и некоторый доход, заработок в дополнение к предельно скудному, «скаредному» поселенческому пенсиону, в шутку именованному «царевым алтыном».

— Сбывать поделки будем в Иркутск! — бодро, оптимистично заявлял товарищам Иосиф Гамбург, загоревшийся затеей Арсения. — Постараюсь туда скатать потихоньку, налажу сбыт да заодно и инструмента побольше и материалов необходимых раздобуду — наждаку, клею, лаку.

Составили ходатайство по начальству:

Так, мол, и так... Не изнывать же людям от безделья... Надо, дескать, чем-то «полезно-производительным» заниматься. А тут и ремесло, и государству доход.

Столярную мастерскую открыть было разрешено...

Десять-двенадцать человек из числа поселенцев записались в мастерскую, в том числе, конечно, и Фрунзе — вдохновитель этого дела. Внешне для полицейского ока все выглядело благопристойно: закипела в мастерской работа, запенилась стружка под рубанками и фуганками. Пахло столярным клеем, подогреваемым на печурке, свежим смолистым деревом. Никаких особых подозрений не могло возникнуть у заходивших для контроля полицейских.

Но на деле эта мастерская была своего рода продолжением ивановского лесного «университета» и владимирской «тюремной академии», где Фрунзе также занимался с заключенными. Каждый обучал своих товарищей тому, в чем он был наиболее силен. Фрунзе вел в этой тайной, замаскированной «академии» три предмета: английский язык, экономическую статистику и военное дело.

Гладко выструганные доски были заменой черным доскам

университетских аудиторий; углем наносили формулы, уравнения, аналитические кривые, схемы военных оперативных задач, а как только появлялся поблизости представитель надзора — пристав или урядник, тотчас под быстрыми взмахами рубанка формулы и чертежи летели в виде стружек на пол.

Но, видимо, не все были достаточно сдержанны, молчаливы, надежны среди участников занятий. Мало-помалу допозд до начальства слух, что якобы в Манзурке ссыльные готовят какой-то заговор. Полиция устроила внезапный налет на мастерскую, и в руки к жандармам попала одна из досок с военными схемами.

Вдобавок в момент обыска Фрунзе разорвал на мелкие клочки какую-то бумагу. Понять по обрывкам ее, что на ней было написано, полицейские по малограмотности своей не сумели, но в протоколах сей факт записали... А бумага была действительно довольно важная: это был внутренний устав для созданной Михаилом Фрунзе партийной организации ссыльных.

Полицейским не было дела до того, что Михаил Фрунзе с товарищами разбирал в этот день Бородинское сражение и сопоставлял его данные с событиями первой империалистической войны. «Ссыльные изучали военное дело» — стало быть, слух о военном заговоре подтверждался.

Полетел соответствующий рапорт к иркутскому генерал-губернатору. Фрунзе был арестован. Снова предстояло возвратиться под страшные могильные своды тюрьмы.

«Бежать!.. Бежать!..» — твердо сложилось у Фрунзе решение.

*

Вскоре по Верхоленскому тракту на Иркутск катила под конвоем солдат с саблями наголо большая казенная телега, запряженная тройкой мохнатых лошадей-сибирок. Песок и ухабы сильно замедляли ее движение. Дорога, освещенная скуповатым байкальским солнцем, переползала с холма на холм, откуда на десятки верст кругом видны были голубые просторы сибирской тайги и лесостепи, перелески, гривки кустарника, луга...

На телеге среди других арестованных находился и Михаил Фрунзе. Его везли в Иркутск на новую расправу. Иркутской жандармерией уже начато было «дело» о том, что ссыльный поселенец манзурского этапа большевик Михаил Фрунзе замыслил неслыханную дерзость. Он собирался будто бы поднять среди ссыльных мятеж, вооружив их отнятым у солдат и

полиции оружием.

Утомленные движением по песчаной дороге лошади остановились у станка Оёк, возле этапного двора, окруженного островерхим частоколом и хвойным густым лесом. «Станками» в Сибири с давних пор назывались этапные ямские станции. Внутри двора стояла большая изба, бревенчатая, с шатровой крышей. В ней отдыхали конвойные и арестанты.

Наружный часовой распахнул ворота, и телега въехала во двор. Снова наглухо закрылись ворота. Пospрыгивали с телеги, разминая ноги, конвойные, а за ними и арестованные. До Иркутска оставалось верст сорок. Больше ночевок не предвиделось.

Фрунзе напряженно обдумывал положение. Попасть в Иркутск означало снова надеть кандалы, снова оказаться каторжником долгого срока, а может быть, даже и быть расстрелянным; суд военного времени беспощаден.

Быстро созрел план. Товарищи не побоялись помочь хорошо известному в партии Арсению. Устроили шуточное «качанье» на руках, подтянулись поближе к окружавшему двор частоколу и, улучив момент, в сгущавшихся сумерках незаметно для конвоиров перебросили Фрунзе через забор. А за ним — и еще одного, по кличке «Владимир»... Конвойные хватились беглецов не скоро. Подняли тревогу, но было уже поздно.

Фрунзе не сразу расстался со своим компаньоном по бегству. Тот оказался слабее, пришлось ему помогать во время нелегкого движения по густому таежному лесу. Ветки елей и молодых сосен хлестали его по лицу, сучья рвали на нем куртку и рубаху, но он шел не останавливаясь.

Конвойные сбились с ног, обыскивая лес. Но беглеца не нашли. В Иркутске вместо Фрунзе сдали начальству только документы на его имя.

Примерно через неделю после происшествия на этапном станке Оёк в главном городе Забайкальского генерал-губернаторства Чите появился человек с паспортом на имя Владимира Григорьевича Василенко. Это был Фрунзе, которому удалось уйти от преследования и добраться до Читы, где он знал только адрес явочной квартиры местной партийной организации, и ничего более...

Песчаные улицы Читы с деревянными тротуарами, почти сплошь застроенные деревянными домами из массивных лиственничных бревен. Ни одной вроде знакомой души, да и ждать ее откуда, такую знакомую душу? Чужой, совсем чужой город.

И вдруг начинаются удивительные вещи: оказывается, во-первых,

живет в Чите хорошо знакомая по Шуе большевичка, фельдшерица Вера Любимова, высланная сюда на поселение. А кроме того, здесь же, в Чите, в статистическом бюро местного областного переселенческого управления состоит заместителем начальника бывший питерский студент Василий Соколов, член РСДРП (б) с 1898 года! По партийной изустной молве плюс по газетным отчетам он должен бы знать о нашумевшем деле Арсения.

Наконец есть в Чите и еще целый ряд ссыльных марксистов, как, например, прекрасная семья Колтановских.

— Так вы, Значит, питерский политехник? — внимательно ощупывает его взглядом начальник статистического бюро Монтвид. — И когда же вы окончили наш славный институт имени великого Петра?

— Да я, собственно, его еще не закончил... Неблагоприятное стечение обстоятельств...

Монтвид переглядывается с Соколовым.

— Что ж, ничего, работайте... Люди вашего уровня и кругозора нам нужны...

И вот Владимир Василенко становится работником Забайкальского переселенческого управления с целым рядом прав и преимуществ и с очень сложным, хотя и трудоемким, кругом обязанностей.

Едва оглядевшись в далекой Чите, мнимый Василенко развертывает бурно-кипучую деятельность. Эта деятельность протекает в двух планах — легальном и нелегальном. Сохранилось удостоверение личности под № 1747 от 2 октября 1915 года, подписанное военным губернатором Забайкальской области генерал-лейтенантом Кияшко и гласящее: «Предъявителю сего, статистику Переселенческого управления Василенко В. Г. оказывать всяческое содействие...» Сейчас это выглядит как явная ирония истории, а тогда такое удостоверение представляло надежнейшее прикрытие, своего рода щит, пользуясь которым Михаил Фрунзе мог совершать настоящие чудеса в конспиративной своей работе.

Почти тотчас же после приезда Фрунзе в Читу там возникает искусно замаскированная еженедельная большевистская газета «Забайкальское обозрение» (в личной анкете М. В. Фрунзе она неточно названа «Восточное обозрение»), В. Г. Василенко оказывается ее редактором и одним из наиболее активных авторов.

Переселенческое управление публикует ежегодник — сборник «Урожайность хлебов и трав в Забайкалье»; статистик В. Г. Василенко дает в этом сборнике обстоятельно, с полным знанием дела написанную статью «Урожайи трав на покосах». Вот когда неожиданно пригодились солидные познания по ботанике, приобретенные еще в Верном, усиленные сбором

горно-лугового гербария на Тянь-Шане!

А вот как проявляется и второе, подлинное лицо беглеца из Манзурской ссылки, былого чудо-богатыря подпольной работы Арсения: перед нами письмо его начальнику статотдела В. Э. Монтвиду в Читу:

«Мой привет Вам, многоуважаемый Виктор Эдуардович!

Извините, что до сих пор не собрался уведомить Вас о себе... Пишу сейчас со станции Заиграево, где сижу усталый, злой и голодный... в ожидании поезда. Придет он часов в 11 (вечера), а сейчас только 6.40. Вот я и воспользовался, чтоб сообщить Вам о том, где и что я сделал за это время.

Прежде всего должен сказать, что уже с самого начала маршрут был мной изменен. Уже с Могзона я отправился прямо в Иркутск. В Иркутск я прибыл, кажется, 18 или 19 числа и пробыл там три дня...

По выезде из Иркутска успел объехать Мысовую, Кабанское, Верхнеудинск, Онохой и Заиграево.

Должен сознаться, не предполагал, что работа будет настолько утомительной. Встречается масса неудобств. При мало-мальски добросовестном отношении к делу приходится испытывать бездну треволнений... Сегодня ночью выезжаю на Петровский завод. Дней через 10 надеюсь быть в Чите.

Пока всего лучшего, привет всей «статистике»!

В. Василенко».

Письмо это, написанное на бланке с грифом «Статистический Отдел» и датированное 27 октября 1915 года, проливает некоторый свет на подпольную деятельность Михаила Фрунзе в Забайкалье, в местах, с детства овеянных для него романтикой и славой декабристов. Ведь буквально рядом со станцией Заиграево — знаменитый Тарбагатай, где жила целая когорта декабристов, где их героические жены, «русские женщины» Некрасова, понастроили деревянных лачуг. А Петровский завод!

Но это все же достояние прошлого, былого, а сейчас? О, и сейчас, в дни этой замечательной поездки Михаила Васильевича по Забайкалью, здесь повсюду разбросаны подневольные жилища революционеров, унаследовавших если не идеи декабристов, то, во всяком случае, их несокрушимый боевой дух, гордые и высокие традиции.

Проследим маршрут Фрунзе по пунктам: во-первых, он смело едет в Иркутск, где просто случайно встреченный на улице тюремщик или стражник может схватить его за плечо. Риск? Бесспорно! Однако в

Иркутске живет в это время под надзором полиции знаменитый кавказский революционер — большевик Миха Цхакая, впоследствии председатель ЦИК Закавказья. У него наверняка имеются большие тайные связи с центром, а может быть, даже и со Швейцарией, где находится в это время Ленин. Как же не использовать такую возможность обогатиться свежими, новыми политическими вестями, как не поговорить о ближайших, назревающих делах!

В Мысовой тоже есть смысл побывать. Независимо от статистического задания по командировке там, тоже под надзором, живет отбывший каторгу большевик Василий Серов, депутат II Государственной думы, той самой, по выборам в которую своеобразно «поработал» Фрунзе-Арсений налетом на Лимоновскую типографию зимой 1907 года. Как известно, все 65 социал-демократических депутатов этой думы были указом царя лишены депутатских полномочий и разогнаны кто в ссылку, кто на каторгу. Живет такой же бывший депутат от рабочих, большевик Алексей Вагжанов на «вечном поселении» и в Верхнеудинске, куда тоже заехал неутомимый Владимир Василенко-Фрунзе... Вероятно, тоже нашлось о чем поговорить!

И так в каждом из пунктов, перечисленных в его письме-отчете Монтвиду, непременно есть человек, с которым нужно и важно побеседовать по насущнейшим политическим проблемам дня, по партийным делам и вопросам.

В Кабанском — большевик Андрей Плис, в Онохое — рабочая группа при местном крупном лесопильном заводе, в Тарбагатае — угольные копи, а в самом Заиграеве, где писалось письмо, — большевик Федор Петров.

Разговоры ведутся не праздные, не «вообще». В ряде мест в результате этих заездов и бесед возникают определенные последствия. Так, на Петровском заводе вскоре после посещения его Михаилом Васильевичем Фрунзе в образе статистика Василенко вспыхивает характерный для того времени «голодный бунт» местных солдаток, то есть жен призванных на войну рабочих. А известно, что это была за сила!

А на станции Хилок, где тоже побывал Фрунзе, в так называемом «Казенном доме» (общежитии железнодорожников), появилась широко распространяемая большевистская подпольная литература.

Рабочие местных предприятий сообщали много ценных данных, которые Фрунзе мастерски использовал для печати, причем не только подпольной, а и для легальной читинской газеты «Забайкальское обозрение». Зазвучали смелые слова, широко разносясь над просторами Забайкалья. Это были сигналы надвигающейся революции, слова протеста против продолжающейся на фронтах бойни.

Увы, опять подвела случайность. Был однажды статистик Василенко, во время поездки по делам службы, в гостях в одном доме. И надо же было произойти такому совпадению, что за одним с ним столом оказался человек, знавший всю семью и родственников того, настоящего В. Г. Василенко, чей паспорт был на руках у Михаила Васильевича. Вопрос за вопросом:

— Как поживает ваш батюшка? А как здоровье вашей тетушки? А где сейчас сестрица ваша, Анна Григорьевна, пребывает?

Заметив какую-то неточность в храбрых ответах собеседника, любознательный гость проявил уже некоторую подозрительность. Вопросы становились все труднее. Но Фрунзе, скрывавшийся под именем Владимира Василенко, все-таки нашелся.

— Знаете ли, — хладнокровно прервал он, наконец, назойливые расспросы, — я и с папашей, и с тетушкой, и со всеми сестрицами давно уже не имею никакого общения... В политических взглядах разошлись...

Выпив с той же невозмутимостью еще стакан чаю, он откланялся и удалился. Но на другой день в гостиницу, где он занимал номер, пришла на его имя из Читы условная телеграмма:

«Был визитом Охапкин. **Соня**».

Расшифровать смысл этой короткой телеграммы было нетрудно. «Охапкин» значило «представитель охранного отделения». Подпись принадлежала Софье Алексеевне Поповой-Колтановской.

По-видимому, случай за чаепитием не прошел даром. Возвращаться в Читу было опасно.

Студент Московского университета Ивановец Павел Батуриин по просьбе Фрунзе прислал ему надежный документ на случай каких-нибудь проверок в дороге.

И вот в марте 1916 года Михаил Васильевич отправляется снова в пределы Европейской России.

Прибыв в Москву, Фрунзе повидался прежде всего с сестрой Клавдией Васильевной Гавриловой, потом с Павлом Батуриным. Решено было «отшлифовать» временный, условный документ на имя Михаила Михайлова, придать ему абсолютную безукоризненность. Для этого Фрунзе и Батурину пришлось съездить в Петроград, где жили родители подлинного Михаила Александровича Михайлова, молодого человека, погибшего на войне.

Не без труда удалось уговорить стариков, чтоб они не чинили препятствий своеобразному «воскрешению» их сына в образе почти его

одногодка, тоже Михаила, лишь по отчеству и по фамилии другого... Кандидат на воскрешение понравился родителям его тезки, договоренность была достигнута.

Под новым именем Фрунзе выехал в уже совершенно дерзкий маршрут — в Минск, на Западный фронт, где малейший намек на опознание его властями грозил ему немедленным военным судом, притом без всяких надежд на кассацию! Расстрел в двадцать четыре часа, по всей строгости законов военного времени!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ АРСЕНИЙ ВЕРНУЛСЯ

1. МИНСК

Уже два года гремели орудия на полях сражений первой империалистической войны. Два года лилась кровь рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели.

Среди народных масс бурно росло движение против потерявшего всякий авторитет царизма. Тыл и фронт, центр и окраины России были едины в своем справедливом гневе против царя, его правительства и генералитета.

Уже было ясно, что ничто не может спасти империю Романовых от нового военного поражения. Уроки русско-японской войны и революции 1905 года ничему не научили ни царя Николая II, ни его министров, ни большинство его бездарных и тупых генералов.

Даже русская буржуазия, связанная тесными узами с американским и англо-французским капиталом, все больше убеждалась, что царское правительство не способно управлять страной и что неизбежен новый, решающий взрыв народного гнева.

Народ требовал хлеба и жаждал мира.

Прибыв на Западный фронт, Фрунзе числился некоторое время вольноопределяющимся под фамилией Михайлова в 57-й артиллерийской бригаде, расквартированной в районе местечка Ивенец, затем перешел в Минск на должность военного статистика в так называемый Земсоюз — подсобную военно-хозяйственную организацию, созданную «общественностью» в помощь армии.

В большом городе Минске, переполненном военными людьми всех рангов, всех родов войск, скромная личность земсоюзовского статистика Михайлова долгое время не привлекала внимания полиции. А он, со своей стороны, тоже старался быть незаметным, но не терял времени даром. Вскоре из его маленькой комнаты над Свислочью — речкой, разделяющей Минск на две части, — начали протягиваться невидимые нити к фронтовым частям передовой линии. То и дело появлялись в скромной комнатке Фрунзе в Минске представители фронтовых большевистских ячеек. Люди сообщали о настроении частей, получали указания, советы, литературу, явки в главный руководящий центр фронтовой большевистской организации.

Этот период был для Михаила Фрунзе периодом большого обогащения военными знаниями.

— Пребывание в Минске было для меня чем-то вроде настоящей военной академии, — вспоминал он впоследствии шутливо, но в этой шутке было много правды.

Расквартирование войск, организация управления армиями, вопросы снабжения, формирования, боевого обеспечения, связи, военных передвижений, санитарно-эвакуационной службы, работа штабов — все это глубоко интересовало Фрунзе, остро воспринималось им и критически осмысливалось. Именно в Минске Фрунзе познакомился с организационной и оперативной сторонами военного дела, а также хорошо узнал все солдатские нужды.

Михаилу Михайлову довольно часто приходилось выезжать на передовую линию фронта — под Молодечно, Замирье, Пинск, Соколинцы. Все это были места сами по себе интересные. Там и сям горделиво возвышались старинные замки земельных магнатов — князей Друцких, Святополк-Мирских, Соколинских. Как бы по какому-то неофициальному соглашению между немецким и русским командованием артиллерия обеих сторон щадила эти белокаменные княжеские гнезда с парками и

колоннадами, где располагались войсковые штабы, в то же время засыпая ураганными ливнями снарядов многострадальные окопы пехоты, вырытые мозолистыми руками солдат.

Попадая в окопы, Фрунзе не мог пройти мимо столь очевидного контраста.

— Война империалистов между собой, — говорил он бородачам-окопникам, — не мешает им оберегать, соблюдать их взаимные интересы. Солдатская кровь, жизни и головы «серой скотинки» ни во что не ценятся заправилами этой никому не нужной бойни... Не пора ли положить конец издевательству над целыми народами?..

Одетого в военную форму Фрунзе-Михайлова солдаты принимали за офицера и потому с удвоенным вниманием вслушивались в его разоблачительные речи.

Все же с течением времени личность военного статистика Михаила Михайлова заинтересовала полицию. Началась слежка. Когда в управлении минской полиции был накоплен против Михайлова ряд улик, состоялось распоряжение о его аресте.

Но было уже поздно: грянула Февральская революция.

25 февраля (10 марта) революционное движение охватило весь Петроград. В течение короткого времени оно распространилось по всей стране.

Армия и флот в первые же дни встали на сторону восставшего народа. Даже гвардия и казаки отказались защищать царя.

К моменту февральского переворота Фрунзе был одним из руководителей подпольной революционной организации Белоруссии, имевшей ряд мощных военных групп в 3-й и 10-й армиях Западного фронта с центром в Минске.

Минским революционным комитетом Михайлов-Фрунзе был назначен на должность начальника Минской народной милиции, созданной для обеспечения революционного порядка.

Когда Фрунзе с отрядом красногвардейцев занял помещение минской полиции, он нашел на столе ее начальника только что подписанный приказ об аресте «сотрудника Земсоюза М. Михайлова». Приказ был подписан минским градоначальником бароном Рауш фон Траубенбергом.

Просчитались охранители старого строя: под арест попали сам Рауш фон Траубенберг и его шеф генерал Эверт, главнокомандующий Западного фронта.

Начался новый этап в жизни Фрунзе. Из разыскиваемого «беглого ссыльного» он превратился в руководителя народной милиции,

охраняющей революционную законность. В обстановке прифронтового города, где каждый час можно было ожидать контрреволюционного заговора, не говоря уже о всякого рода бесчинствах уголовных элементов, должность начальника народно-революционной милиции была весьма ответственна.

Неоднократно вступал Михаил Михайлов-Фрунзе в непосредственную перестрелку с бандитами и заговорщиками. Не раз его жизни угрожала опасность не меньшая, чем те, через которые он прошел в предыдущие годы на подпольной работе.

Над Минском еще летали черные кайзеровские «таубе», бомбардировочные немецкие самолеты того времени, но на фронте уже шло братание между германскими и русскими солдатами, а в набитых битком, до отказа гостиницах офицеры и генералы просиживали напролет целые ночи, вырабатывая планы борьбы с большевизмом, планы «спасения армии и России...».

В этих планах не забывался и загадочный Михайлов, некий вездесущий, всюду поспевающий большевик!

И здесь вновь проявилась всегда поражающая всех разносторонность Фрунзе, его удивительная способность выполнять одновременно такую работу, которой впору было бы для троих-четверых!

Мало того, что он был фактически начальником вооруженных сил революционного Минска, мало также и того, что он был председателем Совета солдатских депутатов Минской губернии, он в довершение ко всему руководит созданной при его же ближайшем участии минской большевистской газетой, ныне уже «маститой», справившей свое сорокалетие, «Звездой».

Вместе с другим известным деятелем партии А. Ф. Мясниковым, впоследствии погибшим при авиационной катастрофе, Михаил Фрунзе-Михайлов проявляет при издании и редактировании первой революционной газеты Белоруссии большой и зрелый политический такт, безошибочно разбирается во всех тонкостях сложного национального вопроса, отбивает наскоки буржуазных националистов, за спиной которых маячат фигуры князей Радзивиллов и Тышкевичей.

— В Минске учился я и военному делу, — вспоминал Фрунзе шутливо впоследствии, — там же постигал и глубины национальной политики.

Немало из этого опыта пригодилось ему в еще более сложной национальной обстановке Советского Туркестана, куда он послан был партией через три года.

А пока что здесь, в Минске, ему приходилось, кроме борьбы с

заговорщиками и бандитами разных мастей, воевать еще и против отравленных стрел клеветы, злостных, пусть и смехотворных «уток».

Буржуазные шовинисты пустили, например, слух, что Михайлов на самом деле вовсе не Михайлов и даже не русский человек, а переодетый и загримированный племянник германского кайзера Вильгельма, специально присланный для присоединения Белоруссии к германским владениям!

Как говорится, дальше некуда!

Один за другим возвращались из тюрем и ссылок виднейшие деятели большевистской партии: Сталин, Свердлов, Дзержинский, Куйбышев и многие другие.

Из длительной эмиграции вернулся в апреле в Россию Владимир Ильич Ленин. На станции Белоостров его встретила делегация рабочих Петрограда. Ленин приехал в Петроград 3 (16) апреля 1917 года.

24 апреля на VII конференции большевиков он выдвинул лозунг: «Вся власть Советам!»

И вот в освободившейся от царизма России начался еще небывалый в ее истории, да, пожалуй, и в мировой истории период политического двоевластия.

Буржуазные и социал-соглашательские партии образовали так называемое «коалиционное Временное правительство». Его лозунгами были: «Война до победы! Мир и дружба между помещиками и капиталистами, с одной стороны, и рабочими и крестьянами — с другой! Созыв всероссийского Учредительного собрания для выработки нового государственного строя!»

Ленин своим призывом «Вся власть Советам!» опрокинул все надежды и расчеты буржуазии и ее приспешников.

Лозунги Советов были прямо противоположными: «Долой войну! Долой капиталистов и помещиков! Да здравствует Советская социалистическая республика!»

Таких дерзких требований не провозглашала еще ни одна из известных истории революций! Как наивно и ограниченно выглядели все когда-то происходившие революционные взрывы по сравнению с короткими, но смертельными, как удары молний, девизами ленинской социальной революции!

В течение нескольких месяцев в России как бы параллельно, фактически же все более и более расходясь в своих решениях и действиях, со все более нарастающими конфликтами и спорами, существовали два правительства: одно, буржуазно-соглашательское, пыталось

представительствовать перед миром, перед военными союзниками России, продолжало вести войну с Германией, другое же, рабочее, пролетарское, в лице мощной системы Советов, занималось в основном внутренними делами, неумолимо расшатывало устои капитализма.

Большевик Фрунзе энергично выполнял директивы партии. 4 марта при его активном участии в Минске создается Совет рабочих депутатов, 6 марта в Совет рабочих депутатов вливаются представители воинских частей. Этот Совет становится большевистским революционным центром для всего Западного фронта и Белоруссии.

Фрунзе провел два съезда белорусского крестьянства, был избран председателем Совета крестьянских депутатов Белоруссии и председателем его исполнительного комитета.

Посланный представителем белорусского крестьянства на Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Фрунзе-Михайлов избирается членом его президиума. Этот съезд происходил в Петрограде в мае 1917 года.

Фрунзе вторично в своей жизни встретился на этом съезде с Владимиром Ильичем Лениным.

Вот как произошло это исключительно важное для Фрунзе событие по рассказу самого Михаила Васильевича.

Большевики на этом съезде были в меньшинстве. Фрунзе, однако, внес проект резолюции о немедленной безвозмездной передаче земли крестьянам, о необходимости создания правительства, которое пользовалось бы доверием народа.

Эсеры и меньшевики, руководившие съездом, отвергли эту резолюцию. Когда огорченный неудачей Фрунзе углубился в свои мысли, кто-то тронул его за плечо. Перед ним стоял удивительно знакомый человек.

— Владимир Ильич! — прошептал изумленный Фрунзе. После встречи в Стокгольме прошло одиннадцать лет, но и Ленин не забыл Арсения, узнал его.

Фрунзе прервал очередного оратора-меньшевника и объявил:

— Товарищи! На наш съезд только что прибыл Владимир Ильич Ленин. Предлагаем предоставить ему внеочередное слово.

Крестьяне-делегаты встретили это предложение аплодисментами. Им было хорошо известно имя Ленина, хотелось услышать его, от него узнать правду о войне, мире и революции. В зале раздались приветственные выкрики:

— Просим! Товарищ Ленин! Ленину слово!

После выступления, когда Владимир Ильич уходил со съезда, он подозвал Фрунзе:

— Очень рад вас видеть. Как идут дела в Иванове, в Шуе, каковы настроения в массах?

— Владимир Ильич, — ответил Фрунзе. — Я из Сибири прямо попал на Западный фронт. Здесь, на съезде, я делегатом от Минска. В Иванове и Шуе не пришлось побывать...

— Так... А знаете, товарищ Арсений, очень важно, очень важно, — подчеркнул Владимир Ильич, — чтобы в промышленных центрах, в рабочей массе, было побольше надежных партийцев. События развиваются молниеносно. Надо быть наготове. Не вернуться ли вам в Иваново? Поедете, конечно, по поручению Цека.

— Я согласен, Владимир Ильич, — ответил Фрунзе.

На этом же Всероссийском съезде крестьянских депутатов делегатом от Шуйского уезда был крестьянин — солдат Борисов. Вернувшись домой, он рассказал землякам, что на состоявшемся съезде с ним разговаривал Михайлов и очень интересовался Шуей. Шуйский рабочий А. И. Зайцев вспоминает: «На вопрос «Какой он из себя?» Борисов ответил: «Не больше среднего роста, русский, хороший оратор».

Задумались, кто это такой? Аникин, участник революции 1905–1907 годов в Шуе, говорит: «А не Арсений ли? Давайте пошлем телеграмму». Я сажусь и строчу телеграмму: «Если вы наш шуйский Арсений, то рабочие Шуи просят Вас приехать». Дня через два получаем ответную телеграмму, в которой говорилось: «Да, это я самый, Арсений, приеду».

2. «ШУЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА»

Ритмично стучат колеса пассажирского поезда. Все ближе и ближе места Владимирской и Костромской губерний, места, ставшие родными, близкими, бесконечно памятные, связанные с тяжелыми и радостными воспоминаниями.

Вот поезд приближается к одному из старейших русских городов — Владимиру, расположенному на высоком крутом берегу реки Клязьмы. Фрунзе не отходит от открытого окна вагона. Из окна хорошо видны древние памятники русской архитектуры: храмы, Золотые Ворота; за ними поодаль резким диссонансом — мрачное, массивное здание Владимирской каторжной тюрьмы. Когда-то в этой тюрьме Михаил Фрунзе, приговоренный к казни, ждал в течение многих месяцев решения своей

участи... Три года провел он, закованный в кандалы, в этом страшном центре.

Воспоминания нахлынули, как кошмарный сон... Поезд идет дальше, а Михаил Васильевич все еще не спускает глаз с серого мрачного здания тюрьмы.

Но вот потянулись и шуйские поля с перелесками, полустанки, деревни, обезлюдевшие за время войны. Все ближе Шуя с ее красными фабричными корпусами, с высокими колокольнями, с голубой речкой Тезой...

Стоял теплый и тихий августовский день. Солнце щедро дарило свои лучи людям, зеленым лесам, лугам, уже поспевшей в полях золотистой ржи, но за кажущейся тишиной угадывалась новая назревающая буря.

Вот и Шуя. Была пятница 11 августа 1917 года. Но фабрики не работали, как в праздничный день. Многотысячные массы рабочих и солдат запрудили всю вокзальную площадь и прилегающие к вокзалу улицы.

Шуя ждала и торжественно встречала своего Арсения — Михаила Васильевича Фрунзе. Звуки оркестра, возгласы. Старые рабочие, боевики-дружинники, жали руки Фрунзе.

— Здорово, Арсений!

— Здравствуй, милый Трифоныч!

— Миша, дорогой, привет!

Рабочие заключали его в объятия, целовали, как родного. Все помнили молодого пламенного борца за их рабочее дело.

С горячей приветственной речью на митинге у вокзала выступил бывший член Государственной думы большевик Жиделев. Его избранию Фрунзе помог в свое время захватом Лимоновской типографии...

Под звуки оркестра стройной колонной тысячи рабочих пошли к центру города, сопровождая Михаила Фрунзе.

Он ехал туда же на медленно идущей машине, ехал по тем самым улицам, по которым когда-то вели его, арестованного, закованного в кандалы, под конвоем сотни казаков с пиками и двух рот пехоты с примкнутыми штыками. Сколько воспоминаний, сколько потрясающе-ярких картин воскресало в памяти бывшего «смертника»...

А сейчас старые шуйские товарищи по подпольной работе как бы составляли его почетный эскорт.

Шуйская буржуазия и все ее пособники, местные власти, меньшевики и эсеры, впали в уныние, узнав о возвращении Арсения. Они тоже хорошо помнили этого бесстрашного революционера-большевика, с которым десять лет назад они, казалось, расстались навсегда. А теперь они видели

его вернувшись. Было отчего прийти в смятение. Шуя никогда еще никого так не встречала!

Это были волнующие дни. Внешне как будто ничего не изменилось в старой купеческо-фабрикантской вотчине Шуе. Так же гляделись в неширокую тихую Тезу древние, времен царя Василия Шуйского, монастырские стены, белокаменные и кирпичные особняки богатеев, деревянная россыпь пролетарских домишек, высокие закоптелые трубы «мануфактур», как тогда назывались крупные текстильные предприятия... Жаркая предосенняя погода, казалось, окутывала не очень большой городок обычной сонливой тишиной...

Но никому в эти дни было не до дремоты — ни шуйским хозяйчикам, ни шуйским рабочим и солдатам местного гарнизона.

Первые же по приезде выступления вернувшегося Арсения как бы наэлектризовали трудовой народ Шуи и ее гарнизон, состоявший в основном из последних резервов царизма — совсем юной, безусой крестьянской молодежи и «ратников ополчения» — деревенских бородачей...

Премьер-министр тогдашнего буржуазного правительства России эсер Керенский истерически грозился «железом и кровью» подавить революционное движение рабочих, беспощадно расправиться с крестьянами. Его пособник, глава контрреволюционных военных сил генерал Корнилов, требовал пушечного мяса для продолжения войны с Германией, партия большевиков была загнана в подполье, объявлена «вне закона». Но, невзирая на все это, бурно и неукротимо всколыхнулась пролетарская Шуя. Ленин был прав, посылая Фрунзе в хорошо знакомый ему край иваново-шуйских ткачей. Появление среди них закаленного, испытанного деятеля партии, которого они так давно знали и любили, сыграло огромную роль — ход событий неизмеримо убыстрился...

Уже 17 августа в Шуе состоялось общее собрание фабрично-заводских комитетов, которое от имени многих тысяч рабочих заявило:

«...Требуем всю власть народу, а не капиталистам, и требуем, чтобы фабриканты подчинились всем постановлениям рабочих организаций».

На этом собрании председательствовал Фрунзе.

Шуя готовилась к выборам в городскую думу. Поскольку партия большевиков, как запрещенная, не имела права открыто выдвигать свой список, рабочие Шуи составили особый список — «трудовой», состоявший из большевиков и беспартийных старых рабочих.

Первым кандидатом в нем стоял Михаил Фрунзе. На выборах, несмотря на упорное сопротивление фабрикантов, эсеров, меньшевиков,

победил «трудовой список». В составе гласных городской думы и членов управы абсолютное большинство получили большевики. Михаил Фрунзе был избран председателем городской думы и городской управы. Рабочий класс вручил ему эти посты. Буржуазии был нанесен первый сокрушительный удар. За ним последовали другие...

Сторонники буржуазного Временного правительства, не имея поддержки рабочих, крестьян и солдат, один за другим теряли важнейшие позиции в самой Шуе и в Шуйском уезде. Городская дума, земская управа, совет профсоюзов, фабрично-заводские, полковые и ротные комитеты, милиция — все эти органы и организации день за днем переходили под контроль большевиков, возглавлявшихся в Шуе бывшим Арсением, ныне уже открыто носившим свою настоящую фамилию Фрунзе, лишь с добавлением последнего подпольного псевдонима — Михайлов.

За два месяца до Великой Октябрьской социалистической революции трудовой народ Шуи уже фактически вверил власть Совету рабочих и солдатских депутатов, руководимому большевиком Фрунзе. В буржуазных газетах того времени в Москве, в Петрограде появилось злобно-насмешливое наименование: «Шуйская республика».

Буржуазные газетчики хотели подчеркнуть этим, что уж очень ограничен, стало быть, и беспомощен этот очаг большевизма, не так-то уж трудно с ним, стало быть, и расправиться...

Однако дело не ограничивалось одной только Шуей. Непосредственно соседствовавший с ней Иваново-Вознесенск, рабочий город с десятками тысяч ткачей, безоговорочно поддерживавших партию Ленина, тоже пошел по стопам Шуи. Войска, расквартированные там, тоже не желали оборонять буржуазию и Керенского. Там тоже узнали о возвращении бывшего Трифоныча-Арсения и несколько раз приглашали его выступать перед пролетариатом «текстильной столицы».

Словом, пределы «Шуйской республики» были далеко не так-то узки... В те дни это был как бы зародыш будущего Советского государства среди ряда других подобных очагов нового строя по всей стране.

Теряя голову, в паническом ужасе перед близящимся концом своего господства иваново-вознесенская и шуйская буржуазия пыталась прибегнуть к самым крайним мерам. Принадлежавшие ей газеты начали усиленно распространять версию, что Михаил Фрунзе-Михайлов не имеет совершенно ничего общего с бывшим Арсением и бывшим Трифонычем, что это просто якобы некий новоявленный «Лжедмитрий» или Пугачев...

«Не слушайте большевистского самозванца, не идите за ним...» — истошно надрывались буржуазные крикуны.

Конечно, Фрунзе и все его старые товарищи только потешались над всеми этими жалкими потугами дискредитации. Фрунзе писал, вспоминая об этой горячей поре:

«Партия самым легальнейшим образом к середине сентября 1917 года утвердилась во всех местных органах власти, заполучив их в свои руки».

Весь Иваново-Вознесенский район, руководимый большевиками, ждал только сигнала ЦК, чтобы полностью оформить уже фактически установившуюся здесь советскую власть.

В конце сентября и начале октября Фрунзе вновь посещает Минск, где проводит большую работу по подготовке минского гарнизона и войск Западного фронта к восстанию, к отправке корпуса революционных войск в Петроград.

3. ПОБЕДА НАРОДА

18 октября под председательством Михаила Васильевича Фрунзе открылся в Шуе уездный съезд Советов рабочих депутатов, представлявший 45 тысяч рабочих и работниц.

По предложению Фрунзе Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были слиты в единый Совет. Было также решено организовать Шуйский боевой центр — штаб пролетарских вооруженных сил.

В Шуе сохранилось немало прежних боевиков-дружинников, которые двенадцать лет назад вместе с Арсением изучали основы военного дела, практиковались в укромных подгородных местах — оврагах и рощах — с огнестрельным оружием, участвовали в декабрьских боях в Москве, в восстании на Пресне. Сейчас они составили ядро многочисленного местного отряда Красной гвардии, внушительную боевую силу, способную выдержать схватку с регулярными войсками гарнизона.

Но надобности в такой пробе сил не возникло. Гарнизон Шуи, в котором даже и офицерский состав имел немалую пролетарскую прослойку, полон был выходцев из трудовой среды и не проявлял никакого желания сражаться против сил революции..

23 октября Фрунзе провел в Шуе многотысячную совместную демонстрацию рабочих и солдат. Солдаты прошли в строю с оркестром, игравшим революционные марши «Марсельезу» и «Варшавянку». На митинге Фрунзе в горячей речи призвал рабочих и солдат к дружной борьбе за переход государственной власти полностью в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Он предложил составленную им лично резолюцию, которая должна была быть направлена в адрес II Всероссийского съезда Советов, назначенного на 25 октября в Петрограде.

«Положение страны, — говорилось в этой резолюции, — становится все более и более грозным. Хозяйство разорено, надвигается голод и спутники его — бунты и погромы. Мы, рабочие всех шуйских фабрик и заводов, солдаты гарнизона и граждане г. Шуи, принимая все это во внимание, считаем: только переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре, так и на местах может помочь народу справиться с надвигающимся кризисом.

Ввиду этого мы требуем от Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов решительных шагов в этом направлении и обещаем ему нашу всемерную поддержку».

Эта резолюция была доставлена в Петроград к открытию съезда.

А через два дня в тогдашней столице России — Петрограде — как раз и произошли решающие события.

24 октября Ленин вернулся в Петроград и прибыл в Смольный для непосредственного руководства вооруженным восстанием пролетариата против Временного правительства Керенского.

В ночь на 25 октября с революционного крейсера «Аврора», стоявшего на Неве, прогремели орудийные выстрелы, повергнувшие в ужас министров Временного правительства. Одновременно Красная гвардия и отряды революционных солдат и матросов начали штурм Зимнего дворца. Вдохновляемые великим Лениным, под его непосредственным руководством, пролетарии Петрограда, поддержанные революционными солдатами Петроградского гарнизона и матросами Балтийского флота, одержали решающую победу над сопротивлявшимися силами старого мира.

В 10 часов 45 минут вечера 25 октября в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов.

От имени съезда было объявлено о переходе власти по всей стране в руки Советов.

II съезд Советов принял декреты о мире и земле.

Съездом было создано революционное правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным.

Радио и телеграф оповестили весь мир о создании Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Свершилось то, во имя чего вот уже тринадцать лет в рядах армии великого пролетарского стратега Ленина, в рядах партии большевиков

боролся словом и сражался с оружием в руках бесстрашный революционер, большевик-ленинец «Трифоныч» — «Арсений» — «Василенко» — «Михайлов», обретший только в 1917 году свои собственные имя, отчество и фамилию — Михаил Васильевич Фрунзе.

4. СНОВА В МОСКВЕ

Однако, потерпев молниеносное и решительное поражение в Петрограде, контрреволюционная буржуазия еще удерживала в своих руках Москву. Опираясь на некоторую часть московского гарнизона, а в основном на юнкеров и офицеров, московский генералитет, промышленники, банкиры, купцы и домовладельцы повели борьбу против только что провозглашенной советской власти.

Завязались ожесточенные бои за Кремль, за центральные районы Москвы. Борьба была упорная и кровопролитная. Некоторые кварталы по нескольку раз переходили из рук в руки. Юнкерам удалось захватить Кремль, который сначала был в руках революционных солдат. Буржуазия уже трубила о победе, но это был лишь временный успех... Командующий Московским военным округом, ставленник Керенского — полковник Рябцев, оповестил о «подавлении большевистского мятежа» все входившие в состав округа гарнизоны, в том числе и Шуйский, и потребовал посылки подкреплений для похода на «еще не освобожденный от большевиков Петроград».

Так гласил его зашифрованный телеграфный циркуляр, имевший целью поднять дух контрреволюции.

Но этот циркуляр полковника Рябцева попал в руки Фрунзе.

— Хорошо... Мы им pošлем «подкрепление»... — сказал он своим товарищам по Шуйскому штабу.

Срочно был организован отряд Красной гвардии, в который, кроме дружинников, вошли роты солдат расквартированных в Шуе 237-го и 89-го пехотных запасных полков, общей численностью до девятисот человек. Отряд, составивший около двух тысяч штыков, был готов к немедленной отправке в Москву. Фрунзе усмехался:

— Рябцев не очень-то будет доволен такой «подмогой»!

Не получая непосредственных сообщений от Московского ревкома, Фрунзе отдал приказ об отправке бойцов в Москву, а сам выехал туда раньше отряда — 31 октября.

Следом за Фрунзе выехал и отряд. Шуя торжественно, под звуки

оркестра провожала его. На вокзале у вагонов эшелона состоялся митинг, на котором солдаты и красногвардейцы поклялись победить или погибнуть.

«...Раздался звонок, заиграла музыка, и поезд тихо тронулся под звуки «Марсельезы» и тысяч голосов, кричавших прощальное слово... Вот здесь-то и сказала вся сила нашей великой революции... Поистине велик и могуч ты, русский революционный народ», — так описывала эти проводы шуйская газета «Маяк».

1 ноября Фрунзе прибыл в Москву и с трудом пробрался от Курского вокзала на Тверскую (ныне улица Горького) в Военно-революционный центр Московского комитета партии, помещавшийся в отбитой у белых резиденции бывшего московского генерал-губернатора (ныне здание Моссовета).

Доложив Мосревкому о боевой готовности шуйского революционного подкрепления, Фрунзе тут же по телеграфу передал соответствующую директиву уже идущему отряду. Затем Фрунзе вышел на Скобелевскую площадь (ныне Советская площадь). Там строился батальон красногвардейцев. В командире батальона Фрунзе узнал человека, знакомого ему по Минску.

— Мозалевский! Привет! — окликнул он. И сразу же попросил разрешения присоединиться. Шуйский отряд должен был прибыть не раньше пяти часов вечера. Сердце бойца не могло примириться с бездействием в эти часы.

Снова, как двенадцать лет назад, в дни декабрьского восстания 1905 года, дым пожаров висел над огромным городом. Пушечная пальба сотрясала стены многоэтажных домов.

День был холодный, пасмурный. Дождь сменялся резкими порывами ветра.

Революционная артиллерия с Воробьевых гор обстреливала засевших в Кремле юнкеров. Снаряды падали на вековые плиты и камни Красной площади, оставляя глубокие следы.

Волны штурмующих все ближе подкатывались к стенам Кремля, но белые отчаянно сопротивлялись. Они отбили ряд атак на свои опорные пункты— огромную, в целый квартал, гостиницу «Метрополь» и городскую думу, где ныне помещается Музей В. И. Ленина.

В узком Копьевском переулке, за массивной громадой Большого театра, батальон, к которому примкнул Фрунзе, готовился к штурму. В рядах батальона были и седоусые рабочие в куртках, обмотанных патронными лентами, и бородами из ополченцев-крестьян, и безусые молодые солдаты последних призывов, в шинелях не по росту, с

винтовками, с ручными гранатами.

Когда красногвардейцы выровняли строй, начальник отряда прочел приказ ревкома: «Ценой любых потерь гостиница «Метрополь» должна быть немедленно взята...»

Две полевые пушки прикрывали сосредоточение красногвардейцев на Театральной площади — одна справа от театра, другая слева. Красногвардейцы хлопотали возле них, налаживали прицел.

Большие здания «Метрополя» и городской думы, как известно, примыкают вплотную к зубчатой Китайгородской стене. Из окон, с балконов, из-за выступов вспыхивали выстрелы винтовок и пулеметов. Площадь словно вымерла.

У Фрунзе мелькнула смелая мысль. Он показал на выступы и балконы «Метрополя».

— Товарищи! — крикнул он. — Что вы думаете насчет этих укрытий?

Фрунзе был понят с полуслова. Красногвардейцы под яростный свист пуль побежали через полосу самого жестокого обстрела к стенам «Метрополя».

Несколько человек было убито и ранено. Остальные, кто ползком, кто пригибаясь, добрались до стен и дверей. Там, укрывшись под балконами и навесами подъездов, они начали выбивать прикладами запертые двери гостиницы.

То, что до сих пор служило белым защитой, теперь хорошо помогало Фрунзе и его товарищам. Балконы и карнизы не позволяли белым стрелять сверху в штурмующих.

Через несколько секунд затрещали тяжелые дубовые двери. Видя удачу, подбежала еще группа бойцов с красными повязками на рукавах. Ворвались в здание. Побежали по широким лестницам на верхние этажи. Растеклись по коридорам, гоня перед собой белых.

«Метрополь» был взят...

Простившись со случайными товарищами, бок о бок с которыми Фрунзе принял боевое крещение в Великой Октябрьской социалистической революции, он двинулся встречать шуйский отряд, чтобы немедленно ввести его в действие.

Шуйское подкрепление своевременно прибыло в Москву и участвовало во взятии Кремля. Вскоре сопротивление белогвардейцев было окончательно сломлено.

После разгрома контрреволюции некоторое время отряд нес караулы в Кремле, а затем возвратился в Шую. Он был торжественно встречен жителями города. Фрунзе вернулся в Шую, но ненадолго.

Бурно разворачивались события первого революционного года, первого года советской власти.

Иваново-Вознесенск, до той поры числившийся безуездным городом, был преобразован в губернский центр.

Фрунзе был избран первым председателем Иваново-Вознесенского губисполкома и одновременно председателем губкома партии.

Работы было непочатый край. Перед молодой советской властью стояли грандиозные революционные задачи; национализация фабрик, заводов, помещичьих имений, лесов; создание комитетов бедноты в деревне, новых органов власти и управления в городах и селах; организация бесплатного лечения, охраны здоровья рабочих на предприятиях и в быту; открытие новых школ; обеспечение населения продовольствием; восстановление промышленности, переселение рабочих из хибарок и хижин в особняки бежавшей буржуазии; борьба с саботажниками — чиновниками старой власти; выпуск газет; забота о детях...

Михаилу Васильевичу, как председателю губисполкома, во все это нужно было глубоко вникать, всем этим руководить. Трудно было выкроить время даже для сна, для короткого отдыха.

Постоянным завтраком Фрунзе в те дни был чай и хлеб. Обед и ужин были тоже не очень сытными. Старые друзья, подпольщики-ткачи, приходя на какое-нибудь совещание, приносили с собой другу Трифону кто парочку печеных картофелин, кто лепешку из смеси муки со жмыхом, но Фрунзе заставлял, их самих съедать подарки.

— Нет, нет, друзья, — улыбаясь, отказывался он, — сами, сами кушайте. Обойдусь! Дела-то кругом сколько! И еда на ум нейдет...

Одним из главнейших дел было налаживание промышленности. Многочисленным текстильным фабрикам новой Ивановской губернии нужно было сырье. Запасы хлопка были на исходе, представители фабрик то и дело приходили к Фрунзе, совещаясь с ним, как предотвратить остановку производства. Нехватка продовольствия заставляла все туже подтягивать пояса.

Но даже в этой сложной обстановке Фрунзе проявлял огромную, изумлявшую всех заботу о высшем техническом образовании для победившего рабочего класса. Он сумел в эти напряженные дни создать в Иваново-Вознесенске Политехнический институт с привлечением лучших

научных сил из Москвы и Петрограда.

Один из крупнейших специалистов текстильного дела — И. Д. Зворыкин, создатель новой широкоизвестной системы прядения и ткачества, тепло вспоминал впоследствии, как Михаил Васильевич Фрунзе лично ходил по Москве, поднимался на пятые и шестые этажи, разыскивая по адресам его коллег, профессоров и инженеров, уговаривал включиться в благородное дело технического просвещения народа.

— Ваш вклад будет вознагражден сторицей... — говорил он таким. — Народ умеет ценить людей, которые вовремя приходят ему на помощь...

Рабочие Иваново-Вознесенского края получили стараниями М. В. Фрунзе настоящую, вполне оборудованную высшую техническую школу.

Фрунзе сам следил за подготовкой зданий, давал указания насчет мебели, шкафов, оборудования, аудиторий. Он обеспечил академические пайки для профессуры и даже добился того, что в труднейших транспортных условиях тех дней к поезду Москва — Иваново прицеплялся специальный вагон прямого сообщения для профессуры, ездившей на лекции. Понятно, что ученые ценили эту заботу. Они смотрели на Фрунзе как на человека, олицетворявшего в их глазах партию коммунистов.

До глубокой ночи, а часто и до рассвета, напряженно работал Фрунзе. Снова и снова перечитывал он труды, письма, речи В. И. Ленина.

Радиопередачи в то время были только кодированные. Но для него, дважды лично видевшегося и разговаривавшего с Владимиром Ильичем, все письма, статьи, речи Ленина, печатаемые в газетах, звучали как доподлинный живой голос.

«Товарищи-трудящиеся! — обращался Ленин к трудовому народу 18 ноября 1917 года. — Помните, что **вы сами** теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете **все дела** государства **в свои** руки. **Ваши** Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы». [\[16\]](#)

И Фрунзе объединял, сплачивал вокруг Советов — новых органов власти — всех честных людей, сочувствующих новой власти.

Среди многих сотрудников своих по революционному строительству Фрунзе заметил стройного молодого человека с красивым открытым лицом. Активно и честно работал этот человек с первых дней революции в штабе ревкома.

Это был Дмитрий Фурманов.

Фрунзе оказал на Фурманова огромное влияние. Он проверял его на деле, поручал ему ответственные задания, которые тот быстро и точно выполнял. Беседы с Фрунзе толкнули Фурманова к изучению, сочинений

Маркса, Энгельса, Ленина.

Дальнейшие события показали, как был прав Фрунзе, рекомендуя Фурманова в партию.

В свою очередь, Фурманов был всей душой привязан к Фрунзе; Он полюбил его, как родного. Фрунзе был для него учителем, наставником, указавшим ему цель и путь жизни.

В дни вступления в партию Фурманов писал о Фрунзе в своем дневнике: «Это удивительный человек. Я проникнут к нему глубочайшей симпатией. Большой ум... Взгляд — неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова просты, точны и ясны; речи — короткие, нужны и содержательны; мысли — понятны, глубоки и продуманны; решения — смелы и сильны; доказательства — убедительны и тверды. С ним легко. Когда Фрунзе за председательским столом, — значит что-то будет сделано большое и хорошее».

ГЛАВА ПЯТАЯ НА КОЛЧАКА

1. В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ

На высоком берегу Волги стоит красавец город, гордость русского севера — Ярославль. Здесь с великой водной магистралью страны пересекается величайшая железнодорожная магистраль мира Москва — Владивосток, отсюда же идут стальные пути на Балтийское море, на Литер и на Белое море — в Архангельск, к двум важным морским воротам России. Достаточно взглянуть на карту, чтобы сразу же оценить и политическое и стратегическое значение этого пункта.

Знойным было лето 1918 года. После изнурительной четырехлетней войны, завершившейся Брестским миром, наступило затишье. И отрадное для миллионов людей, сбросивших с себя пропахшие кровью и карболкой шинели, вернувшихся к своим семьям, к производительному труду, и в то же время тревожное, как бы чреватое новой грозой. Ошеломленные Октябрем враги революции понемногу приходили в себя, втихомолку собирали силы.

Как обычно, шли по Волге белокрылые, белоплечие пароходы от Астрахани до Рыбинска, и, проходя мимо древнего Ярославля, пассажиры

их невольно любовались зеленоглавой каменной башней, как бы подпиравшей береговой бульвар. Не всем, конечно, было ведомо, что эта башня является крупным хранилищем оружия — Ярославским арсеналом, и охраняется поэтому постоянным военным караулом. Узенький мостик соединял верхний этаж башни с эспланадой бульвара.

Но спокойно шагает вперед и назад по предмостной сторожевой площадке башни часовой с маленькой красной ленточкой вместо снятой царской кокарды на выгоревшей от солнца солдатской фуражке. Советский, революционный часовой — красногвардеец, или, во всяком случае, доброволец еще совсем молодой, волонтерской Красной Армии. Он еще молод и сам, вероятно, не прочь погулять по тенистой аллее бульвара, где, несмотря на трудное время, все же прогуливается немало парочек.

Близится вечер. В голубую гладь реки просачиваются розоватые и оранжевые блики, они густеют, превращаются в синие и лиловые. Откуда-то глухо доносится Болгарская песня.

Вот и ночь спустилась на Ярославль. Тишина... Спит город, спит бульвар. Дремота подкрадывается к часовому арсенальной башни. Нет, никак нельзя дремать — солдат у республики еще немного, каждый должен за десятерых чувствовать ответственность! А тишина, она вещь ненадежная, и в тишине может таиться грозная опасность.

«Вот если бы подъемный был мостик...» — смутно мелькает у часового.

И как раз в этот момент по этому самому мостику к башне перебегают несколько темных фигур.

Часовой не успевает даже вскинуть винтовку,

Он заколот, сброшен вниз, на камни, с двадцатиметровой выси.

Заговорщики ворвались в арсенал. Выносят оттуда винтовки, пулеметы, патроны. Вооружась, группы мятежников тотчас растекаются по городу.

Ярославский мятеж начался.

.....

Это произошло в ночь на 6 июля 1918 года. Руководимые угрюмым чернобородым человеком, бывшим царским полковником Перхуровым, мятежники заняли телеграф, телефон, радиостанцию, ворвались в губ исполком, убили его председателя Нахимсома и многих других советских работников. В эфир полетели радиogramмы:

«Говорит Ярославль... Власть Советов в северном Поволжье свергнута. Час настал, к оружию!»

Заговор задуман и разработан широко. Мятеж в Ярославле должен

быть, по мысли его организаторов, как бы сигналом к восстанию контрреволюционных сил по всей стране. Не только в крупнейших городах Поволжья созданы тайные боевые организации из бывших офицеров и юнкеров, но и в самой Москве — столице Республики — готовится захват Кремля.

В Москве в это время шел V Всероссийский съезд Советов. Допущенные к участию в этом съезде так называемые «левые эсеры» — мастера и любители террористических актов — взяли на себя роль застрельщиков контрреволюции, разжигателей пожара гражданской войны.

Убит германский посол Мирбах. Произведен взрыв здания Московского комитета партии. Левые эсеры захватили огромное здание Покровских казарм и объявили его своим «штабом». Было постановлено убить Ленина и Дзержинского, обезглавить таким образом советскую власть и поднять знамя так называемой «Учредилки», незадачливой «ассамблеи», собиравшейся после Октября «учреждать» государственный строй России, но бесславно разогнанной кучкой большевиков-матросов.

Эсеры, имевшие в «Учредилке» большинство мест, никак не могли примириться с таким позорным провалом их политических притязаний. Мятеж в Ярославле, попытка бунта в Рыбинске и Муроме, путч в Москве!

Михаил Фрунзе был участником V съезда Советов. Уже утром шестого июля ему стало известно о том, что произошло в Ярославле.

Встретив в коридоре съезда своего ивановошуйского товарища — Игната Волкова — Фрунзе сказал ему:

— Порохом пахнет, друже... Будь готов к немедленному выезду в Иваново — знаешь небось, что это такое, когда соседний дом загорелся?

Волков попросил пояснений. Фрунзе сделал это, но предупредил:

— Обстановка такова, что каждое несдержанное, неосторожное слово может обойтись очень дорого... Поэтому старайся как можно крепче держать язык и преимущественно действовать!

К полудню того же дня стало известно об «ультиматуме», предъявленном засевшими в Покровских казармах эсерами «Кремлю»:

«Сложить полномочия и оружие, покинуть здания ЦК и Совнаркома, передать управление страной эсерам!»

Фрунзе включился в подавление мятежа. С группой таких же смельчаков, как и он сам, на подвернувшемся броневике он устремился в район Покровских казарм. Возле почтамта броневик разогнал огнем довольно крупный отряд мятежников и с ходу прорвался к Покровским воротам.

Здесь Фрунзе и еще трое бойцов «спешились» и, пользуясь

отсутствием в то время на солдатской одежде каких бы то ни было знаков войсковой принадлежности, не только проникли в расположение путчиков, но и привели с собой четверых же пленных!

Подобравшись к самым Покровским казармам, где уже находился в качестве «заложника» Ф. Дзержинский, Фрунзе с тремя своими спутниками проник даже во двор казарм. А там хладнокровно завел разговор с одним из встреченных вооруженных людей:

— Как считаешь, выйдет что путное из этой затеи?

— Кто ж знает, может, и выйдет... — вяло отвечает «эсеровец».

— Ну, а если не выйдет, ведь невесело будет, браток!

«Браток» оглядывается не без беспокойства.

— А если выйдет, тогда что? — не прекращает свое мягкое прощупывание Фрунзе. — Помещиков и банкиров обратно зазывать? Пожалуйте, господа, опять во дворцы ваши? Неужели можно думать, что народ с этим согласится — променяет Ленина на Гучкова?

Гучков был лидер российских капиталистов, лично принимавший из рук царя Николая II документ об отречении от престола. В Москве в свое время он был очень популярен, но было совершенно ясно, что вся популярность его — «пыль и дым» по сравнению с популярностью Ленина.

Вот поговорил так по душам с одним, с другим из эсеров бесстрашный и невозмутимый, простенько одетый Михаил Фрунзе и повернул людей лицом к реальности! Больше того, даже за собой заставил пойти!

Ликвидация московского путча была проведена в короткий срок. Покинутые своими «рядовыми» (за четыремья — восемь, за восемью — шестнадцать и т. д.), эсеровские главари были вынуждены искать спасения в бегстве.

Седьмого июля съезду Советов было доложено о нормализации положения в Москве. Но не так-то просто обстояло дело в Ярославле.

Захватив весь город, стоящий на отличных природных позициях, надволжских высотах, Перхуров и его подручные построили систему обороны по всем правилам военного искусства. Хотя их надежда на поддержку со стороны Рыбинска, Костромы и других волжских городов неумолимо таяла, они продолжали ждать подхода интервенционистских сил с севера, от Архангельска.

Михаил Фрунзе, срочно вернувшийся в Иваново, быстро сформировал ударный отряд из 1 500 бойцов и, поручив командование ими хорошо и давно известному старому большевику — военному Василию Куконкову, отправился вместе с этим отрядом к пылающему верхневолжскому городу.

Казалось, боевое задание, выпавшее на долю ивановского отряда,

несколько легче, нежели те, какие стояли перед другими отрядами: московским, вологодским, костромским, шедшими вверх по реке. Уже со станции Лютово, что в 15 километрах от Ярославля, можно было начинать артобстрел внешних, подгородных позиций мятежников для прикрытия ничем не препятствуемого сухопутного штурма — тут не было никаких существенных оборонительных рубежей.

Однако как раз на этом, Ивановско-Нерехтском направлении, сам Перхуров сосредоточил наибольшие силы, правильно оценивая его как опаснейшее для себя. У белых оказалась здесь и артиллерия и немалое число пулеметов. Бои на этом участке были тяжелыми и продолжительными. Много красных бойцов сложило здесь головы в ходе многократно повторяемых атак. Погиб за два дня до полной ликвидации мятежа, 19 июля, и командир Ивановского ударного отряда Василий Григорьевич Куконков.

Наконец, после немалых усилий и жертв, после пятнадцати суток напряженной борьбы, 21 июля 1918 года опаснейший для молодой Советской республики мятеж в Ярославле, в ближайшем соседстве с Москвой, на пересечении важнейших коммуникаций, был ликвидирован.

Руководители его — известный эсеровский лидер Борис Савинков и полковник Перхуров — бежали. Расплачиваться пришлось их менее поворотливым помощникам и пособникам, а также десяткам тысяч мирного населения — горожанам, дома и имущество которых погибли в огне пожаров, охвативших город.

Народ проклинал белых главарей, свергнувших Ярославль в такое бедствие.

Совет Народных Комиссаров назначил Михаила Васильевича Фрунзе военным комиссаром Ярославского военного округа в составе шести губерний: Ярославской, Костромской, Тверской, Вологодской, Иваново-Вознесенской и Владимирской.

Но если пожар был быстро и успешно потушен в непосредственной близости, к столице, то иначе складывалось дело па средней Волге, на Урале, на Дону, на Украине...

Сформированный из военнопленных мировой войны так называемый чехословацкий корпус, сагитированный тоже «учредилловцами» — эсерами, внезапно поднял мятеж на средней Волге, захватил хранившийся в Казани золотой запас царской России, сверг советскую власть в Самаре, Омске и Екатеринбурге, бросил вызов центральной советской власти в Москве. Руководители корпуса — Чечек и Гайда — были откровенными наймитами

Антанты.

На нижней Волге белые контрреволюционные силы подошли к Царицыну, создали тяжелую угрозу нижеволжским и южноуральским районам — от Каспия до Сибири.

Донская контрреволюция старалась отрезать центр России от Кавказа и Закавказья.

Под покровительством немецких оккупантов провозгласила ложную «самостийность» (автономность) Украина, фактически проданная своим бутафорским гетманом Скоропадским германскому имперскому правительству «под колонизацию».

Высадились, наконец, силы интервентов, те, на которые уповал Перхуров, и на севере России, в Беломорье.

В августе была сделана попытка одним ударом обезглавить Советское государство. В Москве на заводе Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича) было произведено покушение на Ленина.

Эсерка Ф. Каплан несколько раз выстрелила в него из револьвера.

Железный организм Ленина справился с ранением. Вызов контрреволюции был принят. Созданный по предложению Ленина Совет Обороны провозгласил: «Революция в опасности! Беспощадный отпор врагам!»

Недолгое междубурье окончилось...

2. РУКОВОДИТЕЛЬ ВОЕННОГО ОКРУГА

Пятого декабря 1918 года Фрунзе в сопровождении военрука, бывшего генерала Ф. Новицкого ^[17], приехал инспектировать заканчиваемую формированием Костромскую стрелковую дивизию.

На центральной площади Костромы состоялся 6 декабря инспекторский смотр частям одной из самых первых революционных дивизий нового, девятиполкового состава.

На крышах окружающих домов лежал поблескивающий в лучах скупого зимнего солнца неплотный, клочковатый снег, но замощенная бульжником площадь была начисто вытоптана многими сотнями тяжелых солдатских ботинок. На последнем году «германской» войны царское интендантство уже не в силах было одевать солдат в традиционные русские сапоги — их заменили страшного вида «буцы» с обмотками, по образцу британской и французской армий. Части были выстроены четырьмя линиями, и Фрунзе с Новицким в сопровождении командования дивизии и

губвоенкома совершали обход полков.

В одном из рядов внимание Михаила Васильевича привлек угрюмый, понурый человек в шинели, висящей мешком на ссутулившихся плечах. Весь его вид красноречиво говорил: «Не желаю выглядеть солдатом!»

Фрунзе остановился и спросил:

— Товарищ красноармеец, вы больны?

Человек хмуро и неторопливо ответил:

— Какой я красноармеец... Я мобилизованный...

Фрунзе переглянулся с Новицким и губвоенкомом.

Смысл ответа был ясен: кое-кто из призванных, по-видимому, считал, что звание «красноармейца» применимо только к добровольцам. Что же касается мобилизованных, то таковые несут перед республикой гораздо меньшую ответственность и за поведение свое и за внешность. А может быть, даже и сражаться могут кое-как, в «четверть силы».

— Красная звездочка на шапке уравнивает нас всех, — сказал Фрунзе. — И вас, и меня, тем более что я, кстати сказать, тоже мобилизован партией на защиту революции...

Но вот он поравнялся с выстроенной среди других частей ротой связи, почти целиком состоявшей из добровольцев августовской и сентябрьской вербовки. Молодцеватый, подтянутый вид, образцовое, в нитку равнение, только на левом фланге несколько «недорослей», как именовали их остальные бойцы, — в том числе двое братьев Богдановских, шестнадцати и четырнадцати лет от роду, тонущие в серых своих шинелях, пусть и минимального из имевшихся на складе размеров.

Издали заметив их, Фрунзе прищурился.

— А вот дети в Красной Армии вряд ли нужны... — бросил он.

Губвоенком вопросительно взглянул на командира роты.

Сделав под козырек, тот отрапортовал:

— Имею доложить, братья Богдановские, одни из первых добровольцев части, сыновья офицера, погибшего при отражении германского наступления под Псковом...

Фрунзе перевел взгляд на массивную, рослую фигуру линейного надсмотрщика латыша Арвида Оррава. Он держался с отличной выправкой, но шинель на нем была совершенно необыкновенного вида: собственно, это был только материал от серой солдатской шинели, перешитой по тогдашней штатской моде — прямое полупальто в обтяжку с полудюжиной пуговиц по каждому борту. А пуговицы, в свою очередь, были обтянуты какой-то синей материей.

— Что, товарищ, для вас не нашлось уставной формы? — спросил

окрвоенком.

Арвид подался вперед, отчеканил:

— Готов биться за Советскую республику до последней капли крови, но шинель царского образца носить просто не в силах, товарищ военный комиссар! Потому у меня и пуговицы обтянуты — ведь на них николаевские орлы...

Фрунзе улыбнулся и, кивнув, пошел дальше.

При осмотре казарм Фрунзе не пропускал никаких мелочей, то и дело предлагал губвоенкому записать ту или иную неполадку, изъян, непорядок.

В одной из казарм неважно обстояло с отоплением. Михаил Васильевич подвел командира полка к окну и указал на синеющие совсем поблизости от города леса:

— Если уж в таком месте задумываться над проблемой, как обогреться, то как же должны себя чувствовать ваши коллеги в менее лесистых местностях?..

Командир полка, заметно растерявшись, пробормотал:

— Это лес водоохранной зоны...

Фрунзе тотчас же по-иному взглянул на дело:

— Прошу не подумать, что я призываю вас к вырубке водоохранных лесов! Но я уверен, что за этим лесом найдется и другой, еще погуще! Я бывал здесь когда-то, знаю, какие здесь были чащобы! Со времен Ивана Сусанина стояли...

В одной из полковых кухонь окрвоенком заметил, что дневальные, дежурные по кухне, небрежливо чистят картофель.

Он приказал собрать обрезки в котелок, вымыть и немедленно сварить.

— Когда закончу осмотр казарм, найду снова, и вы меня покормите именно этим кушаньем. Только не вздумайте хитрить, меня не проведете, не обманете... Случалось, лакомством считал такое блюдо!

Таков был характерный для Фрунзе стиль инспектирования частей во вверенном ему военном округе.

Примерно в это время прекратили свое существование Германская, Австро-Венгерская и Турецкая империи. Проиграв долго тянущуюся войну, капитулировали и отреклись от своих тронов два кайзера и султан, немногим пережив Николая II.

Антанта, развязав себе руки, решила организовать свой первый поход против молодой Советской республики.

Этот поход было поручено возглавить бывшему царскому адмиралу Колчаку.

В старом морском флоте Колчак считался одним из наиболее монархически настроенных офицеров. Революцию он встретил с открытой враждебностью, долго не спускал на кораблях Черноморья царский флаг с черным орлом.

Когда летом 1917 года на Черноморском флоте, которым командовал Колчак, вспыхнуло восстание, Временное правительство было вынуждено снять монархиста Колчака с поста командующего флотом и направило его во главе военно-морской миссии в США.

Там, за рубежом, Колчак был облюбован империалистами как надежный деятель русской контрреволюции, кандидат в своего рода Наполеоны.

18 ноября 1918 года, опираясь на поддержку интервентов, Колчак арестовал сибирскую меньшевистско-эсеровскую «директорию» и был провозглашен интервентами «верховным правителем России».

Империалисты щедро снабжали Черного адмирала. Сотни тысяч винтовок и комплектов обмундирования, тысячи пулеметов, сотни орудий, самолеты, неограниченное количество боеприпасов — все это поступало в его распоряжение. Одновременно в Сибирь прибывали войска иностранных интервентов.

— С двухсоттысячной армией я восстановлю Российскую империю, — хвастливо заявлял Колчак на банкетах в городе Омске.

Наступление Черного адмирала было задумано широко. С помощью своих хозяев-империалистов Колчак сколотил более чем двухсоттысячную армию и бросил наиболее боеспособную ее часть, так называемую Сибирскую армию, в направлении на Пермь и Вятку (ныне г. Киров). Колчаковцы, выполняя оперативный план Антанты, стремились соединиться с силами интервентов и белогвардейцев, наступавшими с севера, со стороны Архангельска, с тем чтобы совместно ударить на Москву.

В то же время вражеская агентура организовала кулацко-эсеровские мятежи в Прикамье (Воткинск, Ижевск).

В районе Перми колчаковские войска прорвали советский фронт и 25 декабря 1918 года, захватив Пермь, стали продвигаться к Вятке.

Однако советские войска остановили белогвардейцев между Пермью и Вяткой и сорвали попытку противника соединиться с северной англо-американской интервенцией.

Но положение продолжало оставаться весьма опасным.

3. КОМАНДАРМ 4-й

Был конец декабря 1918 года. Над Москвой мела вьюга. Снег клубился вдоль узорчатого фасада торговых рядов, вокруг башенок и куполов Василия Блаженного, над темными бронзовыми фигурами памятника Минину и Пожарскому, тогда стоявшего в самом центре площади. Возле Кремлевской стены шло ученье какой-то пехотной части. В такт шагу над маршировавшим батальоном взлетала военная песня...

Через узкие ворота Никольской башни Кремля вышли на площадь два человека. Один из них, в серой смушковой шапке, в защитного цвета бекеше и валенках, был только что утвержденный Советом Обороны в должности командующего 4-й армией Восточного фронта член ВЦИК Михаил Васильевич Фрунзе. Спутник его, в шапке-ушанке, в длинной кавалерийской шинели, бывший генерал-лейтенант царской армии Федор Федорович Новицкий, тоже только что был назначен в 4-ю армию начальником штаба. Подтянутый, сухощавый, с седеющей бородкой клинышком, он держался несколько чопорно, по-генштабистски.

Фрунзе спросил его, на секунду остановившись:

— Мне все-таки не совсем понятно, Федор Федорович, почему вы так упорно отказывались от должности командарма? Ведь вы уже второй год с нами работаете, одним из первых принесли присягу республике, проявили себя отлично, в чем же дело?

Новицкий ответил не спеша:

— Предреввоенсовета настойчиво уговаривал, чтобы я согласился... Но вам я, пожалуй, скажу откровенно, Михаил Васильевич... Как я слышал, положение там — сложнейшее, рука нужна — не моей чета. Отвечать перед правительством пришлось бы головой. А я — бывший генерал, беспартийный... Чуть что — и к стенке...

— Откровенность я уважаю... — усмехнулся Фрунзе. — Но что же вы думаете: начальнику штаба так уж ни за что и не придется отвечать?

— Смотря при ком... — отозвался Новицкий. — Вы, во всяком случае, понапрасну меня в обиду, надеюсь, не дадите... Да и невозможного не потребуете...

— Ну, как знать — может быть, и невозможное потребует... — опять усмехнулся командарм.

Он смахнул с усов снег и показал своему спутнику на марширующий отряд красноармейцев.

— Вот, Федор Федорович, наглядный ответ на опасения ваши... Люди

год назад чуть не зубами рвали с себя военную амуницию. А сейчас, глядите, с каким запалом, подъемом к новым боям готовятся. За свое идут биться, быдлом больше быть не хотят...

Мимо запыленного снегом здания Исторического музея командарм и его спутник спустились к гостинице «Лоскутной», выходящей в Охотный ряд. Гостиница эта совсем еще недавно излюбленное пристанище волжских и сибирских миллионеров, сейчас была полна людьми в военных шинелях, полушубках, кожаных куртках.

В номере уже заливался громоздкий настенный телефон «Эриксон». Весть о новом назначении Фрунзе, как видно, уже пошла по Москве. Звонили товарищи по Сибири, по Минску, по подполью. Вызывали по-разному: кто Арсения, кто Трифоныча, кто просто Мишу... Поздравляли, просили взять с собой.

— Ладно, ладно... Всех заберу! — шутливо кричал в ответ в трубку Фрунзе и, обернувшись к Новицкому, улыбаясь, подытожил — Чуть не целая рота набирается... Пишите, Федор Федорович, первый рапорт...

Новицкий, о чем-то раздумывая, открыл полевую сумку, достал бумагу и карандаш. Пододвинув кресло к письменному столу, удобно уселся в нем, ожидая, что продиктует командарм.

Помолчав, Фрунзе продолжал неторопливо, как бы говоря с самим собой:

— Вы правильно считаете, Федор Федорович, что отвечать в основном за армию придется, разумеется, мне. Скидок и мне никаких не будет. Да я и сам их не приму. Но не злорадство врагов, не укоры друзей страшны, товарищ Новицкий, а потеря, скажем, хотя бы одного полка... Да что полка — батальон потерять зря и то никогда себе не простил бы... Вот чего боюсь, сказать по правде...

— А за матушку свою не боитесь?.. — вдруг спросил Новицкий. — Ведь, насколько я знаю, она у вас где-то там, по ту сторону фронта, в Верном, кажется?.. Если Колчаку станет известно, что ее сын армией против него командует, не оставит он старуху в покое... Как вы на этот счет полагаете?

Лицо Фрунзе омрачилось. Он негромко повторил:

— Да... если известно ему станет, Колчаку...

Но тотчас же круто вскинул голову:

— Вот о чем, право, просил бы вас, Федор Федорович, мне не напоминать... Конечно, белогвардейцы могут проведать о родстве этом... Возможно, что и расправятся... Вполне возможно. Жутко представить, если теперь самой ей беды хлебнуть достанется из-за меня. Но верю, что

найдутся товарищи, которые не дадут свершиться беде.

Через час расхлябанный «мерседес» повез Фрунзе и Новицкого на Ярославский вокзал. Перед отъездом на фронт обоим им предстояло сдать дела по Ярославскому военному округу.

Улицы Москвы были тоже занесены снегом. Из окон темных, накупившихся домов вырывался едкий дым. Это дымили железные печки-буржуйки. Штыками щетинились площади и улицы — Лубянка, Мясницкая... Отряды проходили обучение ускоренными темпами. Каждый день был на счету. Белогвардейские армии и интервенты лихорадочно готовились к нанесению нового, решающего удара.

Штаб Ярославского военного округа находился в Иваново-Вознесенске. Здесь все тоже понимали, что означает колчаковское наступление. Большинство фабрик бездействовало, трубы их не дымили. Но теперь речь шла уже не только о хлопке для стоящих без дела станков, речь шла о всей судьбе революции, о самой жизни для трудового народа, Советской республики...

Вечером, спустя день после возвращения Фрунзе из Москвы, люди заполнили до отказа просторнейший в Иваново Гарелинский зал. Товарищ Арсений должен был выступить с докладом. Через него Москва, Ленин должны были дать ткачам-ивановцам ответ на все их тревоги и думы.

И вот на трибуну поднялся слегка задержавшийся Арсений-Трифоныч, окрвоенком и председатель

Иваново-Вознесенского губисполкома Михаил Васильевич Фрунзе-Михайлов.

Теперь на нем были темно-зеленый френч и кожаная тужурка. В густых, подстриженных ежиком волосах виднелась легкая проседь...

Взгляд серых, глубоко посаженных глаз был сосредоточен. Арсений крепко взялся руками за края трибуны.

— Товарищи ивановцы, товарищи большевики... — начал он, и его голос сразу же заполнил зал до самых дальних углов. — Происходят события великой важности. Война империалистов между собой закончилась. Все свои силы они бросают на нас. Их ставленник — «черный адмирал» Колчак с полумиллионной армией движется на Республику Советов. Под его угрозой сейчас уже Вятка, Кострома, Нижний Новгород, а южнее — Казань, Уфа, Самара... Он стремится захватить Москву, сломить республику, вернуть те времена, когда мы с вами гнили по тюрмам, сидели за решетками, как дикие звери, когда наши лучшие товарищи — Козуев, Громовой, Станко, сотни и тысячи других гибли на виселицах, в застенках, мостили костями своими дорогу на каторгу... Он уже восстановил в

Сибири строй кнута, штыка и веревки... Отрезал нас от хлеба, хлопка, угля... Будь в его власти — он и солнце сорвал бы с неба, не дал бы и солнцу нам светить...

Фрунзе остановился, обвел взглядом затаивших дыхание людей.

— Но может ли сломить нас враг, товарищи? — в упор задал он собранию вопрос. — Сломит ли нас враг сейчас, когда есть у нас самих и красная артиллерия, и пулеметы, и броневые поезда, и даже авиация? И целые армии бойцов, хорошо знающих, за что они сражаются... Сломит ли нас враг, когда ведет нас к цели наша великая партия под руководством Ленина?.. Да когда мы и сами все яснее видим нашу дорогу... Сломит ли нас наемник империалистов Колчак, спрашиваю я вас, товарищи? Нас, только что завоевавших нашу собственную, пролетарскую, народную власть?

— Не сломит! Не сломит, черный дьявол, не сломит! — загремело по залу.

— Товарищи! Я сказал не все, — поднял Фрунзе руку, когда собрание стихло. — Центральный Комитет партии разрешил мне позвать с собой на фронт моих старых друзей-коммунаров и всех других честных бойцов, кто пожелает. Итак, кто со мной, товарищи? На Колчака, в поход за победой, жизнью, свободой!

— Все пойдем! Все!.. Сломим голову Колчаку! — забушевало опять по залу.

В ближайшие дни началась запись в полк, который был назван Иваново-Вознесенским. Ткачи горячо откликнулись на призыв своего старого друга Арсения-Трифоныча. В короткий срок была сформирована эта в полном смысле гвардейская часть. Лучшие вышивальщицы Иваново-Вознесенска любовно расшили для полка золотом и шелками боевое красное знамя.

Ткачи обмундировали свой полк с иголки, из последних запасов обеспечили его провиантом...

Фрунзе выехал несколько раньше, чем отправился полк. Комиссаром полка он назначил Дмитрия Фурманова, невзирая ни на его молодость, ни на совсем еще небольшой партийный стаж.

Фурманов еще не был известным писателем, но Михаил Васильевич как бы угадывал в нем ярко проявившуюся впоследствии способность к зоркому наблюдению и осмыслению фактов, к запечатлению их в памяти и на бумаге, видел в нем уже тогда будущего «летописца» бурно, стремительно развивающихся революционных событий в обстановке гражданской войны.

Мы теперь знаем, что Дмитрий Фурманов во многом оправдал эти ожидания Михаила Васильевича Фрунзе, проявляя себя вместе с тем и стойким, выдержанным политическим руководителем-комиссаром боевых частей и соединений Красной Армии: сперва 220-го Иваново-Вознесенского полка, а затем 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

Постоянным правилом Михаила Васильевича

Фрунзе было всестороннее изучение обстановки, в которой ему предстояло действовать. Он взял с собой в дорогу кипу военных книг, а также статистическую, географическую и экономическую литературу, относящуюся к театру военных действий. С ним выехали Ф. Ф. Новицкий и в качестве старшего адъютанта-секретаря коммунист С. А. Сиротинский.

В Самаре Фрунзе ждали нехорошие вести.

Храбрые, но не очень сведущие в политике крестьяне-бойцы поддавались на хитрые уловки вражеской агентуры — эсеров, анархистов, кулаков. Дело дошло до того, что незадолго до приезда Фрунзе в 22-й дивизии был случай отказа выполнить приказ Реввоенсовета армии. В районе Уральска были обезоружены и убиты член Реввоенсовета армии Линдов и другие работники, находившиеся с ним.

— Вы приехали, товарищ командующий, не в добрый час... — так встретили Фрунзе в штабе 4-й армии. — Возникают большие трудности — армия развинтилась, возомнила себя автономной, потеряла ощущение начальнической руки. Анархизирующие элементы и эсеры распоясались, захватывают влияние. На днях под Уральском произошло неслыханное событие. Только что взяли Уральск — и вдруг взбунтовался Орлово-Куриловский полк. Погибли почти все наши руководящие работники...

Фрунзе выразил намерение лично поехать в Уральск.

— Не советуем вам туда ехать, товарищ командующий, — сразу же начали отговаривать Фрунзе работники штаба армии. — Как бы беды не вышло...

Но Фрунзе не слушал уговоров и предостережений. Приняв дела и отдав приказ по армии, он немедленно выехал в район Уральска.

Перед поездкой командарма в Уральск самарские часовщики были загружены большими срочными заказами — починкой и выверкой имевшихся в государственных складах Самары реквизированных у бывшей самарской буржуазии ручных и карманных часов, а также компасов и буссолей. К моменту отъезда командующего несколько десятков часов и компасов с гравировкой «За Уральск», «За храбрость» было включено в его багаж, под ответственность адъютанта.

Глубокие снега лежали на холмах приволжского Сырта. Снегом была

покрыта и выглядевшая довольно мирно степь.

Но степь только казалась мирной. Угроза таилась на каждом шагу.

4-я армия, командовать которой назначен был Фрунзе, занимала очень трудный участок. Из необозримой приуральской степи то и дело появлялись белоказачьи отряды, нападали с юга на форпосты Красной Армии и снова скрывались.

На этом фронте не было ни окопов, ни укреплений. Каждое село, каждый хутор мог превратиться в опорный пункт и для красных, и для белых.

Причудливы были очертания фронтового участка Александров Гай — Уральск — Актюбинск, но цепко держали белоказаки непрерывно меняющуюся линию, которая смыкалась в районе Оренбурга с расположением основных сил Колчака.

Почти от Волги до Южного Урала тянулся этот движущийся фронт набегов, налетов, неожиданных отходов и наступлений. Железная дорога, ведущая через Деркуль на Уральск, тоже находилась под постоянной угрозой.

На пути в Уральск Фрунзе посетил одно из степных сел, обстоятельно, по душам поговорил с местными жителями, стариками.

— А где помоложе хозяева? — задал Фрунзе вопрос, между прочим.

— Воюют, батюшка... Кто у Ленина, а кто с атаманцами ушел, с казарой... — прошамкал один из стариков.

— А куда больше людей идет — к Ленину или к атаманцам? — продолжал спрашивать командарм.

— К Ленину, знамо, больше... — послышалось сразу несколько голосов. — У красных — нашенские командуют, Василий Иванович Чапаев. А казара [\[18\]](#) — кто их знает, кому родня... Им чихать на Рассею...

— Вон что! — сказал Фрунзе. — Вы, значит, понимаете, что значит Россия...

— Как не понимать! — обидчиво проворчал собеседник. — Жили деды наши все вместе, что пальцы в горсти, была Русь — не трусь, а потом по земле рассеялись — вот и стала Рассея... А сердце-то все равно к корню лежит.

— А знаете ли вы, кто за что бьется? — еще вопрос задал Фрунзе. — За что — красные, за что — белые?

— Как не знать!.. — отозвались голоса. — Белые — за царя да за господ, а красные — за фабричных...

— А за крестьянство кто? — усмехнулся командарм.

— А за хрестьянство — Чапай... — ответили старики. — Он за нашу

землю воюет, супротив Вяземских да Столыпиновых...

Фрунзе знал эти имена — самых крупных помещиков края.

— Но ведь и Чапай — красный, коммунист... — возразил он.

— Ну, нет... — слышались возгласы. — Шутишь, начальник. Не коммунист Чапай, а большевик...

Командарм развел руками:

— Ну, и крошка у вас в мозгах, товарищи ильмовчане... Да ведь большевики и есть коммунисты... Ну, а живете как? — задал он еще вопрос.

— Тянемся по малости... От суховея до суховея...

— То-то, по малости... — Фрунзе качает головой. — Вот мы, большевики-коммунисты, да и Чапаев ваш вместе с нами, как раз и боремся за то, чтоб жилось людям не «по малости», а как следует, хорошо... Мы — за бедных, но не за бедность: против богатеев, но за всеобщее народное богатство. Богатей для нас то же, что сухостей. И с тем и с другим будем бороться не на жизнь, а на смерть...

— С суховеем не много наборешься... — проворчал один из стариков. — Сухостей декретом не уничтожишь...

— Справимся и с суховеями... — твердо, уверенно продолжал Фрунзе. — Все поставим на службу народу... И солнце, и ветры... Наука поможет и горы сдвинуть, и реки поворотить... Может, и Волгу с Уралом соединим, и Арал с Каспием... Ни пустынь, ни степей засушливых не будет... Где сейчас синие солонцы, там леса и сады раскинутся. Из-под земли все сокровища ее добудем. И воду заставим бить из-под земли и подороже вещество — нефть... Вот тогда и будет богатство всенародное, а не только для богатеев...

— Складно говоришь, начальник... — переглядываются старики. — Да только вряд ли дожить нам до всего этого... Не попользоваться...

— Небось и вы доживете... Народ крепкий... — улыбается командарм. — А не вы, так сыны да внуки попользуются...

Давняя закваска агитатора помогала Фрунзе быстро и безошибочно находить общий язык не только с рабочим народом, но и с крестьянами любой местности, любого русского края. И не только русского.

Важность, значение такого непосредственного общения с народом были для Фрунзе неоспоримы.

— Один такой разговор стоит иной раз целой прочитанной книги... — пояснял Михаил Васильевич своим товарищам-соратникам. — Не только ты раскрываешь глаза людям, но и у самого тебя вдруг открываются глаза на очень многое... Плох руководитель, безразлично — военный ли,

гражданский ли, если он избегает бесед с народом...

*

— Завтра выйти уральскому гарнизону на смотр побригадно, — отдал Фрунзе приказ, как только переступил порог штаба Николаевской дивизии, находившегося в Уральске.

Наутро волки уральского гарнизона вышли на смотр. Несколько тысяч красноармейцев выстроилось на площади.

День выдался морозный. В горячей золе тут же разведенных больших костров многие бойцы пекли картошку. Вид у большинства был неряшливый. Редко у кого на шинели виднелся пояс. Папахи были надеты у всех по-разному: у кого сдвинута на затылок, у кого нахлобучена на глаза. Винтовки тоже держали по-разному: на ремне, на плече, у ноги. Стояли в строю кто как хотел. Дымили козьими ножками — сигарками-самокрутками. Один из комбригов увел свою бригаду, не дождавшись смотра, — возможно, от стыда за ее состояние и вид.

Тут же, на площади, не откладывая, провел командарм краткий, но строгий разбор «парада».

— Как вы воспитываете бойцов, товарищи командиры? Отдаете ли вы себе отчет в своих задачах?

Угрюмо слушали командиры. Им трудно было что-нибудь возразить на справедливые упреки.

— Начальнику гарнизона ставлю все это на вид... — закончил командарм. — Требую от командиров немедленно заняться своими бойцами, привести в порядок казармы, конский состав... Предупреждаю всех, что через некоторое время смотр будет повторен, и тогда уже разговаривать будем по-другому. Можете расходиться...

Части разошлись. Командующий вернулся в штаб дивизии отдохнуть после напряженного дня и бессонных ночей. Когда он проснулся, на столике у него лежала записка:

«Командарму 4. Предлагаю вам явиться к шести часам вечера для объяснения по поводу парада.

Комбриг **Плясунков**».

Фрунзе повертел бумажку в руках. Позвал адъютанта.

— Откуда это?

— Привез ординарец, даже добивался сдать под личную вашу

расписку.

Командарм прочел бумажку еще раз.

— Надо будет поехать, — сказал он со своей обычной легкой усмешкой. — Придется «явиться».

— Опасно, товарищ командарм... — заикнулись было штабные.

Но командарм хлопнул ладонью по столу.

— К шести часам приготовить кошевку.

Точно в назначенное время, с одним адъютантом, отправился Фрунзе в уральских санях-кошевке к гарнизонному клубу. Тускло светились в синеве вечера окна городских домов. Откуда-то раздавались бесшабашные, озорные крики и выстрелы. Снег тяжело лежал на крышах, на заборах, на телеграфных проводах.

У гарнизонного клуба кошевка остановилась, и командарм твердой походкой вошел в помещение.

Там было уже полным-полно людей. Густой махорочный дым висел под потолком. Комбриги, командиры полков сидели в переполненном зале. Комбриг Плясунков, в залихватски сдвинутой на затылок папахе, с маузером на левом боку и с наганом на правом, открыл собрание. Он предоставил первое слово не командарму, а одному из своих.

Оратор поднялся и начал речь:

— Друзья и братья, народные командиры! Все мы знаем друг друга. И родились тут, и росли тут, и на германскую вместе ходили, и сейчас бьемся сообща... кровь проливаем... Но вот откуда-то появляются приезжие личности и начинают нас учить. Говорят, что-де мы плохие командиры. Были тут некие, они, как вам известно, тоже командовали, да и докомандовались...

Намек был прозрачен, выглядел как явная угроза. Оратор имел в виду Линдова, Мягги и других военных работников, погибших во время бунта Орлово-Куриловского полка, три недели назад.

Страсти разгорались. Выступали еще и еще ораторы. Стучали рукоятками наганов, выдергивали до половины из ножен шашки и снова вгоняли их обратно.

Но вот поднялся, наконец, Фрунзе. Он подошел к столу и подал знак, что хочет говорить. В помещении стало тихо.

Спокойно, неторопливо повел Михаил Фрунзе ответную речь:

— С вами сейчас разговаривает не командующий армией. Командующий армией не может и не должен быть на таком собрании. С вами сейчас говорит член партии большевиков с тысяча девятьсот

четвертого года. Я, как революционер, был дважды приговорен к смертной казни царским военным судом. Провел в каторжной тюрьме семь лет. На улицах Москвы участвовал в Октябрьской революции. Я приехал сюда по указанию партии большевиков и Советского правительства организовать решительный отпор врагам нашим, наймитам иностранного капитала. Буржуазия разных стран щедро снабдила своих ставленников пушками и всяким другим оружием. И если мы не противопоставим этим пушкам, этому оружию свое единство и дисциплину — гибель ждет нас всех и все завоевания великой революции!

Он продолжал:

— Я безоружен, нахожусь здесь с одним адъютантом, и вы можете сделать со мной, что хотите. Но от имени партии, пославшей меня сюда, я решительно вас пре-ду-преждаю, — отдельно и сурово подчеркнул он, — что, если еще раз повторится что-нибудь подобное сегодняшнему вызову, виновные будут наказаны по всей строгости военного времени, вплоть до расстрела. Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. А выполнение отданного мною вчера приказа я проверю лично. Есть какие-нибудь вопросы?

Несколько минут длилось смущенное молчание. Затем Фрунзе встал и медленно пошел к выходу. Кто-то из присутствующих услужливо открыл дверь. Хладнокровное и вместе с тем пламенное, прозвучавшее как подлинный голос партии выступление командующего Фрунзе обезоружило всех, отрезвило самые горячие головы.

4. НА ЛИНИИ ОГНЯ

Наутро командарм приказал оседлать коней и выехал с работниками своего полевого штаба на передовые позиции, километрах в двадцати пяти к югу от Уральска. За Уральском, по обе стороны скованного льдом древнего Яика, расстилалась совсем ровная, покрытая снегами степь без конца и без края. Низкие, темные облака висели над ней, подчеркивая ее белизну. Вдали глуховато гремели пушки.

Когда Фрунзе со своей маленькой конной группой спустился на заснеженный лед реки Урал, в воздухе вдруг запели пули. По другому берегу, паля из винтовок, скакало десятка полтора всадников— разъезд противника. Перевес у белых был почти тройной.

— Придется им ответить, — сказал Фрунзе.

И, взяв у ординарца винтовку, не торопясь, приложился к ней для

выстрела...

После нескольких ответных залпов белые всадники умчались. Ответ пришелся им не по вкусу.

За рекой, в районе хутора Скворкина, шел бой. Подпрыгивали на утоптанном, скрипучем снегу трехдюймовые орудия, занимавшие огневую позицию за оградой колокольни.

Командарм поднялся на колокольню, чтоб как можно шире охватить взглядом снеговой горизонт. Противник обстреливал село шрапнелью. То и дело вспыхивало в морозном воздухе на фоне темных туч желтовато-белое облачко разрыва.

По боевому приказу красные войска должны были овладеть этим районом путем стремительной атаки. Тогда в руках у противника вряд ли осталась бы хоть одна пушка. Но приказ вовремя не был выполнен.

Вой начался незадолго до приезда Фрунзе.

Белые умело расположили орудия и довольно успешно отвечали на огонь. А из двенадцати советских орудий стреляли только семь. Остальные пять пушек молчали. Снег лежал на их неподвижных стволах и хоботах.

— В чем дело, товарищи артиллеристы? — осведомился Фрунзе, спустившись с наблюдательного пункта.

— Снарядов не присылают, — объяснил один из командиров.

Тотчас в Уральск был направлен нарочный за снарядами.

Из степи начинала дуть сильная поземка. Она угрожала перейти в буран. Красноармейцы наступали вяло. Фрунзе пошел к самым передовым цепям по вырытым в снегу ходам сообщения и наткнулся на группу столпившихся бойцов.

— Что за собрание? — спросил он.

— Да вот обсуждаем. Наступать или нет... погода... пурга... — вяло сказал начальник участка.

— Чего же обсуждать, раз приказ есть?

— Начальство в штабе сидит, ему что!..

— Приказ дан мною, — строго сказал Фрунзе.

Узнав, кто с ними говорит, собравшиеся смутились. Начали быстро расходиться по местам.

— Настоящий, видать, начальник приехал... Сразу на линию огня явился.

С утра командарм выехал инспектировать части, занимающие позиции в большой степи. По дороге он не мог удержаться от соблазна побывать в одном из попутных степных аилов. Как только он завидел широкие бурые юрты, похожие на расплзающиеся стога сена, он, не скрывая своего

волнения, дал коню шпоры и помчался вскачь. Воскресли в памяти полузабытые картины детства. Родные горы Семиречья как будто замаячили вдруг из-за этих степных юрт. Через минуту провожатые Фрунзе с изумлением наблюдали, как он, смеясь, оживленно разговаривал с высыпавшими из юрт джигитами и стариками на хорошо знакомом ему казахском языке.

И командарма и его спутников казахи звали в самую большую юрту. Зашипел в казане над приветливым огнем бешбармак. Лучшие коврики и пестрые цветастые тюфячки были предложены почетным гостям для сидения. Вскоре Фрунзе уже знал все новости степи. Узнала и степь, довольно быстро, что новый красный командующий — «особенный человек»!

Через несколько дней, возвращаясь с объезда фронтовой линии, Фрунзе встретил под Уральском своих старых друзей — ивановцев. Полк иваново-вознесенских и шуйских ткачей, выехавших на фронт следом за командармом, прибыл и уже маршировал, поражая всех дисциплиной и отличной строевой выправкой.

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский —
Правитель омский, —

колыхалась над рядами задорная песня про адмирала Колчака, подхваченная ткачами где-то в пути.

Скрипели по снегу кованые сапоги, оркестр слаженно гремел медью труб. Алое шелковое знамя развевалось на февральском ветру.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! — приветствовал их Фрунзе. — С прибытием поздравляю!

— Товарищу Арсению ура! — дружно ответил полк на приветствие командарма.

Приведя в боеспособное состояние части на уральско-деркульском участке фронта, Фрунзе вернулся в Самару и издал приказ по армии.

«...Наша армия, призванная решать великие задачи, возлагаемые на нее Рабоче-Крестьянским правительством, должна являться грозной силой для всех врагов трудящегося населения, а это может быть достижимо лишь при том условии, если все части армии будут спаяны железной дисциплиной.

...Объявляю, что всякое нарушение долга службы и дисциплины впредь, после опубликования настоящего приказа, будет мною рассматриваться не иначе, как злостное и сознательное преступление и как таковое будет мною беспощадно караться».

Фрунзе телеграфировал Я. М. Свердлову: «Прибыл лично в расположение армии, ознакомился с составом и настроением, а равно с командным составом и политработниками. Требуются большие персональные изменения. Необходимо тщательное расследование всей деятельности не только мятежных частей, но и всего руководящего персонала армии. В ближайшие недели, думаю, что Уральская область будет воссоединена с Советской Россией. Примерно через две недели крайне желательна присылка комиссии из центра».

В штабе армии было кое-что новое. Членом Реввоенсовета вместо погибшего Линдова был снова назначен уже бывший некоторое время таковым ранее председатель Самарского губисполкома Валериан Владимирович Куйбышев — высокий худощавый человек с глубоко сидящими задумчивыми глазами и с большой шапкой непокорных волос.

Фрунзе немало слышал о Валериане Куйбышеве как о крепком большевике. Ссылку в Сибири они отбывали неподалеку друг от друга. Манзурка отстояла километров на сорок от села Качуг, где был на поселении В. В. Куйбышев. В борьбе за Волгу, за Симбирск и Самару летом и осенью минувшего 1918 года Куйбышев проявил себя выдающимся большевистским руководителем.

— Очень, очень рад, Валериан Владимирович, вашему назначению, — говорил Фрунзе.

Затем перешли к делам армии.

— Армия растянута на огромном фронте, командиров хороших мало. Задача армии — обеспечить пути, ведущие с юга и юго-востока на участок Волга — Саратов — Сызрань. Обеспечить пути... — повторил Фрунзе. — Ведь это же оборона, а я думаю, что нам надо наступать, Валериан Владимирович. В этом залог победы. А побеждать надо скорее и побеждать так, чтобы уничтожить у противника самое главное — живую силу. А уничтожим живую силу — и территория будет наша. Нам надо создать группу из двух-трех армий, — задумчиво продолжал Фрунзе, — да по-настоящему и ударить по врагу, предупредить его наступление, к которому он, несомненно, готовится.

— Правильно, правильно, Михаил Васильевич, — соглашался Куйбышев, — будем действовать и действовать решительно, если понадобится, непосредственно через Ильича.

— Да, знаете, Валериан Владимирович, — вдруг вспомнил Фрунзе, — во время своей поездки я на каждом шагу слышал: «Чапаев, Чапаев». И крестьяне, и красноармейцы, и казаки — все толковали наперебой о Чапаеве. Куда, дескать, делся, почему не воюет... Я навел справки, оказалось, герой Чапаев, бывший командир Николаевской дивизии, гроза белых, послан в Москву, в Академию генерального штаба, учиться... А бойцы, которыми он командовал, буквально плачут о нем: «Драться разучиваемся без Чапаева...»

Куйбышев задумался.

— Совершенно верно. Совсем незачем было именно сейчас отправлять Чапаева в Академию, — сказал он. — Поучиться он еще успеет, а время не ждет. Умеет бить белых, пользуется авторитетом, любовью — значит, самое здесь ему место в эту горячую пору!

Через несколько дней после этого разговора, разбирая документы, оставшиеся после Линдова, Фрунзе нашел нераспечатанный пакет, видимо уже не заставший погибшего члена РВС. Командарм вскрыл его, бегло пробежал глазами, потом вслух прочел Куйбышеву:

— «Многоуважаемому товарищу Линдову.

Прошу Вас покорно отозвать меня в штаб 4-й армии на какую-нибудь должность командиром или комиссаром в любой полк. Преподавание в академии мне не приносит никакой пользы, что преподают, я это прошел на практике... Вы знаете, что я нуждаюсь в общем образовательном цензе, который здесь я не получаю, и томиться понапрасну в стенах я не согласен... Прошу еще покорно не морить меня в такой неволе... Я хочу работать и помогать вам... Так будьте любезны, выведите меня из этих каменных стен.

Уважающий Вас **Чапаев**».

— Как, выведем Василия Чапаева из каменных стен, Валериан Владимирович? — спросил Фрунзе.

— Обязательно выведем, — улыбаясь, в свою очередь, подтвердил Куйбышев. — Чапаев словно читал наши мысли.

Но уже через несколько дней, входя в штаб армии, Фрунзе заметил сидящего в приемной человека в белой папаше с красным доньшком, обычной у уральцев. Фрунзе не обратил на посетителя особого внимания и прошел к себе в кабинет.

Человек в белой папаше вскочил с табурета и бросился к адъютанту:

— Кто это прошел? Командарм Фрунзе?

— Да, он, — ответил адъютант и не успел опомниться, как человек в

папахе был уже в кабинете командующего армией.

Вытянувшись в струнку и приложив руку по всем правилам к папахе, он отрапортовал:

— Имею честь явиться... Бывший начдив, командовал Николаевской дивизией... Василий Чапаев...

Фрунзе тоже поднялся, приветствуя героя.

— Здравствуйте, товарищ Чапаев. Рад вас видеть... Ну, так как же каменные стены? — спросил он, посмеиваясь. — Не удержали они вас?

— Трудно мне в академии, товарищ командующий... — смущенно и откровенно ответил Чапаев. — Невмоготу стало... Все мои ребята, выкормыши мои, которых я боевому искусству обучал, с врагами Советской республики здесь дерутся. А я, их командир, сам вроде как за партой оказался, на положении ученика... Учат, конечно, неплохо — военной топографии, фортификации, стратегии, тактике, тому подобное... Но вот как-то спрашивает меня профессор: «Где река Неман течет и какое она имеет историческое значение?» Подумал я недолго, да и ляпнул: «Где Неман течет, — отвечаю, — это я знаю. На этой реке я три года немцев бил в первую мировую да два Георгия получил, а вот знаете ли вы, товарищ профессор, где река Солянка протекает?» Он так на меня и уставился... А я дальше: «Не знаете, — говорю, — товарищ профессор? Очень жалко. На этой, — говорю, — самой реке Солянке сейчас весьма серьезные события происходят... Красная Армия здорово, — говорю, — бьет белых на этой самой Солянке».

Фрунзе не мог сдержаться:

— Солянка против Немана!.. — почти до слез смеялся он.

И, сразу перейдя на деловой тон, сказал:

— Ничего, Василий Иванович... Назначим мы вас сейчас командиром Александров-Гайской бригады, с тем чтобы эту бригаду вы развернули в дивизию. Кроме прежних полков, в эту новую дивизию войдет, вероятно, также Иваново-Вознесенский полк, земляки мои, ткачи, пролетарская гвардия. Бойцы надежные.

Новый командарм Михаил Фрунзе быстро стал предметом удивления для военспецов штаба фронта, Им было известно, что он не имел военного образования, но все его действия говорили о большой полководческой эрудиции.

Под руководством нового командарма 4-я армия в короткий срок буквально переродилась. Она стала крепко спаянным, дисциплинированным, боевым организмом.

Шаг за шагом Фрунзе отвоевывал у белоказаков широкую степь между

Волгой и Уралом, оттесняя белых все дальше и дальше к югу.

Эти успехи позволяли рассчитывать на то, что после освобождения Уральской области можно двинуть красные войска на помощь Туркестану. Для этой цели по идее Фрунзе и была сформирована Южная группа войск, состоявшая из 4-й армии, восьмиполковой Оренбургской стрелковой дивизии (впоследствии 31-й) и кавбригады.

Оренбургская дивизия и кавбригада положили основание новой, Туркестанской армии.

7 марта Фрунзе радировал в Туркестанский Центральный исполнительный комитет (Туркцик):

«Волею Рабоче-Крестьянского правительства Российской Республики я назначен командующим армиями Южной группы Восточного фронта, включающими и Туркестанские войска. В ближайшем будущем... войска придут на помощь героям-бойцам Туркестана, доселе не опустившим красного флага и отбившим все яростные нападки врагов. Я приветствую в вашем лице трудящиеся массы всех народностей Туркестана. Прошу передать мой особый привет трудовому населению моей родины — Семиречья и моего родного города Пишпека. Как уроженец Туркестана, приложу все усилия к тому, чтобы желанная помощь пришла к вам как можно скорее. С социалистическим приветом...»

Войска Южной группы наступали. Они заняли форпосты Чижинские, 10 марта освободили станицу Сломихинскую, 19 марта — важный пункт Лбищенск. На этом направлении успешно наступала бригада Василия Ивановича Чапаева.

5. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Весной 1919 года кольцо вражеских сил, окружавших Советскую республику, снова пришло в движение. Начался так называемый первый комбинированный поход Антанты. С северо-запада готовил удар старый царский генерал Юденич, на юге поднимал голову генерал Деникин, а с востока продолжал действовать Колчак.

В марте 1919 года Колчак, подтянув из-за Уральского хребта резервы, перешел в наступление по всему фронту. Сибирская армия Колчака захватила Ижевск и ряд городов вдоль правого берега Камы — Воткинск, Сарапул и другие. Одновременно так называемая Западная армия колчаковцев заняла Уфу и двинулась параллельно левому берегу Камы на Самару. Теперь именно здесь Колчак наносил главный удар, стремясь во

что бы то ни стало выйти к Волге. Белоказачьи войска Дутова, Савельева и Толстова получили задание содействовать Западной армии наступлением на Оренбург, и Уральск. Для Советской республики вновь создавалось опасное положение. На Восточном фронте решалась судьба революции. Надо было во что бы то ни стало остановить и разгромить Колчака.

Ленин призвал советский народ мобилизовать все силы и материальные средства на нужды Восточного фронта.

На призыв Ленина отозвалась вся страна. Она дала фронту большие людские пополнения, предоставила, ценой огромного напряжения, необходимые боевые ресурсы. На Восточный фронт пошли свыше десяти тысяч коммунистов и до трех тысяч комсомольцев. Пятьдесят тысяч рабочих ушли на фронт по профсоюзной мобилизации. Политические работники, партийные организации укрепляли моральный дух и дисциплину в войсках.

Однако дивизию за дивизией, корпус за корпусом обрушивал Колчак на войска Восточного фронта с высот Урала. «Черный адмирал» был настолько уверен в успехе, что уже назначил время свидания командующему силами южной контрреволюции Деникину.

Как раз в это время на Каспии попало в руки С. М. Кирова, члена РВС 11-й армии, оборонявшей Астрахань, письмо Деникина Колчаку. Из этого письма было видно, что встреча Деникина с «верховным правителем» намечалась в городе Саратове.

Задачу выхода к Самаре и Саратову Колчак поручил Западной армии. Этой армией командовал довольно энергичный генерал Ханжин. Три армейских корпуса общей численностью в пятьдесят тысяч человек составляли основную силу армии Ханжина, действовавшую на направлении Уфа — Самара.

Это направление, с двумя железными дорогами от Уфы (одна через Бугульму, другая через Бугуруслан), обороняла 5-я красная армия, насчитывавшая в тот момент всего лишь 11 тысяч штыков и сабель. Соотношение сил было в пользу колчаковцев.

Под натиском превосходящих сил противника 5-я армия отступала по обеим железнодорожным линиям— и на Самару и на Симбирск, с трудом задерживаясь на крупных станциях.

Станция за станцией переходили в руки колчаковцев. Железнодорожные составы, обозы, артиллерийские склады доставались наступающему врагу.

Вдоль насыпи валялись зарядные ящики, опрокинутые повозки. Местность по сторонам от железной дороги была холмистая, со

множеством оврагов, ложинок, речек. Ручьи и речки вздулись. Снег не держал ни полозьев, ни колес.

Когда Фрунзе получил известие о том, что белые взяли Уфу, он решил поехать из Самары в Белебей, в штаб 5-й армии. Ему хотелось лично ознакомиться с положением дел у командарма 5-й и по возможности выяснить причины его неудач.

В Белебее творилась полная неразбериха. В кривых грязных улочках стационарного поселка скопилось множество фур, повозок. Не без труда нашел Фрунзе командарма 5-й. Положение армии было тяжелым.

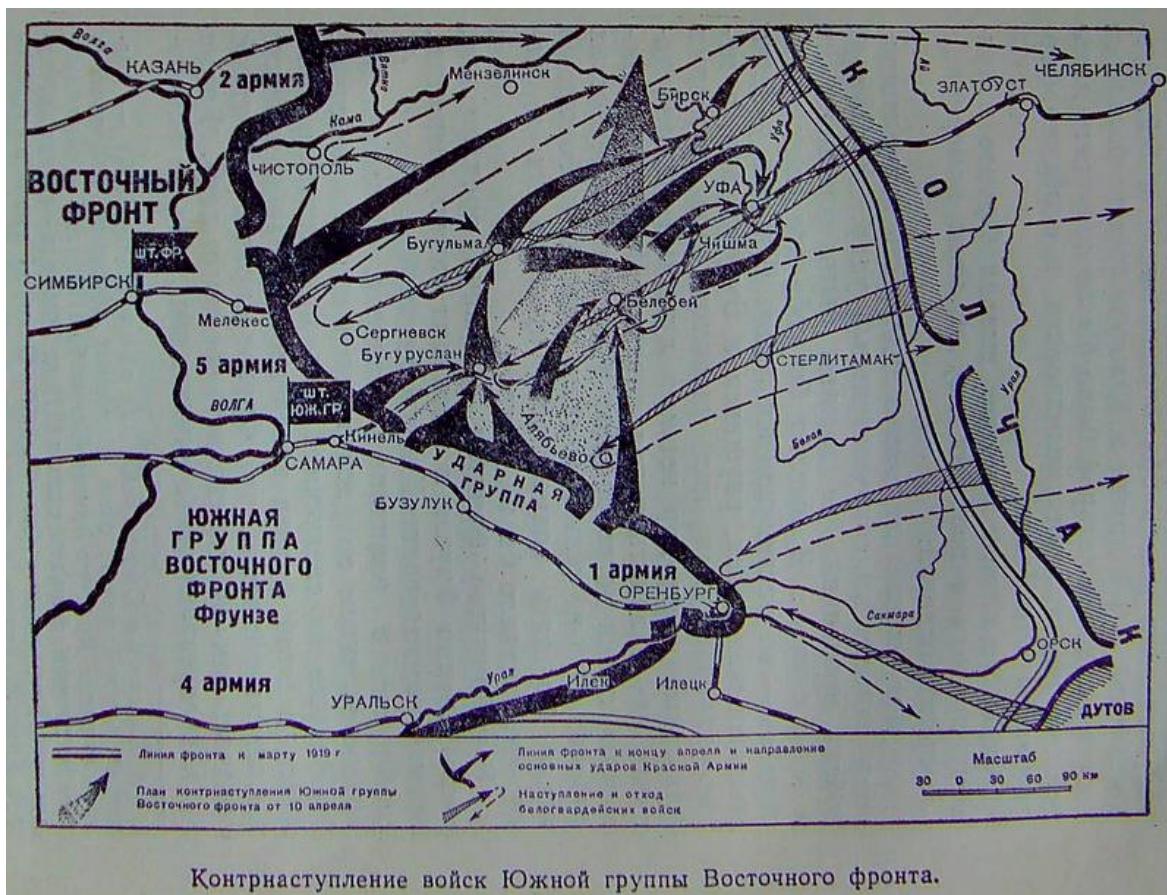
18 марта Фрунзе послал письмо в Реввоенсовет республики, а копию направил В. И. Ленину. Фрунзе писал:

«В сознании всей серьезности военного и политического положения, создавшегося в средней и южной части Восточного фронта, я решаюсь привлечь к нему сугубое Ваше внимание. Я не стану касаться положения дел самого фронта, в уверенности, что оно вам известно хорошо. Скажу лишь, что... 5-я армия почти утратила боеспособность. Полки ее откатываются назад при первом натиске противника и сразу очищают большие пространства. В штабе армии (5-й) высказывались опасения за возможность отхода к Самаре и Симбирску. Этим все сказано...

Положение дел в настоящее время я считаю очень серьезным. Но в то же время уверен, что если центр в достаточной мере серьезно оценит его и примет соответствующие меры, то всякая опасность нами будет избегнута.

С товарищеским приветом Командарм 4-й и член ВЦИК **М. Фрунзе-Михайлов**».

6 апреля колчаковцы заняли город Белебей, 10-го — Бугульму. Стремительно продвигались они к линии Волги. Штаб Восточного фронта, расположенный в Симбирске, в пяти-шести переходах от линии боевых действий, начал нервничать. Уже началась упаковка штабного имущества для переезда в город Муром, под Москву.

Контрнаступление войск Южной группы Восточного фронта.

У командующего Восточным фронтом С. Каменева [19] возникла мысль об объединении 4-й, 5-й, Туркестанской и 1-й армий в Южную группу большого состава, задачей которой было бы не допустить дальнейшего продвижения колчаковцев и особенно форсирования ими Волги.

Седьмого апреля Каменев вызвал Фрунзе к прямому проводу и сообщил ему об этом намерении.

Фрунзе ответил:

— Мы должны не только задержать колчаковцев, но и нанести им сокрушительный удар. К Самаре войска противника не должны быть допущены ни в коем случае... Я мыслил бы себе это следующим образом — по растянувшейся линии Южного участка колчаковских войск, рвущихся к Бугуруслану, в месте, наиболее для них уязвимом, мы проводим фланговый контрудар нашими лучшими силами, такими, как двадцать пятая дивизия Чапаева, пролетарские полки петроградских и иваново-вознесенских рабочих. Это не только должно остановить белых, но могло бы дать возможность прижать их к Каме, что означало бы их разгром.

Командующий фронтом выдвинул предложение, чтобы именно Фрунзе и возглавил такую операцию, приняв командование Южной группой.

Фрунзе в принципе согласился, обусловив это предоставлением ему достаточной свободы действий.

Но уже на следующий день прибывшие в Симбирск в штаб фронта предреввоенсовета и главком высказали сомнение, что Фрунзе справится с такой задачей, как не специалист военного дела. Кроме того, предреввоенсовета считал, что, пока не кончится распутица, можно не очень спешить с отпором Колчаку.

С. Каменев оказался в большом затруднении: с одной стороны, была уже достигнута договоренность с Фрунзе об организации контрудара, а с другой стороны — его прямое начальство своими сомнениями и колебаниями тормозило задуманную операцию.

Пришлось обратиться в Совет Обороны, к Ленину.

Назначение Михаила Васильевича Фрунзе командующим Южной группой было утверждено. Закаленному большевику, хотя и не прошедшему официальной военной школы, предстояло схватиться с опытнейшими генералами Колчака. Членом Реввоенсовета группы был назначен В. В. Куйбышев.

«Колчака необходимо разбить», — таков был приказ партии.

И вот штабной поезд Фрунзе стоит на узловой станции Кинель. Закипела напряженная, без отдыха, работа.

«Солдаты Красной Армии! — писали Фрунзе и Куйбышев в обращении к войскам Южной группы 10 апреля 1919 года. — Внимание трудовой России вновь приковано к вам. С затаенным дыханием рабочие и крестьяне следят за вашей борьбой на востоке...

...Колчак мечтает стать новым державным венценосцем. Этому не бывать! Армии Восточного фронта, опираясь на мощную поддержку всей трудовой России, не допустят торжества паразитов... Неудачи временны и объясняются главным образом тем, что нам пришлось отвлечь часть сил наших на Южный фронт... Вперед же, товарищи, на последний, решительный бой с наемником капитала — Колчаком!

Вперед, за счастливое и светлое будущее трудового народа!»

В приказе № 021 излагались конкретные задачи, поставленные перед каждой армией, перед каждой дивизией и даже перед некоторыми бригадами. Приказ имел важнейшее оперативное значение.

«...Требую от всех, — писал в приказе Фрунзе, — проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успехов противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение».

Медлить было нельзя. Красные и белые флажки на большой оперативной карте в вагоне Фрунзе день за днем придвигались к голубой линии Волги.

С севера сырой камский ветер доносил глухие раскаты артиллерийской пальбы. Корпусным командиром колчаковской армии уже мерещились сквозь стекла их цейсовских биноклей оттаявшие, в ветлах и вербах, берега великой реки, на которой начинался буйный весенний ледоход.

Штаб белой армии издавал один за другим приказы, полные ликования.

Фрунзе спал по часу, по два в сутки, не больше. Он проверял подход затребованных подкреплений, подписывал приказы по группе, требовал отчета о сделанном, в сотый раз продумывал боевые задачи. Лицо у него осунулось, пожелтело, он оброс бородой, но глаза не теряли усмешливой искорки.

— Борода пригодится, — с улыбкой ответил он, когда кто-то напомнил ему о бритве. — Вот побьем белых здесь, в Туркестан пойдём, а там бороду уважают...

Чапаев прислал Фрунзе захваченный у белых один из последних оперативных приказов по армии генерала Ханжина с указанием расположения соединений и частей. Этот приказ позволил Фрунзе установить стыки белогвардейских соединений и точно нацелить удары войск Южной группы.

Все, что было возможно, сосредоточивалось для контрнаступления, которое должно было начаться мощным фланговым ударом с юга на север из района Бузулука. Здесь Фрунзе сосредоточил самые боеспособные войска, создав из них ударную группу.

Такому замыслу все более благоприятствовало непомерное удлинение левого фланга наступающей колчаковской армии генерала Ханжина и вместе с тем сохранение в руках Красной Армии железной дороги

Самара — Кннель — Бузулук — Оренбург. Три колчаковских корпуса генерала Ханжина хотя и наступали успешно, но двигались по враждебной им земле, политические цели колчаковцев были чужды как русскому, так и башкирскому населению. А плети и виселицы колчаковских карателей и интервентов вызывали у народа беспредельную ненависть.

Накануне операции перебежчик из штаба группы похитил один из оперативных приказов. Однако Фрунзе решил не переделывать свой план, слишком серьезно и детально разработанный. Намеченный срок контрудара также не откладывался.

Тем временем белогвардейский корпус генерала Войцеховского уже создавал угрозу городу Чистополю и даже Симбирску, захватив станцию Нурлат. Корпус генерала Голицына подошел к городу Сергиевску, захватив при этом Бугуруслан. Корпус под начальством генерала Сукина, захватив Стерлитамак, двигался к городу Бузулуку, перейдя через важный рубеж — реку Дему.

В. И. Ленин особо предупреждал штаб Восточного фронта о недопустимости сдачи Чистополя, ибо падение Чистополя означало бы выход Колчака на Волгу в непосредственной близости к Казани. Ни одного часа нельзя было больше терять. Контрнаступление должно было начаться в конце апреля. Ему предшествовали действия войск, прикрывавших сосредоточение ударной группы. 24-я дивизия, впоследствии прозванная «Железной», вступила в успешные бои с войсками 6-го корпуса белых в районе Михайловское-Шарлык, а 20-я дивизия — с 4-м корпусом колчаковского генерала Бакича на реке Салмыше.

Преодолевая невероятные трудности; перетаскивая орудия и снаряды через разлившиеся ручьи, через глубокие, скрытые снегом овражки, топи, переходя вброд бесчисленные речонки башкирского Сырта, полки Чапаева, высадившиеся на станциях Толкай и Алтуховка, 23–24 апреля вошли в соприкосновение с противником западнее Бугуруслана.

В авангарде Чапаевской дивизии, направленной Фрунзе к Бугуруслану, шел полк иваново-вознесенских ткачей. Чапаев по приказанию Фрунзе предоставил ивановцам возможность проявить себя в бою поскорее.

«Гвардия Ленина», как прозвали впоследствии белые Ивановский полк, двинулась в атаку. Фурманов, являвшийся военкомом ивановцев, шел с полком, подбадривал, напоминал о важной роли полка коммунаров-ткачей, об его ответственности перед революцией, перед родным текстильным краем.

Фрунзе находился неподалеку от места боя. Он несколько раз спрашивал по полевому телефону:

— Как дела у ткачей?

Куйбышев был тут же, в полевом штабе.

— Вот, Валериан Владимирович, — говорил ему Фрунзе. — Смертником был — не волновался и сотой доли того, что сейчас. Ткачи наши боевой экзамен держат...

То перебежками, то ползком ивановцы вышли из зоны артиллерийского обстрела и стремительно бросились на врага в атаку. Вот ворвались они в неглубокие окопы белых на флангах и принялись работать штыками.

Отчаянно отбивались колчаковцы, но вскоре под натиском ткачей один за другим начали бросать оружие. Поднимая руки, они кричали:

— Сдаемся! Сдаемся!

К вечеру главная позиция белых на Малой Кинели была взята. Это решило судьбу и других ближайших позиций. Первая схватка была выиграна. Враг покатился на Бугуруслан.

Вскоре в обрызганной весенней грязью автомашине приехали поздравить бойцов Фрунзе и Куйбышев.

Василий Иванович, держа руку под козырек, подскочил к машине командующего. Фрунзе спросил его:

— Как держались ткачи?

Чапаев доложил:

— Прямо удивили, Михаил Васильевич. Дрались не хуже моих...

— Ну, вот и отлично. Чего ж удивляться? Пролетарская гвардия... — радостно засмеялся Фрунзе.

Перехватить инициативу у зарвавшегося противника было, однако, не так-то просто. Проведав какими-то путями об ослаблении 1-й красной армии под Оренбургом, генерал Ханжин приказал командиру корпуса Бакичу перейти реку Салмыш, ударить во фланг частям ударной группы Фрунзе и совместно с Дутовым захватить Оренбург.

Две дивизии колчаковцев, перейдя реку Салмыш, вырвались почти к самой железной дороге Сорочинское — Оренбург, угрожая отрезать оренбургский район от главных сил Фрунзе.

Но под вечер 23 апреля к месту возникшей угрозы подошли полки 20-й красной дивизии.

В потемках, освещаемых только вспышками выстрелов, двинулись также спешно прибывшие оренбургские рабочие полки в обход левого фланга белых, а с рассветом 24 апреля на Салмыше, кроме них, перешла в наступление и пехота 20-й дивизии, прорываясь к паромным переправам. После ожесточенного боя утром 25 апреля артиллерия 1-й армии открыла огонь по канатным паромам, перевозившим войска белых на южный берег. Один из паромов пошел ко дну, другой, с перебитым канатом, крутясь, поплыл вниз по мутной, кипящей от снарядов реке.

26 апреля, уже под вечер, заканчивался упорный трехдневный бой. Из двух дивизий белых, переправившихся через Салмыш три дня назад, сумело спастись лишь около трехсот человек. Две тысячи колчаковцев со всей артиллерией и пулеметами сдались в плен, остальные полегли на месте.

— Вот начало нашей победы! — сказал Михаил Васильевич

Куйбышеву, прочитав ему донесение из Сорочинского, где был расположен штаб 1-й армии. — Теперь 6-й корпус армии Колчака очень неважно будет себя чувствовать.

В тот же день, 26 апреля, начался бой на речке Боровке. Задерживая натиск врага на Бузулук, 73-я бригада 25-й Чапаевской дивизии приняла здесь на себя натиск вдвое более сильного по численности противника— II-й **дивизии** Колчака. Здесь было еще жарче, чем на Малой Кинели. Колчаковцы, подгоняемые своими офицерами, ожесточенно рвались на Бузулук. Орудия, доставленные сюда чапаевцами чуть не на плечах, день и ночь гремели над Боровкой, поражая наступающих колчаковцев. Белая артиллерия отвечала слабее, но 6-й корпус белых был к этому времени усилен свежими челябинскими и акмолинскими пополнениями.

Полк, сформированный Колчаком из бывших военнопленных австро-венгерской армии, галичан и названный «куренем», был расположен к югу от Сарай-Гира. Солдатам этого полка было обещано быстрое возвращение на родину после победы над большевиками. Полки первой линии белых были предупреждены, что путь отступления для них закрыт наглухо. «Курень» считался резервом командующего Западной армией генерала Ханжина вместе с такими же польским и сербским легионами.

Но в «курене» уже от Челябинска, пункта окончательного формирования этого полка, велась подпольная большевистская работа. А попав под ожесточенный обстрел красной артиллерии, и самые отсталые солдаты «куреня» поняли свою ошибку.

Теснимые чапаевцами, дрогнули и начали отступать полки колчаковцев.

И вот, вместо того чтобы задержать их отступление, «курень» заменил колчаковское знамя на старом древке новым, красным — революционным — и перешел на сторону Красной Армии со всем своим вооружением. Фронт колчаковцев был прорван в решающем месте, как и предвидел это Фрунзе. Победа, подготовленная успехами на реках Кинели, Салмыше, Боровке, стала очевидна. Перешедшие в контрнаступление 28 апреля главные силы ударной группы Фрунзе нанесли сокрушительный удар по 3-му корпусу белых и отбросили его на север. В прорыв хлынула кавбригада ударной группы, перерезавшая Самаро-Златоустовскую железнодорожную линию в тылу противника, близ станции Сарай-Гир.

2 мая Михаила Васильевича Фрунзе окружили взволнованные корреспонденты самарских и центральных газет.

— Товарищ командующий! — засыпали они его вопросами. — Как положение на фронте? Что будет с Самарой? Будет ли Колчак на Волге?

— Ну, что вы, товарищи! Какая там Самара! Какая там Волга!

Улыбаясь усталыми глазами, Фрунзе продиктовал короткое интервью, тотчас же переданное по телеграфу и опубликованное в самарской и московской прессе:

«До сих пор еще в центре России чувствуется сильная тревога и опасение за участь Поволжья. Я заявляю определенно, что Колчаку Волги не видать. Перелом в настроении частей и в ходе операции определился. Наши армии переходят в решительное наступление. Их задача — уничтожить живые силы зарвавшегося врага. Задача эта осуществляется вполне успешно. Разбиты и отброшены 11-я и 12-я дивизии противника. В районе к югу от Сарай-Гира нашей кавалерии сдался только что прибывший на фронт украинский полк с орудиями и пулеметами, предварительно перебив большинство своего командного состава. Полк выразил твердое и горячее намерение сражаться против Колчака на стороне Красной Армии и просит переименовать его в полк имени Ленина».

Взятием Бугуруслана закончился первый этап сражения в Заволжье.

6. РАЗГРОМ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ

Колчак был сильно обеспокоен начавшимся неожиданно для него контрнаступлением советских войск. Он прибыл в эти дни в Западную армию. На экстренном совещании в Чишмах, в поезде адмирала, было решено ввести в бой резервы «верховного правителя» — Ижевскую бригаду и корпус генерала Каппеля. А генерал Войцеховский, командир 2-го Уфимского корпуса, получил задание оттянуть свои силы к Бугульме и быть готовым нанести контрудар на Бугуруслан.

Навстречу 5-й советской армии Колчак двинул по Волго-Бугульминской железной дороге свои бронепоезда, а лучшие стрелковые и кавалерийские части стали сосредотачиваться на тракте Бугуруслан — Бугульма. Длина фронта армии Ханжина сократилась примерно в три раза. Около тридцати пяти тысяч свежих, подошедших из резерва белогвардейцев, с большим количеством артиллерии и пулеметов, было влито в Чистопольско-Бугульминскую группу колчаковских войск. В то же время Колчак возлагал большие надежды на д>товскую группировку белоказачьих войск, осаждавших город Оренбург. Атаман Дутов должен был после взятия Оренбурга нанести удар по тылам наступающей ударной группы Фрунзе.

Оренбург был почти со всех сторон обложен белыми. Осажденный

гарнизон слабел. Все, что можно было взять из Оренбургско-Илецкой скользящей группы, было уже взято по указанию Фрунзе частью на главное направление, частью для помощи Уральску.

Дутов отдал приказ своей Особой Оренбургской казачьей армии во что бы то ни стало взять Оренбург. Крупные казачьи силы обрушились 10 мая на важнейшие подступы к Оренбургу — Меновой двор и железнодорожную станцию этого же имени к югу от города.

Город лежал как на блюде перед глазами наступавших на него дутовцев — дразнил, манил, но к себе не подпускал.

Рабочие Оренбурга знали, какое огромное значение придает командование Южной группы удержанию города.

По указанию Фрунзе и Куйбышева все запасы оружия, имевшиеся в городе, раздали рабочим батальонам, занявшим оборону с лозунгом: «Умереть, но в Оренбург белых не впустить!»

Фрунзе присылал оренбуржцам одну за другой ободряющие телеграммы, а также выделил им в помощь только что сформированный полк самарских рабочих. Основные свои силы он не хотел ослаблять до завершения разгрома Западной армии врага.

Оренбург продолжал героически обороняться.

Каждый холмик оказывался неодолимой преградой. Как волны о камни, разбивались атаки белых.

Таяли полки, бригады и корпуса «особой» дутовской армии, но лишь о десятках метров захваченных подгородных лугов, обильно политых кровью, рапортовали «наказному атаману» его генералы и полковники. Оренбург оставался в руках советских войск. Уверенность Фрунзе в силе и надежности рабочих полков полностью оправдалась.

9 мая по приказу Колчака белые приступили к осуществлению своего контрплана.

Задача армии Ханжина была такова: Ижевская бригада прочно приковывает к себе чапаевцев, связывает их встречным боем, а тем временем Войцеховский и Каппель стремительно охватывают фланги группы Фрунзе: первый — вдоль Бугурусланского тракта — от Бугульмы на юг, а второй — вдоль железной дороги от Белебея на юго-запад.

А в тыл всей группе Фрунзе со дня на день могли ударить войска белых, осаждавшие Оренбург и Уральск. По радиограммам, положение уральского гарнизона было отчаянное. Фунт хлеба выдавали бойцу на пять-шесть дней, в артскладе не было снарядов. Отбивались пулеметами и винтовками. Питались кониной и сушеной рыбой.

Посланец начальника уральского гарнизона, прорвавшись через линию

осады, явился к Фрунзе и доложил ему о тяжелом положении Уральска.

— Держимся из последних сил, товарищ командующий. Нужна срочная помощь...

Долго молчал Фрунзе.

Ни одного полка нельзя было снять с фронта ударной группы. Распылением сил можно было погубить все успехи, достигнутые бугурусланским ударом.

— Бузулукский резерв пошлю на помощь Уральску, — ответил, наконец, Фрунзе. — А больше — ни штыка, ни пушки. Нельзя дробить силы, когда идет генеральное сражение...

В эфир полетела радиограмма на имя уральцев:

«Привет вам, товарищи! Будьте спокойны и тверды. Помощь вам идет. Враг на Уфимском направлении разбит. Оренбург надежно в наших руках. В ближайшие недели уральской контрреволюции будет нанесен последний, сокрушающий удар. Врагу не сломить рабоче-крестьянской силы. На вас смотрит сейчас вся трудовая Россия. Смелее в бой!»

Главные события развертывались под Бугульмой. Здесь решался успех задуманного. Фрунзе ни на минуту не выпускал управления сражением из своих рук. Он все время как бы ощущал фронт боевых действий и на угрозу обхода отвечал тотчас встречной угрозой. 25-я дивизия Чапаева возглавляла наступление ударной группировки. Километрах в пятнадцати к югу от Бугульмы Чапаев оставил на марше вдоль Бугурусланского тракта 74-ю бригаду с иваново-вознесенцами во главе, а две остальные бригады повернул к востоку от тракта, на реку Ик. По сведениям разведки, Ижевская бригада белых предприняла встречный маневр — обходное движение на юго-запад своим левым флангом.

Замыслы и действия противника на войне обычно известны лишь приблизительно. Ижевская бригада Колчака оказалась подкреплённой 2-й Оренбургской бригадой. Если бы и Чапаев не подкрепил свои основные силы тремя кавдивизионами, его 73-ю бригаду, возможно, под Русским Кандызом постигла бы неудача.

Кроме того, Василий Иванович Чапаев проявил свойственную ему блестящую тактическую находчивость и дальновидность. Он развернул свою дивизию на марше широким фронтом, перестроив ее из бригадных колонн в полковые, и тем предотвратил возможность флангового охвата со стороны белых.

Ижевская бригада противника вступила в бой густыми колоннами. Она, очевидно, рассчитывала протаранить развернувшиеся чапаевские цепи.

Участок завязавшегося под Кандызом боя растягивался почти на шестнадцать километров.

Отрезать чапаевцев, оттеснить их к реке Ик на подходящих с юга каппелевцев — таков был замысел колчаковских генералов Войцеховского и Молчанова.

Но храбро, мужественно сражались чапаевцы. План Войцеховского был сорван. Уже на следующий день началось отступление белых на линии всего боевого участка.

*

Генерал Войцеховский, убедившись в своей неудаче, отдал приказ об эвакуации Бугульмы, к которой уже приближался грозный Чапаев. Свой штаб генерал Войцеховский перенес на станцию Кротово, в пятидесяти километрах к востоку от Бугульмы, и оттуда послал «верховному правителю» скорбную телеграмму о своем поражении.

И вдруг 11 мая, как раз за сутки до вступления советских войск в Бугульму, Фрунзе получил от командования Восточного фронта директиву о расформировании Южной группы, о запрещении наступления на Уфу, «впредь до распоряжения». Эта директива исходила от Троцкого.

Никогда помощники не видели Фрунзе в таком гневе, как в тот миг, когда он получил эту директиву.

Не меньшее возмущение царило в эти дни и в Реввоенсовете Восточного фронта.

Приказом Троцкого командующий Восточным фронтом С. С. Каменев в разгар наступления войск фронта за какое-то «неисполнение» приказа главнокомандующего совершенно неожиданно был снят со своего боевого поста. С. С. Каменеву было приказано сдать дела новому командующему фронтом. От него и шли новые, противоречащие согласованным оперативным замыслам Фрунзе и Каменева «директивы». Они, разумеется, не могли повернуть реку вспять, но внесли некоторое замедление в темпы наступления.

Безосновательное смещение С. С. Каменева и назначение нового командующего было в самой категорической форме опротестовано перед Лениным Реввоенсоветом Восточного фронта. Реввоенсовет фронта настаивал на срочном возвращении С. С. Каменева в штаб фронта.

12 мая утром Фрунзе приехал в Самару и сразу же вызвал к прямому проводу нового командующего Восточным фронтом.

«Вашим приказом, — возмущенно начал Фрунзе, — я сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение. Я глубоко не согласен с вашей идеей. Предоставляя мне Уфимское направление, вы одновременно лишили меня всех средств для его обеспечения. Либо вы оставляете у меня все прежние силы впредь до разгрома противника на путях к Уфе, либо вы отнимаете у меня все это направление в целом. Никакого третьего решения не может быть!»

Командующий фронтом не ожидал, по-видимому, такого отпора.

«Разрешите, товарищ Фрунзе, — с большими задержками начал передавать аппарат, — для облегчения ответа весь затронутый вами вопрос расчленить на две части... Решение ликвидировать существование Южной группы мне кажется вполне своевременным. Тем более что оно связано с таким ненормальным положением, как перемешивание целых дивизий и бригад...»

После новой паузы он продолжал уже более гладко:

«Мне не совсем ясна ваша мысль о необходимости объединения действий на Уфу. Если речь идет о связи с 5-й армией через меня, как командующего фронтом, то, мне кажется, это вполне нормально. Кто же я-то? Ведь я командую фронтом. Неясно мне и ваше предпочтение Уфимскому направлению по сравнению, например, с Оренбургским. Оренбург в большой и тяжелой опасности, как вы знаете...»

Снова резко заговорил Фрунзе:

«Объединение командования на Уфимском направлении я понимал или как возврат мне в подчинение 5-й армии, или как передачу в ваше непосредственное подчинение также и Туркестанской и 5-й армий, иначе говоря — всей Южной группы, ибо дробление равносильно ликвидации всего задуманного... Обеспечить Уфимское направление я считаю возможным лишь посредством 25-й и 2-й дивизий, а Самарскую бригаду намерен немедленно отправить на Уральско-Оренбургский фронт... Что касается вопроса о перемешивании бригад и дивизий, то если бы я не составил ударной группы из частей, надерганных мною из 1-й и Туркестанской армий, то теперь я не имел бы чести разговаривать с вами из Самары».

Теперь аппарат молчал. Командующий фронтом, видимо, не мог без Главкома дать другого приказа.

— Неловко стало, по-видимому, — сказал Фрунзе присутствовавшему при разговоре Куйбышеву. — Он-то чувствует, что надо ударить на Уфу. А в Москве наверняка доказывают Владимиру Ильичу, что Оренбург висит на волоске, что Уральск вот-вот падет...

Тотчас Фрунзе стал набрасывать текст телеграммы в Москву Ленину — в ЦК партии и Совет обороны — с докладом о делах Южной группы и просьбой не расформировывать ее.

На столе в кабинете за время пребывания Фрунзе в действующих частях скопилось несколько срочных шифровок из Уральска и Оренбурга.

Руководители оренбургского гарнизона настаивали на уходе из Оренбурга на запад, на сдаче города Дутову.

«Илецк в руках белых, — говорилось в одной из шифровок. — Мы отбиваемся, но дутовцы все теснее обкладывают город. Со дня на день можно ожидать, что кольцо сомкнется и мы окажемся в полной блокаде. Разрешите оставление города и отход в район Сорочинское — Бузулук».

— Опять там в панику ударились, — передал Фрунзе Куйбышеву эту телеграмму. — Но немыслимо даже и думать об оставлении Оренбурга. Это значило бы проиграть сражение в момент, когда оно почти уже полностью выиграно...

В Оренбург, командованию 1-й армии, полетела суровая телеграмма:

«Паническое настроение считаю преступным. Вчера под Бугульмой разгромлены Бугульминская группа противника, 2-й корпус и Ижевская бригада. Это развязывает нам руки на юге. Приказываю вам раз и навсегда прекратить разговоры о сдаче Оренбурга и принять меры к его защите».

Лично осмотрев Самарскую рабочую бригаду, отправляющуюся на помощь Уральску (в состав ее вошел и Петроградский рабочий полк), Фрунзе решил подождать ответа из Москвы.

Но из Москвы, из ЦК партии, между тем все еще не было никаких известий. А без этого уезжать Фрунзе не хотел.

Фрунзе всю ночь не сомкнул глаз. С потемневшим, осунувшимся лицом он отдал приказание приготовить штабной моторный катер для поездки в Симбирск по Волге. Он решил лично поговорить с командованием фронта.

Телеграмма из Москвы, от Ленина, пришла почти тотчас же после отъезда Фрунзе в Симбирск.

Телеграмма гласила следующее:

«Знаете ли Вы о тяжелом положении Оренбурга? Сегодня мне передали от говоривших по прямому проводу железнодорожников отчаянную просьбу оренбуржцев прислать 2 полка пехоты и 2 кавалерии или хотя бы на первое время 1000 пехоты и несколько эскадронов. Сообщите немедленно, что предприняли и каковы Ваши планы. Разумеется, не рассматривайте моей телеграммы, как нарушающей военные приказания. *Ленин*». [\[20\]](#)

Куйбышев тотчас переслал ленинскую телеграмму в Симбирск, вдогонку за Фрунзе, а сам немедленно принялся выяснять, какие силы могут быть посланы для подкрепления Оренбурга.

Догадка Фрунзе подтвердилась: противники его плана сделали, как видно, все, чтобы как можно сильнее встревожить, обеспокоить Ленина судьбой атакуемого Дутовым Оренбурга. Но Ленин доверял Фрунзе, вполне полагался на него. Об этом ясно говорил характер телеграммы. За М. В. Фрунзе сохранялись все его полномочия как командующего Южной группой. Контрнаступление должно было продолжаться...

Ленин отчетливо подчеркнул это своей просьбой не считать его телеграмму нарушающей суть военных распоряжений Фрунзе.

15 мая началась борьба за город Белебей. Войскам Фрунзе предстояло схватиться с отборными частями белых — их «гвардией». Этой «гвардией» был 1-й Волжский корпус белого генерала из немцев — Каппеля. К началу генерального сражения Каппель не поспел: только 9 мая получил его корпус от Ханжина боевую диспозицию.

Началась высадка каппелевцев в районе Белебея. Двадцать тысяч солдат, одетых в новенькое американское обмундирование, вооруженных английскими и японскими винтовками, выгрузились на станциях Аксаково, Приютино и Белебей. Генералу Каппелю было поручено командование всеми отступившими к Белебею войсками белых.

«Задержать красных любой ценой!» — таков был приказ Колчака.

В предвкушении победы Колчак присвоил полкам и дивизиям каппелевского корпуса названия еще не взятых им городов. Корпус состоял из трех дивизий: Самарской, Симбирской и Казанской. А полки были: Свяжский, Ставропольский, Лаишевский, Уржумский и т. п. Ни один из этих городов так и не пришлось Колчаку увидеть.

При корпусе имелись драгуны, уланы, гусары, егеря, много тяжелых орудий, бронепоезда, самолеты. В составе войск Каппеля были особые «ударные» батальоны из добровольцев — кулацких сыновей и офицеров. Они и обмундированы были особенно: черные гимнастерки с вышитыми на рукавах черепами. И способ атаки был у них особенный — густыми колоннами. Он был заимствован из немецких уставов и назывался «психической атакой».

«Победа или смерть!» — было написано у них на знаменах.

Победы на их долю не досталось. 17 мая 1919 года, разгромив и улан, и гусар, и егерей, и «ударников» Каппеля, прогнав и бронепоезда и самолеты, полки Фрунзе вошли в город Белебей.

Сражение в треугольнике Бугуруслан — Бугульма — Белебей было

выиграно. Все эти три важных пункта были отняты у белых. Контрнаступление Фрунзе увенчалось полным успехом. Это была победа всего Восточного фронта. Немалую роль в ее достижении сыграл и С. С. Каменев, по требованию Ленина восстановленный в должности командующего фронтом.

Оставалось преследовать разгромленного противника. «Оставление противником Белебея и явное отсутствие... сопротивления в районе нынешних действий наших войск выдвигает вопрос о необходимости немедленного овладения районом Уфы», — доносил Фрунзе Ленину.

«Никаких отсрочек, никаких передышек в наступлении на Колчака!» — таково было решение Центрального Комитета партии, решение Ленина.

7. ОСВОБОЖДЕНИЕ УФЫ

Наступление войск Южной группы Фрунзе продолжалось.

23 мая Фрунзе и Куйбышев перевели все штабные учреждения из Самары на восток, в Бугуруслан.

В тот же день, обращаясь из Бугуруслана к войскам Туркестанской армии, Фрунзе писал:

«По приказанию командующего Восточным фронтом я с сегодняшнего дня вступаю в непосредственное командование войсками Туркестанской армии, оставаясь в то же время командующим всеми войсками Южной группы фронта.

Высшее военное командование возложило на нас задачу окончательного разгрома белогвардейских банд, прикрывающих путь за Урал, и ликвидации этим всей колчаковщины.

...Наш первый этап — Уфа; последний — Сибирь, освобожденная от Колчака. Смело вперед!»

Главные силы колчаковцев отходили к реке Белой, на которой они, как видно, надеялись надолго задержать наступление Фрунзе. Река Белая в своем нижнем течении образует с верхним течением Камы почти прямую линию, которая и могла оказаться для Колчака надежным оборонительным рубежом.

К 1 июня все силы Колчака были отведены на восточный берег Белой. По рядам красных полков пошла язвительная шутка:

— Спрятались белые за Белую...

Река Белая представляла собой нелегкое для форсирования препятствие. На восточном, уфимском, берегу стояли высокие, крутые,

покрытые лесом холмы, полуостровами врезывавшиеся на излучинах в стрежень реки. Западный же берег был большей частью ровный и голый. Мосты были взорваны.

Молочного цвета воды реки Белой быстро мчались от высоких меловых гор Южного Урала к камской равнине. Горные реки Сим, Инзер, Уфимка, вливаясь в Белую, делали ее широкой и глубокой. Извилистая река Белая была вся в омутах и водоворотах. Нечего было и думать о броде или переправе кавалерии.

Для обороны Уфы Колчак сосредоточил немалые силы.

Потеряв во время генерального сражения до двадцати тысяч человек пленными, ранеными и убитыми, армия Ханжина, стянувшаяся к Уфе, все еще насчитывала не меньше сорока тысяч штыков и сабель при высокой боевой технике.

Три армейских корпуса пехоты, несколько полков конницы, больше ста артиллерийских орудий, несколько отрядов самолетов — таковы были силы Ханжина под Уфой. Японцы прислали белым специально для обороны Уфы несколько батарей среднекалиберных морских пушек.

Фрунзе вывел свои войска к реке Белой тремя группами. Одна группа (две бригады 25-й дивизии) вышла у Красного Яра, в двадцати с небольшим километрах севернее Уфы. Другая группа подошла к Уфе по зеленой тенистой долине реки Демы, а третья появилась с юга, от Стерлитамака. В ее составе были 24-я дивизия и кавалерия. Кроме того, в районе Бирска на реку Белую вышли части 5-й армии.

В сельце Авдонь, возле Красного Яра, Фрунзе устроил заседание военного совета. Куйбышев, Чапаев, Фурманов, командиры бригад и полков собрались в просторной избе.

Как всегда, Фрунзе ознакомил собравшихся с обстановкой на других фронтах Советской республики.

В это время с целью облегчить Колчаку его положение Антанта поручила белогвардейским генералам Юденичу и Родзянко при содействии белофинских и белоэстонских войск начать решительное наступление на Петроград. Наступление белых было поддержано английской эскадрой, прорвавшейся в Финский залив, чтобы создать угрозу Кронштадту. В тылу Красной Армии на береговых опорных фортах «Красная горка» и «Серая лошадь» эсеры под руководством английских шпионов организовали контрреволюционный мятеж.

На фронт под Петроград двинулись отряды коммунистов. При участии И. В. Сталина и других товарищей, присланных Советом Обороны, был быстро восстановлен боевой дух петроградцев и создан решительный

перелом в ходе военных действий. Белые были отброшены и обращены вскоре в беспорядочное бегство. Быстрота и успешность действий Красной Армии под Петроградом лишили Колчака надежды на ослабление советского Восточного фронта. Однако Ленину чужды были самоуспокоенность и переоценка успехов.

Фрунзе прочел телеграмму Ленина Реввоенсовету Восточного фронта от 29 мая:

«Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы...» [\[21\]](#)

— Эта телеграмма, — сказал Фрунзе, — кладет конец нелепым, но, к сожалению, имевшим место спорам: нужно ли гнать колчаковцев дальше реки Белой. Отвоевать у противника Урал — это значит отнять у него Уфу, Златоуст, Тагил, Екатеринбург. Вот ясная директива Совета обороны. Совершенно очевидно, что форсирование Белой должно быть осуществлено во что бы то ни стало.

Началось обсуждение плана овладения Уфой. В тот же день был получен приказ командующего фронтом: «Форсировать реку Белую, взять город Уфу и преследовать колчаковцев». Этот приказ был отдан С. С. Каменевым вопреки директиве Троцкого.

Тяжелые толстоголовые сомы насторожились в тихих, глубоких своих омутах, когда пушки Двадцать четвертой Железной дивизии загрохотали, открыв огонь по высокому правому берегу реки Белой, напротив башкирского сельца Тюкунева. В ужасе разлетались неутомимые береговые бегуны — кулички, чернозобики, песочники, взмыли со своих заводей и островков кряквы и чайки.

Фрунзе дал приказ потревожить противника в этом месте угрозой форсирования реки Белой и обхода Уфы с юго-востока.

Если бы такая операция — переход Белой возле Тюкуневой — осуществилась, то для Уфимской армии Колчака возникала угроза большого мешка, глубокого окружения.

Фрунзе, как видно, уже успел неплохо изучить психологию колчаковских генералов.

Тотчас для предотвращения наметившейся опасности генерал Ханжин бросил к Тюкуневой лучшие свои, хотя уже и битые Чапаевым силы — каппелевские войска.

Бойцы 24-й Железной предпочли бы, вероятно, тоже, как говорится, «на полном серьезе» схватиться с каппелевцами и поколотить их не хуже, чем это проделали в свое время чапаевцы, однако приказы Фрунзе тоже привыкли уже считать «железными».

«Демонстрация, и только!»

Обстрел района Тюкуновой продолжался... Снаряды Железной дивизии сбивали с высоких красноствольных сосен холмистого правобережья пушистые кроны, а ответные снаряды каппелевцев подымали гейзеры воды из мелких болотцев и озерков на низменных местах левого берега. От Уфы продолжали перебрасываться подкрепления, Каппель и Ханжин нервничали.

Только этого и нужно было Фрунзе. Теперь можно было начинать не демонстративное, а подлинное форсирование Белой в каком-нибудь вполне неожиданном месте. Таким местом намечен был Красный Яр, ниже Уфы, где река делала петлю, клином вдаваясь в расположение красных войск.

Здесь была сосредоточена двухбригадная группа 25-й Чапаевской дивизии, продолжавшей быть основной ударной силой Михаила Васильевича Фрунзе.

Форсирование Белой должно было начаться внезапно с отвлекающей широкой демонстрацией и использованием местных переправочных средств.

Прощупывание слабых пунктов врага было предпринято в ряде мест. В ночь на 5 июня разведывательные группы чапаевцев сумели незаметно для белых захватить небольшой плацдарм в излучине реки Белой у Красного Яра. Одновременно с этим войска 24-й дивизии начали демонстрацию наступления на реке Белой, километрах в тридцати южнее Уфы.

7 июня утром вновь Фрунзе приехал на берег Белой к Чапаеву и приказал ему начать переправу предстоящей ночью.

— Ткачами начнем, Василий Иванович!

Чапаев покрутил ус, помолчал и сказал:

— Да они уж и так себя показали, товарищ командующий. И под Бугурусланом и под Белебеем... Пускай бы другие начинали...

— Начнем ивановцами, товарищ Чапаев, — повторил командарм твердо, и возражать Чапаев уже не стал.

Поздно вечером два пароходика с паромами (чапаевцы захватили их у белых незадолго до форсирования) повезли на вражеский берег бойцов 220-го Иваново-Вознесенского полка. Ни звука, ни огонька.

Самым тихим ходом шли паромы.

Тих, безмолвен был и противоположный берег. Белые не ожидали тут переправы.

К рассвету ивановцы были полностью переправлены на вражеский берег. Загрохотали собранные у Красного Яра батареи. Под прикрытием артиллерийского огня ткачи пошли в наступление и быстро опрокинули

ошарашенного внезапным ударом противника. К пяти часам утра ивановцы заняли деревню Турбаслы и двинулись дальше к Уфе. Уфимские колокольни были уже им видны.

Но в половине восьмого утра неприятель оправился и повел отчаянную контратаку. Офицеры с револьверами шли за цепями, убивая на месте каждого, кто останавливался.

— Утопить красных, сбросить их в реку! — бешено кричали они.

Ожидая подкреплений, ивановцы стойко отбивали надвигающиеся цепи врага. Вскоре кончились патроны. Для обороны остались одни штыки. Подкрепление задержалось. Артиллерия белых заградительным огнем перекрыла дорогу с тыла. Несколько патронных двуколок с боеприпасами взорвалось на пути к 220-му полку от попавших в них вражеских снарядов.

Фрунзе с берегового бугра внимательно следил за ходом боя. Вокруг разрывались снаряды, обдавая его землей. Лошадь фыркала и пятилась. Фрунзе видел, как трудно было сейчас ивановцам.

Враг все смелел, все нажимал. И вот ряды ткачей дрогнули. Они начали медленно отступать. Но когда они уже были близки к тому, чтобы совсем сместить свои расстроенные ряды, ивановцы вдруг увидели, как перед фронтом появилась на конях группа людей во главе с командующим.

— Друзья! Ивановцы! Отступать нам нельзя! За мной! Вперед!

Словно электрический ток прошел по рядам:

— Фрунзе... Фрунзе с нами! Наш Арсений...

Спрыгнув с коня, выхватил Фрунзе у ближайшего бойца винтовку и двинулся против белых, уверенный, что полк пойдет за ним. Командир полка повторил команду:

— Ткачи! Ивановцы! Вперед! За командующим!..

Без стрельбы, со штыками наперевес, кинулись ивановцы за Михаилом Фрунзе.

— Вперед, товарищи! — время от времени подбадривал он бойцов, ведя их бегом на опешившего неприятеля.

Пули свистели вокруг Фрунзе, но он продолжал вести ивановцев в контратаку, и вскоре позиции были возвращены.

Теперь была задача — выйти на Бирское шоссе, ведущее к Уфе. Ивановцы во главе с Фрунзе сбили белых с шоссе, «оседлали» его. Увидев это, начали отходить и фланги белых, ошеломленных глубоким нажимом в центре. Но Ханжин продолжал подбрасывать от Уфы значительные резервы.

Фрунзе немедленно послал ординарца на командный пункт с приказанием подвезти к Бирскому шоссе артиллерию и пулеметы. Прошло

двадцать минут. Ординарец явился с ответом:

— Артиллерия еще не переправлена, а к пулеметам патронов мало...

— Эх, растяпы! — бросил Фрунзе и, вскочив на коня, помчался на командный пункт. Все в нем так и кипело. Когда командир, ведавший переправой, увидел Фрунзе возле себя, он оробел. Никогда таким не был обычно спокойный командарм.

— Где артиллерия?! — закричал Фрунзе, чуть-чуть не схватив командира за ворот.

— Я боялся переправлять артиллерию, товарищ командующий, до закрепления за нами плацдарма, — залепетал тот. — Могла вся артиллерия в руки к белым попасть...

— Немедленно переправить! — резко оборвал его Фрунзе. И сам поскакал к переправе.

Когда пушки появились из-под берегового откоса на бугре Турбаслинской луки, Фрунзе радостно замахал фуражкой:

— Наконец-то, наконец-то!..

Гнев его остыл сейчас же, как только он увидел подпрыгивающие на ухабах орудия и зарядные ящики.

— Скорее, скорее разворачивайтесь! — крикнул он начальнику артиллерии Хлебникову. Он хотел сказать еще что-то, но в этот момент возле него упала бомба, сброшенная пролетающим самолетом белых.

Грянул оглушительный удар. Когда рассеялся дым, артиллеристы увидели Фрунзе на земле, придавленного убитой лошадью.

Начальник артиллерии метнулся к лежавшему на земле командующему. На скаку подал батарее команду:

— С передков снимайсь!..

Спрыгнув с седла, он припал ухом к груди командующего.

— Жив...

Фрунзе был только контужен. Превозмогая боль и слабость, он продолжал руководить сражением, которое стало еще больше разгораться после того, как к белым подошли подкрепления: Ханжин перебросил сюда остатки каппелевцев. Они, по обычаю своему, вступили в бой густыми цепями. Этот вид атаки, бесславно вошедший в историю под именем «психической атаки», не дал им, однако, ничего. Не дрогнули и на сей раз славные чапаевцы. Их пулеметы и винтовки беспощадно косили последних «ударников» Каппеля, в большинстве своем состоявших из офицеров и унтеров царской армии.

Оба знойных дня 8 и 9 июня прошли в ожесточенных боях.

К вечеру 9 июня последний резерв генерала Ханжина был полностью

уничтожен. Раскинувшийся на холмах город Уфа был занят полками 25-й Чапаевской дивизии.

Въехав в Уфу, Фрунзе послал в Авдонь, где лежал на перевязке в лазарете раненный в этом же бою Чапаев, специального ординарца с запиской:

«Поздравляю, Василий Иванович, с новой победой, одержанной храбрыми чапаевцами. Уфа наша, красная».

В своем приказе войскам Южной группы Фрунзе кратко объявлял:

«9 июня после ряда упорных боев доблестными полками 25-й стрелковой дивизии взят г. Уфа. Нами взято много пленных, пулеметов, оружия. Разбитый и понесший огромные потери противник обращен в бегство и спешно уходит на северо-восток...»

За блестящую организацию и проведение победоносного контрнаступления, личное мужество и храбрость, проявленные в боях под Уфой, Фрунзе был награжден орденом Красного Знамени.

Одновременно с Фрунзе (тем же приказом) награжден был орденом Красного Знамени и славный начдив Василий Иванович Чапаев.

Широко задуманный план Колчака — захват Самары, форсирование Волги, соединение с армией генерала Деникина, наступление единым фронтом на Москву — был полностью сорван. На всем Восточном фронте произошел решительный перелом в пользу Красной Армии. Это было поражение империалистической интервенции, имевшее огромное международное значение. Вера в успех покидала колчаковцев. В их рядах началось разложение.

С освобождением Уфы открывался путь на Урал.

Дрогнул весь колчаковский фронт. Советские армии Восточного фронта всюду успешно наступали.

1 июля 1919 года Красная Армия освободила Пермь, 14 июля советские войска овладели главным центром Урала — Екатеринбургом (ныне Свердловск).

Сразу же после овладения Уфой Михаил Васильевич двинул 25-ю дивизию Чапаева на освобождение осажденного Уральска. Он считал эту задачу очень важной и нашел необходимым возложить выполнение ее на чапаевцев. А уральский гарнизон составляла та самая 22-я дивизия, в которой произошел памятный бунт. Но за время пятидесятидневной обороны осажденного Уральска бойцы дивизии честно загладили свою былую вину. Приковав к себе значительные силы белоказаков, Уральск воспрепятствовал нападению с тыла на главные силы Фрунзе, громившие колчаковцев между Бугурусланом и Уфой.

Освобождение Уральска планировалось на 15 июля, но Чапаев уже 11 июля вступил в Уральск, заставив уйти колчаковцев и с железной дороги Уральск — Саратов. В тот же день Фрунзе донес Ленину:

«Сегодня в двенадцать часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город».

14 июля Василий Иванович Чапаев принимал в Уральске на плацу парад героического гарнизона.

Сбиваясь от волнения, трубачи играли «Интернационал» и «Встречу», барабанщики, собрав остаток сил, дробили: «Внимание, смирно!»

По представлению Фрунзе Совет рабоче-крестьянской обороны под председательством Ленина объявил защитникам Уральска особую благодарность и решение выдать красноармейцам и командному составу, выдержавшим осаду, жалованье в трехкратном размере за каждый месяц.

Другим постановлением Совета Обороны 13 июля 1919 года, через два дни после освобождения Уральска, Фрунзе был назначен командующим войсками Восточного фронта, С. С. Каменев решением Пленума ЦК РКП(б) был назначен Главкомом.

Вступив в командование Восточным фронтом, М. В. Фрунзе возобновил жестокие удары по Колчаку. Он проводит новую победоносную, Челябинскую операцию. Один за другим были освобождены 24 июля Челябинск, Ирбит и Верхне-Уральск, 4 августа Троицк и 9 августа Тюмень.

Попытки Колчака удержаться на Урале кончились новым поражением его войск.

Колчак безудержно откатывался за Уральский хребет, на Сибирскую равнину. Вместе с ним отступали и войска интервентов: англичане, американцы, французы, итальянцы, чехословаки, японцы... Спешили удрать подальше в тыл и «высокие советники» — английский генерал Нокс и французский генерал Жаннен. Их «консультации» мало помогли адмиралу.

Колчаковцев и интервентов неотступно преследовали, громили советские армии Восточного фронта, а с тыла били самоотверженные народные мстители — сибирские и дальневосточные партизаны.

Но это не была еще полная победа. Кроме очищения Сибири от колчаковщины на Востоке, предстояло осуществить и другую очень важную военно-политическую задачу — освобождение Советского Туркестана.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ОСВОБОЖДЕНИЕ ТУРКЕСТАНА

1. РАЗГРОМ ЮЖНОЙ АРМИИ КОЛЧАКА

К моменту Октябрьской революции русский Туркестан не был уже такой отсталой частью страны, как во времена детства Михаила Фрунзе.

Уже полностью была закончена железная дорога Оренбург — Ташкент и продолжена в глубь Ферганской долины, далеко за Коканд; строилась Семиреченская линия Ташкент — Пишпек. Все более крепились связи с Центральной Россией.

С помощью русских революционных организаций трудящиеся Туркестана боролись против буржуазно-помещичьего строя, против своих феодалов — ханов, баев и беков... Быстро нарождался собственный туркестанский пролетариат.

Незадолго до Великого Октября летом и осенью 1916 года в ряде областей Туркестана вспыхнули стихийные восстания против царизма, а Февральская революция 1917 года вызвала большой подъем широких народных масс.

Туркестанская буржуазия пыталась в ноябре 1917 года возродить

националистическую «кокандскую автономию» с ориентацией на Англию. Но эта затея была сорвана революционными силами. В декабре 1917 года в Ташкенте собрался краевой съезд рабочих и солдатских депутатов. Он избрал Совет Народных Комиссаров Туркестанского края. Вскоре край был провозглашен Туркестанской Советской Федеративной Республикой.

Огромны богатства Туркестанского края. Альпийские пастбища гор обильно кормят многочисленные отары скота, табуны превосходных скакунов. Плодороднейшая земля оазисов отплачивает за труд, приложенный к ней, миллионами пудов хлопка и риса. Тутовые рощи и сады превращаются в кипы превосходного шелка. А из податливого к обработке лёсса уже много веков назад строились поразительной красоты города, дворцы, мавзолеи, мечети...

Неисчерпаемы богатства недр Туркестана — от угля до нефти, от церезитов до урановых руд, от мрамора до драгоценных металлов.

Неудивительно, что на Туркестанский край давно уже с вожделением поглядывали зарубежные колонизаторы.

В июле 1918 года значительная группа британских войск под командованием генерала Маллесона при помощи националистической буржуазии, контрреволюционных офицеров и эсеров вторглась в пределы Советского Туркестана. В Ашхабаде, Кзыл-Арвате, Красноводске и других городах Закаспийской области советская власть временно пала.

Советское Туркестанское правительство и командование советских войск тотчас же для отпора врагам образовали Закаспийский фронт. Началась многомесячная, очень нелегкая борьба на два фронта: на севере Туркестана — против колчаковщины, на юге — против интервентов.

Временные успехи Колчака окрыляли контрреволюционные силы и усложняли положение советской власти в Туркестане. Край кишел отрядами басмачей, то есть либо просто бандитов, либо контрреволюционных повстанцев, шедших за муллами и беками под лозунгом «священной войны».

Главную свою ставку интервенты делали на двух крупнейших феодалов, сохранившихся еще в пределах Туркестана: на эмира бухарского Сеид-Алима, сохранявшего власть над Бухарой (включая территории нынешнего Таджикистана), а также на хивинского диктатора — авантюриста бека Джунаида. Но ненависть у народов Туркестана к интервентам и контрреволюции была настолько велика, что, несмотря на все огромные трудности и лишения, несмотря на оторванность от центра, Туркестанская Советская республика так и не сложила оружия, устояла против всех врагов на протяжении 1918–1919 годов.

После побед, одержанных советскими войсками под командованием Фрунзе, отступающая армия Колчака оказалась рассеченной на северную и южную группы. Возникла необходимость разделить армии Восточного фронта на два направления: Восточное и Туркестанское, появилась возможность протянуть руку помощи Советскому Туркестану.

Как раз для этого Ленин и предложил создать особый, Туркестанский фронт, командование которым, по его же предложению, было возложено на уроженца Киргизии М. В. Фрунзе.

Одновременно Фрунзе был введен в состав комиссии ВЦИК и ЦК РКП(б) по делам Туркестана, с самыми широкими политическими полномочиями.

В эти дни Фрунзе невольно тревожился о семье, оставшейся на территории, захваченной врагом.

Пока Михаил Васильевич был командующим 4-й армией и Южной группой Восточного фронта, опасность для его матери и близких оказаться в руках «черного адмирала» Колчака в роли заложников или прямых жертв была несколько меньшей. Не сразу могли догадаться, прониюхать колчаковские ищейки, что красный командарм Фрунзе-Михайлов является сыном скромной верненской жительницы — Мавры Ефимовны Фрунзе.

Но когда Михаил Фрунзе волею партии и Советского государства стал командующим Туркестанским фронтом и весть об этом, несомненно, дошла до самых отдаленных уголков «колчаковии», то есть мест, бывших еще доступными для «верховного правителя», нетрудно понять, насколько возросла угроза жизни и безопасности его матери, сестер, брата Константина...

Как выяснилось впоследствии, колчаковский эмиссар в Семиречье атаман Анненков действительно узнал о родстве Мавры Ефимовны с красным полководцем Фрунзе и пытался организовать ее розыски, чтоб захватить в качестве заложницы. Великих трудов стоило Мавре Ефимовне с помощью друзей и знакомых на протяжении какого-то времени скрываться от колчаковских агентов, находясь в своеобразном подполье.

Михаил Васильевич не ошибался, предполагая возможность всего этого. И хотя он всячески старался скрывать от окружающих, даже от ближайших сотрудников по штабу фронта, свое беспокойство о судьбе матери, сестер и брата, все же нет-нет да и прорывалось это естественное человеческое чувство.

Обстановка, сложившаяся к концу лета 1919 года, властно требовала тесного взаимодействия фронтов: Восточного, полностью переместившегося в Сибирь, где еще пытался удержаться и закрепиться

Колчак; Туркестанского, против которого действовали уральские, оренбургские и семиреченские белоказаки; Южного, сдерживавшего натиск основных сил Деникина, рвавшихся к Москве; Западного, где белополяки захватили Минск и Борисов.

Антанта вела теперь против Советской республики второй поход. На этот раз главная ставка делалась на генерала Деникина, носившего титул «главнокомандующего вооруженных сил Юга России».

Базой Деникина были Северный Кавказ, Дон, Крым, южная часть Украины. Сам мечтавший о «верховой» власти, Деникин начал свое наступление позже, чем требовал Колчак, как раз тогда, когда уже началось отступление «черного адмирала». Теперь подкрепления Антанты шли главным образом к Деникину. К штабу Деникина были прикомандированы военные и дипломатические представители Англии и Франции. Первый этап действий Деникина протекал для него успешно. В конце июля он уже приближался к центральным районам России.

Однако на своем правом фланге Деникин не мог похвалиться успехами. Здесь действовала его так называемая Кавказская армия под командованием небезызвестного генерала Врангеля. Ей противостояла Астраханская группа советских войск, где членом РВС был С. М. Киров. После образования самостоятельного Туркестанского фронта эта группа была переименована в 11-ю армию, вошедшую в подчинение Фрунзе.

Белая армия Врангеля должна была по заданию Деникина разбить 11-ю советскую армию Туркестанского фронта, занять Астрахань и соединиться с Уральской колчаковской белоказацкой армией Толстова, занимавшей нижнее течение реки Урала и местность, прилегающую к Каспийскому морю.

Но сколько ни старались белые подойти к Астрахани, ничего у них не получалось: всякий раз их жестоко били у Черного Яра, неприступного форпоста 11-й армии.

«Пока в Астрахани есть хоть один коммунист, устье Волги было, есть и будет советским», — говорил Киров.

3 сентября Фрунзе лично выехал в 11-ю армию и пробыл там до 10 сентября. Вместе с Куйбышевым и командованием армии он проверил войска на важнейших участках и руководил подготовкой наступления против деникинско-врангелевских сил.

23 сентября 1919 года произошло авангардное соединение войск 10-й армии (штаб которой был возле Саратова) и 11-й армии (штаб которой был в Астрахани). Угроза захвата нижнего плеса Волги и особенно ее форсирования была отражена.

Но нельзя было забывать и об основных задачах Туркестанского фронта — об освобождении Казахстана и Туркестана.

Фрунзе внимательно следил за поведением противника в Туркестане. Нужно было опередить активные действия белогвардейского командования и на этом направлении.

1-я армия Туркестанского фронта, начав наступление, громила Южную армию колчаковцев, загораживавшую путь в Туркестан.

Навстречу 1-й армии из Туркестана по приказу Фрунзе двигалась с боем от Аральского моря, на северо-запад, вдоль железной дороги, атакуя белых с тыла, Особая Казалинская группа войск.

4-я армия Туркестанского фронта выполняла не менее важную задачу, поставленную Фрунзе, — овладеть Уральской областью и всем течением реки Урала до самого Каспия.

Выполняя советы Ленина, Фрунзе умело сочетал смелые, быстрые и решительные боевые действия войск с широкой агитационно-пропагандистской, разъяснительной работой среди войск противника. Закаленный большевик Фрунзе знал цену живому, правдивому слову — слову, западающему в душу человека, хорошо понимал значение морального фактора на войне.

Часто взмывали в воздух краснозвездные самолеты с многими тысячами отпечатанных листовок. Медленно колыхаясь в воздухе, летели они вниз, на притихшие казачьи станицы, поля, перелески, степи, речные камыши, овраги и яры, в расположение белоказачьих и колчаковских полков. Торопливо ловили белые солдаты и казаки листовки, прятали их от офицеров.

Простыми и ясными словами в листовках рассказывалось о поражениях Колчака, о происках интервентов, о силе Красной Армии, о безнадежности дальнейшего сопротивления белых. В листовках объявлялось полное прощение всем переходящим на сторону Красной Армии казакам. Каждый казак, ознакомившийся с такой листовкой, мог спокойно перейти линию фронта и сдать советским бойцам без страха за свою участь.

«Ты можешь быть немедленно отпущен по своему выбору домой к семье и хозяйству или, если изъявишь желание, зачислен в ряды Красной Армии с почетным званием «красного казака»...» — гласили листовки.

Белогвардейские офицеры не в силах были помешать этой агитации с воздуха. Казаки читали листовки, смысл их легко доходил до сознания тысяч людей, насильственно вовлеченных в белогвардейскую авантюру.

— А ведь дельно написано! — обсуждали бородатые оренбургские

казаки, истосковавшиеся по миру, дому, семье, хозяйству, но все дальше уводимые своими неудачливыми атаманами от родных мест, в Орско-Актюбинскую степь, под непрекращающимся натиском Красной Армии.

Учащались переходы казаков через боевую линию, сдача их советскому командованию с предъявлением «воздушной амнистии» — листовок, составленных под личным наблюдением Михаила Васильевича Фрунзе.

13 сентября блестящее наступление 1-й армии завершилось полным разгромом всей Южной армии Колчака. На станции Мугоджарской произошла встреча войск 1-й армии и частей, шедших со стороны Туркестана. Радостной была эта встреча, особенно для воинов Туркестана. Никогда не слыхала маленькая степная станция Мугоджарская такого мощного русского «ура» в честь Красной Армии, Советской республики и ее вождя Ленина.

14 сентября Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину:

«Сейчас получено сообщение о соединении войск

1-й армии с Туркестаном. Из Челкара прибыл в Актюбинск поезд с ранеными, что говорит о целостности на этом участке железнодорожной линии. Войска Туркестанского фронта поздравляют вас и Республику с этой радостной вестью».

Ответом на эту новую большую победу было постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, вынесенное по предложению Ленина и подписанное им. От лица Совета Обороны всем командирам и красноармейцам Туркестанского фронта объявлялась благодарность.

К. Е. Ворошилов, оценивая проведенную Фрунзе операцию, писал:

«Им задуманная, а затем блестяще проведенная операция воссоединения отрезанной и задыхающейся в тисках вражеского окружения небольшой революционной армии Туркестана с победоносными частями Восточного фронта только подтвердила и окончательно упрочила за Михаилом Васильевичем репутацию и славу подлинного полководца...»

2. ГИБЕЛЬ ЧАПАЕВА

Предстояло очистить от белых войск большое пространство Арало-Каспийской низменности по обоим берегам реки Урала до самого Каспия. Эта задача лежала на 4-й армии Туркестанского фронта, той самой, с командования которой Фрунзе начал свой путь полководца.

Основной силой 4-й армии по-прежнему была прославленная 25-я

стрелковая дивизия под командованием Чапаева. В составе ее оставались и иваново-вознесенцы.

Заняв Лбищенск и другие населенные пункты, Чапаевская дивизия оказалась на пороге дикой и безлюдной прикаспийской степи, где на сотни километров, до самого Калмыковска, не было ни одного значительного населенного пункта, встречались лишь казахские степные аилы возле редких колодцев.

2 сентября Чапаев расположился в Лбищенске, готовясь к дальнейшему походу на юг.

Белоказачье командование выследило расположение штаба 25-й дивизии и решило совершить налет на Лбищенск.

В ночь на 5 сентября 1919 года конный казачий отряд численностью около пяти тысяч сабель, с пулеметами и орудиями напал на спящий город.

Всегда бдительный, искушенный в особенностях степной войны, на сей раз Чапаев почему-то не проявил должной осторожности, не развернул достаточно широкой линии надежного сторожевого охранения.

Охрана города и штаба оказалась недостаточной. Сил для сопротивления было мало.

Комиссар 25-й дивизии Дмитрий Фурманов незадолго до этой трагедии получил назначение в штаб фронта и уехал. Вместо него комиссаром дивизии остался другой иваново-вознесенец, тот самый Павел Степанович Батулин, который помогал Фрунзе выбраться из Читы в Москву, а затем — под новым именем — в Минск.

Против вооруженных до зубов казаков, знавших каждую улицу и дом в этом городке, оказались в основном только работники штаба дивизии да отряд охраны с небольшим количеством пулеметов и ручных гранат. Застигнутые врасплох, Чапаев и его соратники упорно защищались, но исход был предрешен внезапностью нападения и численным превосходством противника.

Чапаев в бою был ранен в голову и руку. Отходя к реке Уралу, ординарцы бережно спустили Чапаева с крутого берега к воде. Чапаев был хорошим пловцом, он поплыл, а ординарцы на берегу отстреливались, привлекая огонь врага на себя. Они погибли, но погиб и легендарный герой Василий Иванович Чапаев. Пули белогвардейского пулемета настигли его на середине реки. Погиб и Павел Батулин.

Долго потом ходила народная молва, что спасся легендарный Василий Иванович Чапаев и, уйдя в Уральскую степь, снова, ведет свои полки в бой, снова громит вражеские силы. Народ не хотел верить гибели своего любимого героя. Он и сейчас живет в памяти народной.

Скорбным, траурным вставанием почтило память Чапаева экстренное заседание Реввоенсовета Туркфронта. В увековечение славной памяти героя Реввоенсовет по предложению Фрунзе постановил:

- «1. Присвоить 25-й дивизии наименование дивизии имени Чапаева.
2. Переименовать родину начдива Чапаева гор. Балаково в гор. Чапаевск».

Новый начдив, далеко не обладавший качествами легендарного Чапаева, вместо решительного отпора врагу отвел части дивизии из района Сахарной и Лбищенска к северу и поставил фланги под удар врага, в результате чего Сломихинская также была оставлена, а на Уральском направлении противник продвинулся к городу Уральску на 20–25 километров.

10 сентября взволнованный и возмущенный Фрунзе дал два телеграфных приказа командарму 4:

«Отвод частей 25-й дивизии к северу за линию Лбищенска считаю преступным и не вызывающим обстановкой деянием. Приказываю объявить врид начдиву... строгий выговор... Ближайшей задачей армии ставлю выдвигание на линию Лбищенск — Джамбейта и прочное закрепление на ней».

«В связи с катастрофой, постигшей штадив 25. вновь обращает на себя внимание факт неисполнения моих указаний об укреплении всех стоянок войсковых частей и строжайшем несении службы охранения.

Приказываю проверить состояние укреплений всех указанных мест и в случае обнаружения небрежности и халатности в этом отношении с чьей бы то ни было стороны виновных расстреливать».

В связи с недостаточными успехами на фронте 4-й армии и гибелью Чапаева Фрунзе обратился с приказом к войскам Туркестанского фронта и в нем особо к войскам 4-й армии:

«Я ожидаю от всех войск 4-й армии строгого и неуклонного исполнения их революционного долга. Ожидаю, что их мощный, сокрушительный удар разобьет все надежды врага... Теснее смыкайте ряды, товарищи, крепче сжимайте винтовки в руках и смело вперед на полуиздыхающего, но все еще дерзко сопротивляющегося врага».

Ленин, озабоченный задержкой наступления 4-й армии, дал Фрунзе директиву:

«Реввоенсовет Туркфронта. Фрунзе.

Все внимание уделите не Туркестану, а полной ликвидации уральских казаков всяческими, хотя бы и дипломатическими мерами. Ускорьте из всех сил помощь Южфронту...» [\[22\]](#)

Фрунзе в точности выполнял указания Ильича. Почти вся 4-я армия была брошена им на разгром летучих конных сил генералов Толстова и Савельева в приуральскую степь. Станица Сломихинская, Джамбейтинская ставка, Ханская ставка, Калмыковск, Гурьев — таков был путь, который предстояло совершить 4-й армии. Ей надо было пройти более пятисот километров по грунтовым дорогам, по очень редким разоренным селениям, при недостатке продовольствия, фуража в суровую зимнюю стужу.

*

Тем временем Красная Армия в упорных боях одерживала большие победы и на других фронтах.

Одним из важнейших мероприятий, направленных на разгром Деникина, была организация Первой Конной армии под командованием товарищей Ворошилова, Буденного и Щаденко. В октябре — ноябре 1919 года белым были нанесены весьма ощутительные удары под Орлом, Воронежем и Касторной. Первая Конная армия врезалась в деникинский фронт на главном Донбасском направлении.

В начале декабря 1919 года Фрунзе выехал в Москву на VII Всероссийский съезд Советов. Здесь, в Кремле, перед открытием съезда снова состоялась волнующая встреча с Лениным.

Неоценимые подробности этого свидания сохранила для истории живая запись С. А. Сиротинского, сопровождавшего Фрунзе в этой поездке:

«Михаил Васильевич хотел сразу же доложить о всей проделанной работе. Но Ленин не позволил ему: спрашивал о здоровье, о настроении; даже о таких мелочах, которым Фрунзе никогда не придавал значения. Постепенно беседа перешла на вопросы о положении на фронтах, о голоде, разрухе. Разговаривая, они подошли к карте, и Михаил Васильевич принялся рассказывать Владимиру Ильичу о борьбе с Колчаком, показывая на карте положение армий, фронтов, объясняя маневры отдельных операций. Владимир Ильич слушал и внимательно следил за движением руки Фрунзе.

— Молодцы! — выслушав Фрунзе, произнес он. — Герои! Такую армию, как армия Колчака, разбили, а? Историки изучать потом будут ваши операции, товарищ Арсений. А нас ведь здесь запугивали: фантазия, мол, бред — контрнаступление, ничего-де не выйдет, отступать надо. А вот и вышло! — Ленин подошел блинке к Фрунзе и, смотря на него сияющими глазами, повторил: — Вышло! И еще выйдет! — Он широким взмахом руки

провел по карте.

Вернулись к столу. Опять и опять Ленин заставлял Фрунзе рассказывать о боях, о состоянии армии. Слушая, Владимир Ильич время от времени отмечал что-то у себя в блокноте. Потом, как бы спохватясь, сказал:

— Не устали? Может быть, вам отдохнуть надо немного, а?

— Что вы, Владимир Ильич!

— Верно, потом отдохнем. Хорошо отдохнем! Ведь вы туркестанец?

— Да. В юности жил в Семиреченской области.

— Видите, как удачно, — оживился Ленин. — Замечательно. Вы хорошо знаете этот край?

— Знаю, даже язык знаю, правда — больше киргизский.

— Это совсем клад, — усмехнулся Владимир Ильич. — А молчите, скромничаете.

Они снова вернулись к карте.

— Вот видите, — показывая на карту, продолжал Владимир Ильич. — Наши города — Москва, Петроград, Тула, Иваново, Ярославль... Промышленные центры, а заводы и фабрики стоят. Нас бьют блокадой, голодом. Мы отрезаны от хлебных районов, от угля, от нефти, от хлопка. Открыв дорогу в Туркестан, мы еще не очистили его от врагов Советской республики; еще предстоит серьезная и упорная борьба. Контрреволюционные банды в Туркестане опираются на помощь англичан...

— А ведь мы можем их прищемить, Владимир Ильич, и сильно прищемить! — сказал Михаил Васильевич.

— Вы так думаете? Уверены?

— Безусловно. Туркестан мы очистим от контрреволюционной нечисти. Заверяю вас в этом. А здесь, — Фрунзе показал на линию границы... — отсюда можем пугнуть интервентов, да так, что в Лондоне слышно станет...

Когда беседа подошла к концу и Фрунзе начал прощаться, Владимир Ильич сказал ему:

— Ждем от вас добрых вестей, товарищ Арсений. От души желаю удачи!..»

На съезде, в отчетном докладе правительства Ленин отметил огромное значение побед, одержанных на Восточном фронте.

На съезде выступал и Фрунзе. Восторженно приветствовал съезд скромного, но славного советского полководца.

После съезда Фрунзе заехал в Иваново-Вознесенск. а Кострому, в

Шую. Во всех этих городах он выступал перед широкими собраниями трудящихся, как бы отчитываясь перед ними в своей деятельности за истекший год. Всего лишь год прошел с момента его выезда на фронт, а какой обильный событиями путь был пройден.

На этот раз Фрунзе приехал сюда уже прославленным советским полководцем, но, как и прежде, сразу же узнавали ивановские, шуйские, костромские ткачи своего бывшего товарища — Трифоныча-Арсения — в коренастом, одетом в кожаную куртку человеке. Только отпущенная за это время борода отличала его от прежнего голубоглазого, румяного юноши.

Рабочие горячо откликнулись на призыв Фрунзе помочь фронту окончательно расправиться с белогвардейцами.

«...Приветствуем товарища Фрунзе, как одного из талантливейших и самоотверженнейших руководителей нашей Красной Армии, выдвинутых после Октябрьской революции. Просим передать привет Иваново-Вознесенскому 220-му полку и всем мобилизованным иваново-вознесенским рабочим и крестьянам, находящимся в рядах Туркестанского фронта... Рабочие и крестьяне тыла пребудут крепкими и твердыми до конца...» — так сказали иваново-вознесенские рабочие и бойцы гарнизона.

Возвратившись на фронт, Фрунзе с утроенной энергией продолжал руководить боевыми действиями войск.

5 января 1920 года была одержана окончательная победа на Урало-Каспийском направлении. Войска 4-й армии освободили порт Гурьев.

Покидая этот важнейший после Астрахани пункт на северном побережье Каспийского моря — в устье реки Урала, белоказаки подожгли Ракушечную пристань Доссорских нефтяных промыслов, но огонь был погашен самоотверженными бойцами-победителями. Было спасено 12 миллионов пудов нефти.

«Сердечно поздравляю, — телеграфировал Фрунзе 5 января Реввоенсовету 4-й армии, — геройские войска 4-й армии и их доблестное командование. Ни недочеты снабжения, ни ужасающие условия борьбы в пустынных и безводных местностях, ни страшное действие тифа, уносившего из наших рядов сотни и тысячи честных борцов, не удержали их стремительного удара. Гурьев взят, и красное знамя смотрится в волны Каспийского моря. Полкам, первым вступившим в Гурьев, полкам и командованию славной 25-й дивизии, всем частям и полкам 4-й армии и их доблестному командованию — ура!»

Тысячи белоказачков сдались войскам Фрунзе. Остальные были вынуждены бежать к берегам

Аральского моря, где их добила голод и зной, песчаные бури и

безводье сплошных солончаков.

— Расплатились и за Василия Ивановича! — сказал Фрунзе в штабе, подписывая в тот же день, 5 января, телеграмму Ленину:

«Уральский фронт ликвидирован. Сегодня на рассвете кавалерия Н-ской армии, пройдя за три дня 150 верст, захватила последнюю вражескую базу — Гурьев и далее до берегов Каспия. Подробности выясняются. В глубине киргизской степи между Уилом и Калмыковском взят в плен штакор Илецкого».

За весь период боевых успехов войсками, руководимыми Фрунзе, было взято огромное количество трофеев. По приблизительному подсчету, со времени Бугурусланской операции и кончая взятием Гурьева было захвачено у противника около 100 тысяч пленных, 600 пулеметов, 150 орудий, миллионы снарядов, более 10 тысяч винтовок, 6 аэропланов, десятки легковых и грузовых автомобилей, паровозы, громадное количество вагонов, технические и санитарные поезда, бронепоезда, броневики, радиостанции и прочее.

В феврале была одержана новая победа в Закаспии. Войска 1-й армии освободили главный среднеазиатский порт на Каспийском море — Красноводск. Огромный Закаспийский край (ныне Туркменская ССР и часть Узбекской ССР), находившийся почти два года под гнетом интервентов и белогвардейцев, был очищен от захватчиков.

Освобождение Закаспия в целом и в частности его главных городов — Ашхабада и Красноводска — войсками 1-й армии проводилось под руководством члена Реввоенсовета Туркестанского фронта В. В. Куйбышева и заместителя командующего Туркестанским фронтом Ф. Ф. Новицкого — ближайших помощников Фрунзе по разгрому Колчака.

Куйбышев лично осуществил с одним из отрядов Красной Армии очень трудный поход через Кара-Кумскую пустыню. Пройдя через пески, он вышел в тыл врага. Отступление для отряда было невозможно, так как отряд не располагал ни продовольствием, ни водой, для того чтобы вновь идти по раскаленным пескам. Только полный успех, победа — такова была задача!

«Условия пути были кошмарные, — писал позднее Куйбышев, — особенно днем. Стояла невыносимая жара, температура доходила до шестидесяти градусов, воды мало, на каждого полагалось в день лишь по три стакана, — нельзя было не только освежиться водой при этой температуре, но даже полностью утолить жажду. Особенно в кошмарных условиях была пехота: несмотря на большие обозы, мы не могли разместить всего по вьюкам на лошадях и верблюдах, и многие вещи

красноармейцы несли на себе».

Удар этого отряда, вышедшего через пески на станцию Айдын, был настолько неожиданным, что на донесении, которое было доставлено белогвардейскому генералу Литвинову, тот наложил резолюцию:

«Арестовать паникеров. Чтобы в 4 километрах могли очутиться красные — это исключено!»

Тем не менее через несколько часов все силы белогвардейцев и интервентов, расположенные в районе станции Айдын, вместе с генералом Литвиновым в панике бежали, бросив склады и значительную часть своего оружия.

С освобождением Ашхабада и Красноводска одна из главных задач войск Туркестанского фронта была выполнена. Однако Туркестан еще кишел крупными бандами басмачей, активно действовали отряды белогвардейцев. Кроме того, огромную территорию юго-восточного Туркестана — от Бухары до Памира — контролировал крупнейший феодал, эмир бухарский, непримиримый враг Советской России.

3. К РОДНЫМ МЕСТАМ

Конец января 1920 года... Воеет свирепая снежная вьюга. Специальный поезд командующего Туркестанским фронтом Фрунзе приближается к Актюбинску, направляясь в Ташкент.

Вот и станция Актюбинск, занесённая снегом. На посту у пакгауза часовой.

Фрунзе вышел из своего вагона, подошел к часовому.

— Товарищ! — окликнул он.

Молчание. Командующий дотронулся до плеча неподвижного часового, пошевелил, потряс его. Ни малейшего признака жизни: замерз, не дотянув до смены...

Почетный караул, высланный на станцию полувзвод стрелков, ежился и стучал зубами на лютном ветру, бешено рвавшемся к Аральскому морю из Сибири, от Орска... Начальник гарнизона доложил, что согласно приказу гарнизон готов к смотру. Но сказал он об этом как-то угрюмо, натянуто.

— Показывайте... — кивнул командующий.

Вместо двух полков, что числились в составе Актюбинском укрепрайона, два неполных батальона оказались выведенными на смотр. Бойцы были плохо одеты.

— А где остальные? — с недоумением спросил Фрунзе у начальника гарнизона.

— По госпиталям, товарищ командующий, — ответил тот почтительно и мрачно.

— Что ж, давайте по госпиталям смотр им проведем... — сказал командующий.

И он отправился с обходом. Совсем уже страшные открывались картины перед издавшим виды Фрунзе. Госпиталь в Актюбинске был формально один, но он стихийно разросся за счет гражданской больницы, ряда учрежденческих помещений. Живые лежали вперемежку с мертвыми, без коек, на полу, на соломе, сотни тифозных, обмороженных пехотинцев, артиллеристов, конников. Стены и потолки защищали только от снега да ветра.

Командующий впился взглядом в побуревшее от смущения лицо главного врача.

— Это преступление! Я предаю вас суду Ревтрибунала, главврач...

И вдруг рослый, бородатый доктор заплакал, закрыв лицо руками.

— Д-да ведь-дь д-дров же нет... — сквозь всхлипывание донеслось до Фрунзе. — Весь Актюбинск на краю гибели... Замерзаем поголовно... голодаем... врачи, сестры, санитары сами мрут...

Это была правда. Фрунзе вспомнил, как начальники попутных станций нередко отказывали даже его поезду, поезду командующего Туркфронтом, в полене дров. Холод, ледящий кровь мучительный холод был сейчас полновластным хозяином на тысячеверстной дороге. Бесконечная шестилетняя война истощила все запасы — дров, угля, нефти...

Фрунзе помолчал и, махнув рукой, пошел к выходу.

У порога он обернулся и сказал:

— Извините за вспышку, доктор... Я постараюсь принять

необходимые меры...

Озабоченный, темный как туча, молча вернулся Фрунзе в вагон. Тотчас большие телеграммы полетели в Москву, Самару, Оренбург. Весь людской состав своего поезда командующий направил по госпитальным помещениям— отогреть, кормить, спасти еще не погибших...

В Актюбинске поезд Фрунзе застрял на целых одиннадцать суток. Подбрасываемые небольшие количества топлива командующий тотчас же передавал в госпитали.

С линии приходили потрясающие вести. Один эшелон сжег три четверти своих вагонов. Когда «самоуплотняться» таким способом стало уже невозможно, эшелон построился боевым порядком на рельсах и двинулся с оркестром навстречу либо гибели, либо благословенному горячему солнцу Средней Азии, Другой эшелон поступил хитрее. Для прожорливой паровозной топки командир приказал вынимать из-под поезда шпалы, через одну. Когда об этом стало известно Фрунзе, он по телеграфу предал «изобретателя» суду и оповестил об этом всю дорогу...

12 февраля Фрунзе телеграфирует из Актюбинска командующему Заволжским военным округом: «Выехать до сих пор не удалось. Дожидаемся прибытия дровяного поезда из Оренбурга, и если он подойдет к вечеру, то, может быть, завтра в ночь выедем. Задержка еще на сутки произойдет из-за необходимости распиливать дрова...»

Но вот на двенадцатый день стоянки пришел состав с дровами, которые надо было еще пилить. Вместе с бойцами — охраной поезда — Фрунзе взялся за пилку дров. Большую часть и этого топлива он немедленно передал Актюбинску.

Паровоз не без труда сдвинул примерзшие к рельсам вагоны, затем хрипло, но бодряще свистнул, выбросил из заиндеветшей трубы клубы серо-черного дыма и двинулся в путь, к теплу Туркестана. Там-то была уже весна!

И вот, наконец, после многих дней мучительного холода показалось над необозримой казахской степью еще не жаркое, но уже теплое солнце. Это было родное, среднеазиатское солнце, намного раньше, чем в Москве, согревающее землю.

Каждый час приближал Михаила Фрунзе к родине, к горам Алатау, к Пишпеку и Ташкенту.

Вот выросли одетые снегом вершины Чимгана, навевающие летом прохладу на разморенный зноем Ташкент. Вот Келес мелькнул, вот гроыхнул поезд по высокому мосту через Боз-су с деревянным старинным акведуком. Высокие чинары и кара-тереки, еще прозрачные, струились

тонкими ветвями в светло-голубое, как кисея, небо. Солнце еще не слепило и не жгло. Вот потянулись желтые домики ташкентской окраины. Арбы с высокими скрипучими колесами замелькали на перекрестках.

Вот и вокзал, наконец... Поезд остановился. Оркестр грянул «Интернационал». Заместитель командующего Туркестанским фронтом Новицкий торжественно подошел с рапортом. Вытянулись встречавшие, приложив руки к козырькам.

Из-за штыков почетного караула, из-за плеч высших военных работников — Куйбышева, Новицкого и других — на Михаила Фрунзе вдруг глянули хорошо знакомые, родные глаза. Это был брат — врач Константин Васильевич, «брат Костя», с которым когда-то делил он и горе, и радость, и черствую краюшку хлеба, и кров в глиняном домике верненского писца. Константин Фрунзе работал теперь врачом в Ташкенте.

С трудом удержался командующий фронтом, едва не нарушив уставной церемонии. Чуть-чуть не вырвалось: «Костя! Ты ли?»

А потом, когда добрался до него сквозь густую толпу встречавших, засыпал вопросами:

— Что мать? Где она? Жива ли? Здорова ли?

Оказалось, что мать жива. Все это время она жила с одной из дочерей в городе Верном. Колчаковской агентуре не удалось ее обнаружить.

— Эх, ведь сколько лет не виделись! Поехать бы к ней сейчас же, помчаться!.. Да никак нельзя, Костя! — качает головой Михаил Васильевич.

Ожили в мельчайших подробностях картины не столь уж, в сущности, далекой юности. Ему, Михаилу Фрунзе, теперь тридцать пять лет, брату — тридцать девять... Свежи еще в памяти годы ученья, поездки из Верного в Пишпек, путешествие по горам Тянь-Шаня и Алатау.

— Горам я немало обязан... — как бы спускаясь откуда-то сверху, с задумчивой улыбкой говорил Фрунзе брату. — Они меня, Костя, и в тюрьмах подымали... Над отчаянием, над тоской бессильной. Как вспомню горы — словно взлечу, и сразу легче становится все переносить: издевательство всякое, возню с «парашами», даже смертные приговоры, о которых ты знаешь.

— А мы тебя, Миша, уже и не чаяли видеть в живых... Вдруг слышим — Фрунзе, Михаил Фрунзе ведет одну из красных армий на Колчака, потом в Туркестан... И верим и не верим... Неужели наш Миша? Да где же он этому делу научился... стратегии... тактике?..

Город Ташкент был похож в те дни на военный лагерь. Большой белый дом, одно из немногих трех-этажных зданий Ташкента того времени, был

занят штабом командующего Туркестанским фронтом Михаила Фрунзе.

Весть о приезде нового командующего разнеслась очень быстро. Особенно поражало местных жителей— узбеков, что у него была борода.

— Сакал бар... Сакал бар... [23] — слышалось всюду.

Борода много значила в глазах мусульман. Борода была признаком умудренности, знаний, опыта. А когда стало известно по кишлакам, что новый советский начальник — уроженец Туркестана, хорошо знает местные языки и обычаи, то муллы и баи совсем насторожились.

— Такого зря не пошлют...

Да, Ленин знал, кого послать в Туркестан!

В день своего прибытия в Ташкент Фрунзе обратился к войскам:

«Сегодня, 22 февраля, я с полевым штабом прибыл в Ташкент и вступил в непосредственное командование войсками, расположенными в пределах Туркестана.

Первая мысль и слово обращаются к вам, красные воины старых туркестанских формирований.

В беспримерно тяжелых условиях, отрезанные отовсюду и лишенные братской помощи рабоче-крестьянской России, отбивая бешеные атаки врага извне и внутри, вы были грозным и стойким часовым революции здесь, в Туркестане.

...Вы без различия языка, религии и национальности объединились в братский военный союз рабочей, крестьянской и дехканской бедноты и спасли положение. Вы заслужили величайшую признательность социалистического отечества и пролетариата всего мира.

От имени высшего командования Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, от имени верховного органа ее Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я приветствую вас и именем Республики приношу сердечную благодарность за ваши труды на благо трудящихся...»

Фрунзе тщательно изучает обстановку в Туркестане, все взвешивает, анализирует, делает выводы.

Карта Туркестана не была для него лишь прихотливым узором рек, горных цепей, рубежей и дорог. Карта страны дышала на него дыханием живых людей, настрадавшихся от былого несправедливости.

В первой половине марта войска Фрунзе громят в Семиречье белогвардейские войска Анненкова, Дутова, Щербакова. В начале апреля значительная часть этих войск сдалась, а разрозненные, разбитые остатки, преследуемые частями Красной Армии, вместе с главарями бежали за китайскую границу, в район Кульджи.

Вскоре после прибытия в Ташкент Фрунзе поехал по солнечной стране. Его поезд шел медленно, останавливаясь почти на всех станциях, больших и малых.

21 марта Фрунзе был в Полторацке (Ашхабаде), 23–24 марта — в крепости Кушка, 25 марта — в Таш-пери, 31 марта — в Самарканде, 18 апреля — в Андижане, 23 апреля — в Коканде.

Всюду, куда приходил поезд, выступал Фрунзе на собраниях восторженно приветствовавших его железнодорожников. Неоднократно на линию дороги делали налеты басмаческие отряды, но Фрунзе смело посещал попутные кишлаки то верхом, то в машине, имевшейся при поезде.

— Смотрите, друзья, — говорил он дехканам, — солнце светит здесь ярче, чем в других краях нашего государства, земля родит в десять раз щедрее, но хозяевами солнца, земли и вод все еще считают себя беки и баи. Не пора ли с этим покончить? Берите сами власть над землей и водой в свои руки. Штык кзыл-аскера ^[24] защитит вас от всех, кто попытается вам помешать...

Дехканам нравилось то, что говорил им посланец Ленина, посланец новой, Советской России. Но когда они расходились по своим глиняным ичкари ^[25] и кибиткам, кази и баи с пеной у рта шипели:

— Не верьте кзыл-генералу. Он обмануть вас старается.

Сердито посапывая чилимами ^[26], галдели баи, сидя на засаленных коврах в чайханах под высокими придорожными тутовниками, вязами и чинарами. Они выдумывали разные небылицы, но дехкане верили им все меньше и меньше.

«Кзыл-генералу» Михаилу Фрунзе, испытавшему так много жестокостей, даже зверств со стороны царских прислужников, была органически чужда, более того — ненавистна всякая жестокость. Мягкость, доброта, великодушие поражали в нем всех, кто его знал. Иной раз дело доходило даже до упреков: дескать, к лицу ли командующему фронтом быть снисходительным к ошибкам, промахам и недостаткам людей?

Но при всем том, когда требовали интересы революции, когда речь шла о высоком авторитете Красной Армии, о ее чести и славе, Фрунзе мог быть и был неумолимо-беспощадным.

Военный архив Туркестанского фронта сберег документальную память об одном драматическом эпизоде, характеризующем отношение Фрунзе к мародерству, позорной язве, от которой не уберегалась ни одна из армий мировой истории, но которую Михаил Васильевич считал абсолютно

нетерпимой, невысказанной для революционной армии трудящихся...

Дело произошло в Самарканде, на одной из его окраин, во время осмотра Михаилом Васильевичем и его ближайшими сотрудниками замечательных архитектурных памятников этой древней столицы Тимура.

Разглядывая горделивые эмалевые башни Регистана, гигантские массивные надгробия Тимура и его любимой жены Биби-ханым, Фрунзе делился со своими спутниками:

— Как можно не уважать народ, который почти что среди пустыни, без всякой техники создал такие величественные сооружения! Как видно, Тимур не только воевать умел, а и строить. И уж если он умел, так мы и подавно сумеем помочь узбекскому народу настроить невиданных городов!

Но вот в одной из узких улиц старого Самарканда Фрунзе вдруг привстал в своей машине.

— Стой! — крикнул он шоферу.

Двое красноармейцев, неряшливо одетых, но с винтовками, отнимали у какого-то узбека-лепешечника его скудный, жалкий товар — две стопки плоских лавашей.

— Ой! Вайдот! (Беда!) — орал лепешечник. — Кель сакчи! (На помощь!)

Кучка угрюмых узбеков и женщин в паранджах молчаливо наблюдала за происходящим.

Фрунзе выскочил из машины и побежал к месту происшествия.

— Что делаете? — прогремело над ухом у мародеров.

Они оглянулись и обомлели. Военный человек с четырьмя ромбами на рукаве, как видно очень большой начальник, стоял перед ними.

— Что вы делаете? — повторил еще грознее командующий Туркестанским фронтом. — Красную Армию позорите, нож в спину тыкаете своим же!

Через два-три часа в этом же махалля (квартале) Хокуз-баш состоялось под открытым небом экстренное заседание ревтрибунала.

Красноармейцы Василисын и Колосников — первый из них уроженец города Верного, стало быть, даже в какой-то мере земляк Михаила Фрунзе — были приговорены к суровому наказанию.

Переводчик тотчас же огласил текст приговора окружавшей место суда огромной толпе узбеков — жителей Самарканда.

Конный посыльный поскакал с приговором в штаб командующего.

Просматривая протокол допроса обвиняемых, Фрунзе обратил внимание на происхождение Василисына из Верного. По возрасту — почти сверстник. Может быть, в детстве встречались на берегу

Алмаатинки, купались вместе, и вот при каких тяжелых обстоятельствах вновь свела жизнь.

Но колоссально, неизвинимо было преступление перед лицом узбекского народа.

На приговор легла размашистая, твердая надпись: «Утверждаю. М. Фрунзе».

Никто не мог попрекнуть Красную Армию и ее командующего, «кзыл-генерала», в нарушении прав узбекского народа.

4. БАСМАЧИ СДАЮТСЯ

Фрунзе никогда не сбрасывал со своих оперативных счетов силы басмачей.

Одним из крупных басмаческих вожakov Ферганской долины был известный Мохаммад-Амин, или Мадамин-бек, как его называли в народе. Связанный в свое время с «кокандской автономией», Мадамин-бек обладал кое-какими «политическими взглядами», неверными, сумбурными, но все же ставившими его выше уровня обыкновенных басмачей-разбойников. Он сумел объединить вокруг себя довольно значительные силы, придал им характер военных формирований, ввел в них подобие дисциплины и субординации и, выставляя националистические и религиозные лозунги, нападал на отдельные гарнизоны и части Красной Армии.

В течение некоторого времени мусульманское население Ферганы оказывало Мадамин-беку поддержку, но после восстановления связи с Центральной Россией и наведения в Советском Туркестане революционного порядка позиции Мадамин-бека сильно пошатнулись.

Когда Фрунзе прибыл в Наманган, один из крупнейших городов Ферганской долины, он был встречен руководителем войск, действовавших против Мадамин-бека, начдивом Веревкиным.

Начдив доложил, что несколько дней назад один из курбаши (отрядных начальников) Мадамин-бека, некий Рахманкул, совершил коварный ночной налет на советский гарнизон кишлака Мын-Тюбе.

— Надо попробовать мирным путем дотолковаться с Мадамин-беком, предложить перейти на сторону Красной Армии, — сказал Фрунзе Веревкину.

Веревкин покачал головой.

— Хотя мы и загнали значительную часть его шаек в предгорья Алайского хребта, все-таки нелегко вступить с ним в переговоры, товарищ

командующий.

— А мы все-таки попытаемся, — решительно сказал Фрунзе. — Говорят, Мадамин-бек неглуп: он, наверное, уже понимает, что в Фергане ему долго не удержаться.

Вскоре состоялась встреча Михаила Васильевича с Мадамин-беком. Как и предполагал Фрунзе, Мадамин-бек оказался человеком понятливым и расчетливым. Если все силы Колчака не могли помешать советским войскам войти в Туркестан, то мог ли надеяться он, Мадамин-бек, на своих курбаши и белогвардейскую горсточку бандитствующих кулаков?

Мадамин-бек торжественно объявил о прекращении всеми подчиненными ему отрядами борьбы с Красной Армией и о переходе его на сторону советской власти. Он дал обещание в верности и просил принять его отряды и его самого в Красную Армию. Фрунзе согласился. Мадамин-бек привел в Наманган свою конницу и после смотра, проведенного Фрунзе, подписал договор о подчинении Красной Армии.

За Мадамин-беком перешли на сторону Красной Армии со своими отрядами еще несколько менее видных басмаческих вожаков.

Одним из важнейших, после Ташкента, городов Средней Азии был Ашхабад, бывший главный город обширного Закаспийского генерал-губернаторства, лежавший на железнодорожном пути Ташкент — Бухара — Чарджуй — Красноводск.

Ашхабад немало хватил горя за два последних года. Тут побывали и сипаи англо-индийской армии, и британская морская пехота, и персидская кавалерия.

Теперь здесь прочно и навсегда утвердилась советская власть. Фрунзе приехал к открытию первого Всетуркменского съезда представителей племен и народов. Испытавшие тяжесть английской интервенции, жестокость хана Асфендиара и Джунаид-бека, смуглые великаны туркмены в высоких шапках вместе с русскими рабочими-делегатами горячо приветствовали Фрунзе, когда он появился на трибуне съезда.

— Товарищи! Приветствую вас от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, возглавляющего великую страну свободных и равноправных наций, революционную социалистическую Россию! — так начал Фрунзе свою речь к туркменам. — Великий вождь революции Ленин шлет вам и от себя лично горячий привет... Тяжелые, мрачные дни позади... Нет уже хивинского изверга Асфендиара, прогнали и Джунаида. История неумолима... Скоро, как благодатным весенним ливнем, будет смыто все, что еще осталось на теле вновь народившегося мира — мира без угнетения человека человеком. Да здравствует Советская

Социалистическая Республика, товарищи!..

Из Ашхабада Фрунзе проехал в крепость Кушку, находящуюся у самой афганской границы. Кто только не пробовал завладеть этой крепостью! И эмир, и белогвардейцы, и афганцы, и англичане. Но гарнизон отбивал все наскоки. Так и не дался никому. Да еще и другим советским гарнизонам Туркестана помогал— делился и оружием, и снаряжением, и боевыми припасами...

В яркий весенний мартовский день, приняв парад кушкинского гарнизона, Фрунзе пошел по фортам с осмотром. Вдруг на одном из фортов заметил знакомое лицо.

С особой тщательностью держа винтовку, перед командующим стоял старый ивановский знакомый из бывших его кружковцев-ткачей.

— Генаша Гуцин! — обнял командующий часового вместе с его винтовкой. — Как ты попал сюда, дружище? Давно ли?

— Еще в империалистическую был прислан в гарнизон, да вот и дежурю, товарищ Арсений... — объяснил ткач, радостно улыбаясь.

— Домой не тянет?

— Тянет, как же! Да нечего и думать домой попасть... Сам ведь понимаешь... понимаете, товарищ командующий, — то сбиваясь на «ты», то снова подтягиваясь под субординацию, отвечал старый приятель Арсения.

— Ну, а песни не забыл наши — ивановские?

— Как можно забыть? Если б не песни, давно бы скис здесь, как молоко в грозу...

— Грозы еще будут, милый Генаша. Надо готовиться... Еще не выбит из Советского Туркестана бухарский клин!

Территория Бухарского эмирата впрямь походила на клин, врезавшийся с юго-востока, вдоль реки Аму-Дарьи, в земли Советского Туркестана. Чтобы попасть, например, в ту же Кушку или Мерв, нужно было сделать немалый крюк, в объезд эмирских владений. С другой стороны, столица эмира Сеид-Алима город Старая Бухара находилась всего в двадцати километрах от железной дороги, связывавшей советские города Ташкент — Самарканд — Чарджуй — Ашхабад. Советская станция Каган могла в любой момент быть захвачена военными силами эмира.

Стратегически «бухарский клин» представлял собою идеальный плацдарм для нападения на советскую землю, и интервенты с вожделением смотрели на этот плацдарм, всячески подстрекая эмира к активным действиям.

Эмир тоже был, видимо, не чужд своего собственного стратегического

расчета. Палка была явно о двух концах. Расположение эмирской столицы всего в двух десятках километров от советской железной дороги, от возможной «линии огня» — естественно устрашало эмира, сковывало его инициативу, охлаждало его военный пыл... Он предпочитал накапливать силы и выжидать удобного момента: «Не придет ли с севера Колчак, не прорвутся ли к Ташкенту интервенты...»

Кроме того, эмир не очень надеялся на верность и поддержку своих подданных. Столетия тиранствовали бухарские эмиры в своей обширной стране, сохраняя до последнего времени почти средневековые, феодальные порядки.

С горцев Вадахшана, хлопкоробов Зеравшана, шелководов Гиссара и Ходжента богатую подать собирали эмирские беки. Все выколачивали, что только было возможно, из бухарских крестьян. Кто осмеливался воспротивиться, того до полусмерти избивали палками, либо отправляли на расправу в столицу — Бухару. А там жандармы эмира бросали врагов и ослушников своего владыки в черную яму зиндана ^[27], где не давали им ни хлеба, и ни воды по неделям, где насмерть заедали людей клопы, вши, фаланги. Того, кто не умирал в зиндаге, сарбазы сажали на кол, сбрасывали с «Минарета смерти» на Регистане ^[28] или вели на главную площадь и там острым ножом перерезали иссохшую шею. Если преступник считался важным, то и сам эмир в расшитом золотом халате, с золотой саблей на боку приезжал посмотреть казнь.

В смертельном страхе держал эмир свою обширную вотчину. Давно уже Бухара считалась в подчинении у России, но русский царь не препятствовал эмиру творить суд и расправу в Бухаре. Наоборот, он поощрял эмира в этом. Царь Николай II был личным приятелем эмира. Эмир не раз бывал у него в Петербурге в гостях. От Николая II эмир имел много подарков — табакерки, часы, граммофоны, кареты, множество дорогих шуб и халатов, даже роскошную дачу в Ялте.

Когда русский народ сверг Николая II, это было недобрым предвестием и для эмира. Однако, опираясь на своих вассалов, на свою гвардию, сарбазов и сибав ^[29], все еще продолжал держаться палач Бухары на своем троне. Москва была далеко, за четыре тысячи верст, а Индия и Персия, тогдашние оплоты империализма, были под боком. Правда, иностранное оружие обходилось недешево, но оно помогало эмиру держать в страхе недовольных.

Но и Бухара была уже не та. Бухарский эмират уже отчетливо слышал победную поступь свободных народов Туркестана, освобожденных

Красной Армией.

В глубоком подполье, самоотверженно, не страшась репрессий и смерти, вели революционную работу бухарские коммунисты.

Многие из революционеров-коммунистов Бухары, активные борцы за свободу народа, погибли. Многие были арестованы.

В тюрьме у эмира с января 1920 года томилось немало революционеров-большевиков и среди них один из виднейших коммунистов Бухары — Абдукарим Тугаев. «Железный человек» — так звал его народ. Уже несколько месяцев под страшными пытками находился Тугаев, однако эмир ничего не мог выведать у него о подпольной большевистской организации.

— Как его только не пытали, — рассказывали бежавшие из Бухары: — и пятки прижигали, и свинец расплавленный лили на тело, и кожу лоскутками сдирали... Молчит Абдукарим, не выдает коммунистов.

Проезжая мимо эмирской столицы, Фрунзе решил лично поговорить с эмиром о Тугаеве и других томящихся в тюрьме революционерах. Со станции Каган он известил эмира о желании с ним увидеться. Но вместо эмира на станцию прибыла пышная, раззолоченная кучка эмирских министров — назиров — во главе с куш-беги (премьером) Усманом. Звезды царские, афганские и персидские не уместались на их широких халатах.

— Приветствуем достоуважаемого кзыл-генерала... Селям алейкум... — кланялись по всем правилам восточного этикета, прижимая руки к сердцу, министры бухарского владыки.

Началось обсуждение давно назревших вопросов. Станция Каган с ее жителями — русскими железнодорожниками — имела небольшой советский гарнизон. Он был для железнодорожников единственной защитой, но хоть и был невелик, все же эмир даже и этот гарнизон считал нетерпимым в такой непосредственной близости к своему двору и крепости. Станция Каган была в глазах эмира и его правительства опаснейшим очагом революционного влияния, особенно при наличии советского гарнизона, под защиту которого стекались недовольные эмиром люди и из столицы и из многочисленных кишлаков Старо-Бухарского оазиса.

Назиры передали Фрунзе просьбу эмира удалить со станции Каган советский гарнизон.

— Русским в Кагане не угрожает никакая опасность, а для его высочества эмира ваше недоверие очень обидно, — уверял Усман-бек.

Фрунзе напротив намеревался увеличить каганский гарнизон. Но пока что обострить отношения с эмиром нельзя. Вновь необходимо применение

дипломатических способностей, уже проявленных Фрунзе неоднократно. На требование нужно было ответить требованием.

— До меня дошли вести, — заявил Фрунзе на просьбу эмирских назиров, — что в старобухарской тюрьме содержатся революционеры и среди них Абдукарим Тугаев. Они подвергаются пыткам за сочувствие Советскому государству. Если за одно только сочувствие нам люди подвергаются такому режиму, как же мы можем оставить без охраны сотни советских людей на станции Каган?.. Я прошу вас передать эмиру, что разговор об уходе гарнизона можно будет возобновить только после того, как будут освобождены Абдукарим Тугаев и другие революционеры.

После долгого уклончивого разговора назирьи откланялись, обещав Фрунзе передать эмиру его пожелание о личной встрече.

Но эмир так и не приехал лично.

По базарам и махалля за толстыми стенами Бухары тотчас разнеслась весть о разговоре Фрунзе с назирами. Беднота ликовала:

— Фрунзе нас не даст в обиду...

Под руководством Фрунзе и Куйбышева советская власть и советское влияние в Туркестане все более крепили.

Фрунзе организовал в Ташкенте Туркестанский государственный университет и при нем военный факультет. Этот факультет охватывал основные отрасли военных знаний и имел большое практическое значение для войск Туркестанского фронта, как школа высококвалифицированных командиров, военных инженеров, артиллеристов и интендантов, проходивших теоретический и практический курс в особых условиях Средней Азии.

Была восстановлена группа хлопкоочистительных заводов. Полным ходом заработал Ташкентский паровозоремонтный завод. Немногочисленный, но стойкий пролетариат Туркестана, в большинстве своем в те годы русский, повысил производительность труда. Повеселели железнодорожники, жизнь которых на затерянных в степи и песках, не защищенных от басмаческих налетов станциях и разъездах была особенно тяжела и опасна. Лето 1920 года было для Туркестана порой коренного и глубокого перелома, и хоть продолжались еще басмаческие вылазки, но все уже чувствовали наличие в крае твердой советской власти.

Бухарский эмират тоже не мог не ощущать всех этих сдвигов и перемен.

Эмир, в частности, никак не мог примириться с переходом Мадаминбека на сторону советской власти. Ставку свою эмир делал теперь на видного ферганского главаря Курширмата — «кривого Ширмата», которому

чужды были какие бы то ни было принципы, кроме одного — «грабить и резать».

Курширмата не нужно было много уговаривать. Старый разбойник только карман подставлял под эмирское золото.

На борьбу с шайками Курширмата, производившими набеги на мирное население Ферганы из предгорий Алайского хребта, были брошены части Красной Армии и среди них отряд Мадамин-бека. В бою Мадамин-бек попал в плен и, как потом рассказывали бойцы его отряда, настойчиво уговаривал Курширмата сложить оружие перед Красной Армией.

Курширмат не выпустил от себя Мадамин-бека.

Он держал его сперва некоторое время в качестве заложника, уговаривал снова поднять оружие против советской власти, но в конце концов Мадамин-бек был застрелен одним из басмачей.

В ту же ночь взметнулось пламя пожара над крупным кишлаком Вуадиль. Небольшой советский гарнизон геройски отбивался от внезапного налета басмачей Курширмата, но басмачи взяли числом и внезапностью нападения. Только один красноармеец сумел добраться из Вуадила до Маргелана с печальной вестью:

— Вуадиль захвачен Курширматом...

Фрунзе на бронепоезде «Красная Роза» с небольшим отрядом охраны вновь поехал в Ферганскую долину.

В Фергане еще не было спокойствия. События в Вуадиле свидетельствовали об этом.

Особенно беспокоил Фрунзе гарнизон города Андижана, одного из важнейших городов Ферганы. Основное ядро в этом гарнизоне составлял полк курбаши Ахунжана. Ахунжаи были курбаши не совсем обыкновенный: он носил на груди орден Красного Знамени. Но джигиты его творили всякие безобразия. Они отказались выполнять приказ командования о переводе полка в Ташкент и начали переговоры с басмачом Курширматом. Фрунзе решил обезвредить ахунжановцев.

Бронепоезд командующего подошел к Андижану. По пыльным улицам города, осененным высокими чинарами, в сопровождении членов Реввоенсовета и командиров, Фрунзе поехал в местный ревком, отдав предварительно распоряжение начальнику гарнизона вывести полк Ахунжана на смотровой плац.

Задача, стоявшая перед Фрунзе, была довольно сложна. Он придавал большое значение национальным формированиям, заботился о них, пестовал их, и сейчас ему предстояло любыми средствами восстановить советскую дисциплину в полку Ахунжана.

— Вы, Ахунжан, до последнего времени были для нас ценным человеком, — начал Фрунзе, пристально глядя в глаза Ахунжану, явившемуся в ревком в сопровождении десятка вооруженных джигитов. — Человек, носящий на сердце Красное Знамя, считали мы, носит его и в сердце. Мы считали также, что командир всегда старается всех своих бойцов сделать похожими на себя... И поэтому за полк ваш, Ахунжан, мы долгое время были спокойны. «Вот надежная советская часть, — думали мы. — Вот кзыл-аскеры, достойные и своего звания и того почетного поста, на котором они находятся». Строится новая жизнь — без ханов, без плетей, без палок, без царских тюремщиков и палачей... Строится советская свободная Фергана, где каждый трудящийся человек священен, неприкосновенен. И что же мы узнаем?! Часть вашего отряда не хочет выполнить приказа о переходе в Ташкент, а ваши джигиты ведут переговоры с отъявленным врагом советской власти — в басмачом Курширматом.

— Клеветают... — угрюмо сказал Ахунжан.

— Рад слышать от вас это слово, — невозмутимо продолжал командующий. — Если вы его употребляете, стало быть, вы знаете, что оно обозначает. Баи, муллы, казни шипят по своим закоулкам, что советская власть приказывает кзыл-аскерам и кзыл-джигитам обижать население. Как вы это назовете, Ахунжан?.. Клевета это или нет?

— Да, это тоже клевета... — ответил, не поднимая головы, Ахунжан.

— Мы все проверили, Ахунжан. За все эти действия отвечает прежде всего командир полка. Потрудитесь сдать мне ваше оружие, Ахунжан.

Не выдержав спокойного, требующего повиновения взгляда Фрунзе, бывший курбаши басмачей нервно положил свой маузер на покрытый красной скатертью стол, на то место, куда указывал Фрунзе.

С городской площади Андижана донеслись звуки стрельбы. Оказалось, что хотя выведенный на плац полк Ахунжана и построился там во исполнение приказа, но из рядов его раздалось несколько провокационных выстрелов по красноармейцам, и завязалась перестрелка, стоившая жизни нескольким советским бойцам.

Появление Фрунзе вместе с Лхумжаном восстановило порядок. Полк был направлен в Ташкент.

На следующий день, рано утром, когда солнце перевалило через горы, к Вуадилю, куда приехал Фрунзе, подскакал всадник, размахивая пакетом.

На пакете была надпись: «От его превосходительства Курширмата, преемника в управлении Кокандским государством, — его превосходительству кзыл-генералу Фрунзе».

«Предлагаю начать мирные переговоры...» — так начиналось письмо Курширмата.

Фрунзе нахмурился и резко написал на пакете: «Вернуть. Пусть ждет расплаты оружием».

Борьба с басмачами продолжалась со всей решительностью.

*

До самого Оша гнал, преследовал Фрунзе разбитую банду Курширмата. Городок Ош, у подножия Алайского хребта, считался одним из трех священных городов Туркестана, наравне с Самаркандом и Бухарой, а потому был и одним из главных очагов басмачества. Басмачество процветало в районе Оша.

Высокий трехзубый пик над городом Ош, как бы пылавший от солнечного накала, был, по преданию, воздвигнут из каменных плит в далекой древности в честь пребывания в этом городе легендарного восточного царя Соломона, по-арабски — Сулеймана. Он так и назывался «Сулейман-тау». До этих рубежей простиралось будто бы Соломоново царство.

На вершине пика с незапамятных времен стояла глиняная муллашка-часовенка, а в ней жили чалмоносные ходжи. Величественная панорама открылась перед Фрунзе, когда он поднялся на вершину Сулейман-тау. Сверкающая вечными ледниками горная цепь Тянь-Шаня смыкалась на юго-востоке с северными отрогами Памира. Гигантским амфитеатром лежали древнейшие хребты земли перед глазами «кзыл-генерала».

— Кто ты такой? — спросил его один из длиннобородых ходжей, державший на руке немигающего пушистого сокола.

— Военный человек... Солдат... — с легкой усмешкой ответил Фрунзе.

— Солдат, кто бы он ни был, — это клыч [\[30\]](#) в руках аллаха... — сказал седобородый и пустил сокола в небо. — Вот следи, солдат, за своей судьбой!

— Я солдат революции, ходжа... — опять усмехнулся командующий Туркфронтом.

Он не удержался от соблазна заехать и в самый город Ош, о котором с детства слышал немало легенд и рассказов. Он не пожалел о своем заезде. И здесь он был встречен как долгожданный избавитель от басмачей и их бесчинств.

С удовлетворением возвращался он в Ташкент. Сурово проученный Курширмат, хотя и удалось ему кое-как унести свою голову, вряд ли мог скоро набраться храбрости для новых вылазок.

Во время пребывания Фрунзе в Ташкенте в его личной жизни произошло немаловажное событие — в августе 1920 года у него родилась дочь.

Софья Алексеевна Попова-Колтановская, еще в далекой Чите проявившая себя как верный друг молодого революционера, скрывавшегося там под именем Василенко, последовала потом за Михаилом Васильевичем и в Минск, и в Шую, и в Иваново-Вознесенск.

А когда он был назначен на колчаковский фронт, она бесстрашно сопровождала его и туда, деля с ним все трудности и опасности этого ответственного похода.

Большую радость Михаила Васильевича по поводу рождения дочери разделяли все его боевые друзья и товарищи.

Начали коллективно придумывать имя. Куйбышев предлагал назвать девочку как-нибудь по-восточному, в память о месте ее рождения.

— Красивые есть имена здесь — например, Зейнаб, Реджеб, Амира, Чинара...

Но Михаил Васильевич любовно вглядываясь в голубые глаза дочурки, сказал:

— Нет, друзья, надо назвать ее Татьяной... В честь чудеснейшей пушкинской героини — Татьяны Лариной... Можете улыбаться и даже смеяться, по Пушкина я чту с особой любовью.

И он поведал товарищам, как в решающий момент его жизни, когда умер отец, оставив семью без всяких средств, он, Михаил Фрунзе, оказался под угрозой изгнания из гимназии.

— В таких случаях тогда не церемонились. Не можешь платить — ну, и иди на все четыре стороны... Вот и спас меня тогда в 1899 году Александр Сергеевич Пушкин... Не видать бы мне образования без стипендии его имени...

5. КОНЕЦ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

С благословения империалистов эмир готовился нанести удар Красной Армии. Медлить и выжидать он больше уже не мог. Советизация Туркестана шла неуклонно и бурно.

Иностранные инструкторы спешно обучали новые батальоны и полки

бухарцев. В оружейных мастерских ремонтировалось боевое оружие. Через границы Афганистана и Персии караван за караваном, транспорт за транспортом привозили эмиру оружие, боеприпасы, пушки. Кроме имевшихся у него регулярных войск, эмир лихорадочно вербовал басмачей. Их было уже свыше 6 тысяч, с пулеметами и орудиями. Около 3 тысяч насчитывала специально созданная эмиром афганская конная гвардия. Большие надежды эмир возлагал на третью попытку Антанты задушить Советскую республику. В эти дни на полях Белоруссии и Украины шла ожесточенная борьба с войсками панской Польши и возродившейся в Крыму из остатков деникинской армии южной контрреволюции под командованием барона Врангеля.

В середине июля 1920 года командующий фронтом Михаил Фрунзе снова едет в Туркмению, в Ашхабад. Он вновь проезжает по территории Бухары. Он многое видит, многое слышит. Он знает, что бухарский народ еще стонет в неволе, но его передовая часть под руководством Коммунистической партии Бухары уже ведет среди трудящихся интенсивную подготовку к восстанию.

Фрунзе понимал, что население Бухары в момент восстания будет просить помощи у Красной Армии.

Но окажется ли достаточной эта помощь? Соотношение сил было далеко не в пользу советских войск. Регулярная армия эмира насчитывала до 50 тысяч штыков и сабель, имела более полусотни современных артиллерийских орудий, не считая пулеметов и другой боевой техники.

Фрунзе же мог выделить для оказания помощи народу Бухары не больше 6–7 тысяч штыков, 3 тысяч сабель, 40 орудий, 13 броневиков и бронепоездов и 11 самолетов.

Несмотря на такое соотношение сил, Революционный военный совет Туркестанского фронта решил поддержать назревающее восстание в Бухаре, если народ ее обратится за помощью.

Каждый день из Красноводска отправлялся на север, во исполнение особого наказа Ленина, поезд в двадцать-тридцать цистерн с челекенской и бакинской нефтью. И когда такой поезд, охраняемый красноармейцами, меняя паровоз на станции Каган, свистел почти под самыми окнами каганского эмирского дворца, бешенство охватывало Сеид-Алима.

Душен август в Бухаре. Даже привычные, почти черные от загара старожилы покоряются всеобщему оцепенению в знойные августовские полдни. Тишина и дремота окутывают город, стены его, башни и мечети невидимым покрывалом.

Казалось, солнце властвует здесь. Эмир в беседах с назирами

частенько называл солнце самым надежным своим союзником:

— Солнце навевает сон... А спящие мне не страшны.

Эмир ошибался. Солнце не на всех нагоняло сои в Бухаре. Почти каждый день шли заседания подпольного бюро бухарской коммунистической организации.

16 августа в городе Чарджуе состоялся подпольный съезд Коммунистической партии Бухары, Съезд призвал народные массы Бухары к вооруженному восстанию и свержению власти эмира. Съезд обратился к советской власти Туркестана и ЦК Российской Коммунистической партии с просьбой о помощи.

Фрунзе перевел свой полевой штаб в Самарканд. Становилось все яснее, что столкновение назревает, что оно неотвратимо.

Эмир был снова предупрежден, что в случае казни Тугаева и других революционеров он будет нести прямую ответственность.

23 августа на станции Самарканд два красноармейца явились к командиру с экстренным донесением. Их ввели в вагон. Они вручили Фрунзе пакет. Михаил Васильевич нахмурился, встал с места. Работники штаба насторожились.

— Тугаев и другие заключенные с ним товарищи казнены эмиром, — медленно, раздельно произнес Фрунзе. — В Чарджуе, в Катта-Кургане, в Карши восстание-

События разворачивались быстро. В ночь на 25 августа Карши и Старый Чарджуй были заняты восставшими. Знамя эмира было сброшено в жаркую августовскую пыль и растоптано ногами дехкан. Красное знамя восстания взвилось над городками Базар-сакар, Керки, Хатырчи...

Беки, верные эмиру, — гузарский, kitabский, шахризьябский, зиадинский — двинули свою конницу к Самарканду, намереваясь обходным движением отрезать Самарканд от Ташкента и взять войска Фрунзе в кольцо.

28 августа 1920 года Фрунзе подписал приказ войскам Туркестанского фронта: «В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и поработанных трудящихся масс Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения...

Вперед, за интересы трудящихся Бухары и России!..»

Четыре колонны войск Красной Армии — Чарджуйская, Каганская,

Катта-Курганская и Самаркандская — двинулись на помощь бухарскому народу, чтобы поддержать его в борьбе против тирании эмира.

10 тысяч войск Красной Армии против 50 тысяч войск Сеид-Алима — таково было соотношение сил в численном выражении, но совершенно иным было оно в смысле моральном: Красная Армия, как всегда, знала, за что она борется!

Укрепления Старой Бухары были внушительны. Весь город окружала массивная глиняная стена, высотой более десяти метров и толщиной до пяти метров. Даже артиллерийские снаряды среднего калибра могли только долбить эту стену, не причиняя ей большого ущерба. Головоломный переплет узких, как ущелья, переулков таился за этими древними стенами. Ворваться за городскую стену еще далеко не означало овладеть столицей эмира. В центре города высилась многобашенная цитадель «Арка» — эмирский оплот с высокими и толстыми кирпичными стенами.

С тридцатиметровой башни Манар-и-Калян — «Минарет смерти» — эмиру и его военным советникам как на ладони видна была вся широко раскинувшаяся столица и окружавший ее далеко во все стороны лабиринт дувалов, арыков, кривых узких тропок, дворов, садов...

Утром 29 августа 1920 года с крепостной стены города грянул первый пушечный залп. Батареями управлял сам военный министр эмира, тупчи-баши. А команду «огонь» эмир лично подал с наблюдательной башни, высившейся над крепостью.

Кусая мясистые губы и нервно вскидывая бинокль к глазам, эмир вглядывался в рвы, сады и мазары, окружавшие притихший, насторожившийся город.

Цепи штурмующих, сопровождаемые полевой артиллерией, продолжали грозно надвигаться. Случилось именно то, чего давно опасался эмир. Он оказывался осажденным в собственной своей столице.

Разведка сообщила эмиру о непрерывном и упорном движении красных бойцов, несмотря на энергичный обстрел с крепостных стен.

— Две колонны движутся к Каршинским и Каракульским воротам, ваше высочество... — докладывал тупчи-баши.

Наступление обеих ударных колонн со станции Каган началось в шесть часов утра.

— Как можно скорее постарайтесь запереть эмира в городе, чтобы отрезать ему путь в Зеравшанскую пойму, — особо указывал Фрунзе штабу штурмовой группы. — Там, вокруг Вабкента — и тугай, и рощи, и сады, и кишлаки, там драться будет во всех отношениях невыгодно. Стену громите

артиллерией.

Труден оказался путь ударных колонн. С каждой минутой становилось все жарче. Солнце поднималось к зениту. Нужно было как можно скорее преодолеть двадцать километров, отделявшие Каган от стен Бухары. А эти двадцать километров по трудности были равны добрым сорока.

Красноармейцы были сильно утомлены наступлением по изрезанной арыками, перегороженной дувалами, садами и кладбищами местности.

Только часа в два пополудни 1-й мусульманский полк вышел к западным, Каракульским воротам Бухары.

Готовясь к штурму, он залег за дувалами и арычными валиками, возле самой стены. Приблизительно в это же время появилась и вторая ударная группа возле восточных, Каршинских ворот.

За каждым укрытием эмир предусмотрительно расположил своих синемундирных стрелков.

Команда саперов под градом пуль принялась высекать в прокаленной солнцем вековой стене штурмовые ступени.

Красные бойцы-тагары с гортанным криком: «Яшасон Ленин! Яшасон советская власть!» ^[31] — смело лезли по вырубленным ступенькам. Сверху на них лился поток пуль. Летели ручные гранаты. Наемный гарнизон эмира упорно сопротивлялся.

К Старой Бухаре прибыли части 1-й армии и фронтового резерва.

31 августа Михаил Васильевич Фрунзе приказал открыть по толстой стене Бухары огонь из всех орудий, какими здесь располагали чаши войска.

— Стену не щадить, а людей берегите, — дал наказ Фрунзе. — Там наших сторонников больше, чем сторонников эмира.

Далеко за полночь длилась канонада, настойчивая, упорная с обеих сторон. К рассвету в толстой стене города образовалась брешь.

Под тревожную дробь барабанов эмирская жандармерия перед рассветом погнала народ заделывать бреши. По узким глубоким траншеям улиц бежали, натыкаясь друг на друга, люди, не понимая, в чем дело.

— Все к стенам, кто чтит эмира! — кричали сарбазы.

Но никто не хотел выполнять приказа. Беднота принималась сама расширять пробитые снарядами зияющие бреши.

С первыми солнечными лучами советские бойцы хлынули в узкие, темные улицы города через Каршинские ворота, взятые первыми. Оборонявшие наружную стену синемундирники толпами сдавались красноармейцам.

В шесть часов 5-й стрелковый полк захватил Мазар-Шерифские ворота.

К семнадцати часам уже была взята значительная часть города.

Но, кроме наружной стены, были еще и высокие стены цитадели. Эту внутреннюю крепость тоже предстояло взять.

Бок о бок с частями Красной Армии мужественно сражались против войск эмира и его союзников бухарские отряды Красной Армии, мусульманские полки татар, башкир, туркмен, таджиков и других народов.

Еще двенадцать часов продолжался бой с гарнизоном столицы. 2 сентября цитадель столицы Бухары «Арка» сдалась, открыла ворота. Тысячами вкладывали оружие эмирские солдаты, сдался и гупчи-баши и Усман-бек.

Бухарская операция Фрунзе была блестяще закончена.

Однако самою эмира схватить не удалось. В ночь на 1 сентября с несколькими сотнями всадников, наемных афганцев, своей лейб-гвардией, он бежал из столицы через Северные ворота. Английские офицеры, дипломатические советники и разного рода разведчики также бежали заблаговременно.

Посланные вдогонку отряды не успели перерезать эмиру дорогу. От Карши на Гузар, от Гузара на Ак-Тупал промчался эмир и свернул в большой кишлак Дюшамбе, что значит по-таджикски «понедельник» (ныне это столица Таджикистана — Сталинабад).

Мрачно молчал Сеид-Алим в зеленом шатре, разбитом для него посреди главной площади кишлака. Молчали и охранявшие его афганцы.

Эмир Сеид-Алим чувствовал, что бухарский эмират прекратил свое существование навсегда.

А народ Бухары ликовал.

Вековой гнет был свергнут. Бухара стала свободной.

2 сентября Фрунзе телеграфировал Ленину: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя».

Прибыв в цитадель, Михаил Васильевич Фрунзе поздравил трудящихся Бухары с освобождением от многовекового гнета.

Первый Всебухарский Народный Курултай, выражая волю всего двухмиллионного населения трудящихся Бухары, объявил о низложении эмира Сеид-Алима, ликвидации бухарского эмирата и торжественно провозгласил на всей территории бывшего эмирата Бухарскую Народную Республику.

Совет народных назиров (министров), избранных населением Бухары, принял управление страной в свои руки.

Представители Бухарского ревкома торжественно вручили Фрунзе именной оружие: шашку и кинжал. На клинке шашки выгравирована надпись: «Дана в знак благодарности от имени бухарского революционного народа товарищу командующему Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе».

Укрепляя оборону Туркестана, выполняя все указания ЦК партии по восстановлению и укреплению новых советских областей Туркестана, энергично проводя национальную политику на территории Туркестана, Фрунзе с напряженным вниманием следил за ходом боевых действий на Западном и Юго-Западном фронтах. Он тщательно изучал происходящие там боевые операции советских войск против белополяков и Врангеля. Но он вряд ли предвидел, что ему самому скоро придется схватиться на полях Таврии и перешейках Крыма с «черным бароном» Врангелем, которому он уже дал отпор на Волге в прошедшем году.

10 сентября Фрунзе получил телеграмму Совета Труда и Оборона:

«Немедленно выезжайте Москву, назначается командующим другой фронт».

«...Я назначен на другой фронт, — обращался Фрунзе в своем прощальном приказе к войскам Туркестанского фронта 10 сентября 1920 года. — Отъезжая из Туркестана, я обращаюсь ныне с прощальными словами ко всем моим старым боевым товарищам, ко всем красноармейцам, командирам, начальникам и комиссарам.

Товарищи! Уже три года бьется рабоче-крестьянская Русь, отстаивая свои права от насильников всего мира. До сих пор все чаяния наших врагов разбивались о великую стойкость рабочих и крестьян... Но безмерно велики вместе с тем и лишения, которые ныне выпадают на долю трудовой России.

Наша задача — задача рабоче-крестьянских красных полков — сократить эти страдания путем напряжения нашей революционной воли... Я рад отметить, что армии Туркестанского фронта до сих пор честно выполняют этот долг. Начав с разгрома колчаковских, дутовских и толстовских банд, они довершают ныне свою работу, очищая Туркестан от контрреволюционных полчищ местных самодержавных властителей. Уверен, что и впредь красные полки Туркестанского фронта, куда бы их ни поставила рука Революции, сумеют поддержать свою боевую революционную славу.

Мой прощальный привет вам, товарищи!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ РАЗГРОМ ВРАНГЕЛЯ

1. «ЧЕРНЫЙ БАРОН»

Так называемый «Версальский мир», завершивший военное поражение вильгельмовской Германии, породил у западной границы Советской республики глубоко враждебного ей соседа — белопанскую Польшу. Это был еще один козырь зарубежных империалистов в их борьбе против Советской России.

После разгрома Колчака и Деникина для Советской республики настала некоторая «передышка». Антанта была даже вынуждена формально отменить блокаду Советской России. Но белопанская Польша не хотела согласиться на мир с Москвой.

В целях сохранения мира и предотвращения войны Советское правительство во главе с Лениным весной 1920 года предложило Польше начать переговоры и установить новые государственные границы. Белополяки отвергли это предложение.

У белополяков были широкие агрессивные замыслы — захватить всю правобережную Украину вместе с Киевом, отторгнуть всю Белоруссию,

установить пределы Польши от Херсона на Черном море до Данцига на Балтийском море, а в случае удачи и совсем уничтожить Советское государство.

Эти бредовые замыслы находили тайное одобрение у заправил империалистического лагеря, но возложить это на одну только панскую Польшу было рискованно.

Было принято решение создать из остатков разгромленной Советскими Вооруженными Силами деникинской армии, бежавшей в Крым и на Кавказ, новую белогвардейскую армию, с новым главнокомандующим. Выбор Антанты пал на ярого монархиста, бывшего командующего «Кавказской» армией Деникина, прибалтийского барона, генерала П. Врангеля.

Антанта с привычной быстротой признала «законным» правительство Врангеля, а его самого — «главнокомандующим вооруженных сил Юга России» (такой титул носил до этого Деникин).

В порты Крыма снова пошли транспорты с вооружением, боеприпасами, обмундированием, танками, самолетами.

Антанта могла теперь предложить барона Врангеля панской Польше как союзника, как ту недостающую «вторую руку», которая мыслилась необходимой для удушения Советской республики.

План третьего похода Антанты был решен. Началось его выполнение. В апреле 1920 года белопольские войска вторглись на Советскую Украину. Им удалось даже захватить Киев.

Внезапностью нападения белополяки и их военные руководители в штабах Антанты надеялись компенсировать неготовность Врангеля к наступлению. Медлить с началом третьего похода они не считали возможным. Срыв весенних посевных работ на Украине и в Белоруссии, новое отвлечение советских людей от восстановительных и хозяйственных задач — таковы были ближайшие цели Антанты.

Измученная почти тремя годами непрерывной обороны, Советская республика ставилась под угрозу нового, еще большего истощения, голода и разрухи.

На самые ответственные участки борьбы ЦК партии, Лениным была направлена большая группа закаленных фронтовиков-коммунистов.

В середине мая войска Западного фронта перешли в наступление. Отсутствие резервов и недостаточная подготовка к операции не позволили войскам фронта достигнуть желаемого успеха.

По указанию Ленина с Северного Кавказа была переброшена в район южнее Киева Первая Конная армия Ворошилова — Буденного. В течение месяца она совершила редкий в военной истории тысячекилометровый

переход от Майкопа до Умани.

5 июня 1920 года Первая Конная армия мощным ударом прорвала фронт белополяков в районе Сквиры, южнее Киева. Началось стремительное контрнаступление советских войск.

12 июня красными войсками Юго-Западного фронта под командованием А. И. Егорова был освобожден Киев.

Нанося белополякам сокрушительные удары, Первая Конная неудержимо двигалась вперед и вскоре ворвалась на территорию панской Польши в направлении Львова и Кракова. В начале июля от Минска к Бресту и далее к Варшаве началось стремительное наступление советских войск Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского.

Стратегическое взаимодействие войск панской Польши и Врангеля началось только 6 июня, когда барон Врангель при поддержке англо-французского флота произвел высадку своих пехотных десантов в районе озера Молочное, на северном побережье Азовского моря, к востоку от крымских перешейков в Северной Таврии.

Но «черный барон» опаздывал. На Советско-Польском фронте, уже произошел перелом в пользу Красной Армии. Контрудар Первой Конной 5 июня, как раз за сутки до выступления Врангеля, и последующее контрнаступление войск Западного и Юго-Западного фронтов разразились, словно гром, над головами польских панов и военных миссий Антанты. Грозное предвестие очередного просчета заставило антантовских генштабистов приказать барону Врангелю немедленно начать развертывание наступления в Северной Таврии, на Запорожье и Харьков.

Впрочем, к этому времени Врангель располагал уже значительными, хорошо вооруженными силами.

Обрушив на ослабленную борьбой с Деникиным 13-ю армию четыре корпуса своих войск с большим количеством бронемашин и при поддержке авиации, Врангель начал теснить советские войска по трем направлениям: на северо-запад — к Каховке, на север — к Запорожью, на восток — в сторону Донбасса.

Успех на каждом из этих трех направлений был весьма важен для Антанты и Врангеля. Взяв Каховку, а за ней и Берислав, на правом берегу Днепра, Врангель мог угрожать советским войскам, наступавшим на запад.

Продвигаясь к Запорожью и Харькову, Врангель мог грозить возможным повторением прошлогоднего деникинского марша на Москву. Наконец выход в Донбасс, а через него на Кавказ мог отдать в руки Врангеля не только донецкий уголь, но и кавказскую нефть.

Ленин сразу оценил новую возникшую для Советской России

опасность. Он писал в те дни:

«Перед нами снова трудное положение и снова, еще раз, попытка международных империалистов задушить Советскую республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля». [\[32\]](#)

На Польском фронте Красная Армия громила белополяков и продолжала победоносное контрнаступление, а в Северной Таврии инициатива была на стороне врага.

*

Прибыв в Москву в середине сентября 1920 года, Фрунзе узнал, что по предложению Ленина Реввоенсовет республики назначил его командующим Южным (врангелевским) фронтом.

Прямо с вокзала Фрунзе поехал в Кремль. Вручая ему пропуск, дежурный комендант доложил:

— О вас, товарищ Фрунзе, уже несколько раз спрашивали из секретариата товарища Ленина... Ждут... Идет заседание Совета Труда и Оборона.

«Когда он вошел в зал... — рассказывает в своих воспоминаниях С. А. Сиротинский, — Владимир Ильич что-то читал, делая при этом быстрые заметки в блокноте. Подняв голову, он увидел Фрунзе и молча показал ему на свободный стул неподалеку от себя. Фрунзе сел. Оказавшийся рядом Ф. Э. Дзержинский молча пожал руку Михаилу Васильевичу и передал записку В. И. Ленина.

«Точность для военного человека — высший закон! Почему опоздали?» — писал Ленин.

Ответить на записку Фрунзе не успел... Едва выступавший замолчал, Владимир Ильич поднялся и начал говорить о положении на юге. Речь свою он закончил такими словами:

— В целях быстрой ликвидации чрезвычайной опасности, грозящей нам со стороны Врангеля, предлагаю утвердить командующим Южным фронтом товарища Фрунзе, Михаила Васильевича...

Еще раз окинув взглядом сидящих, Владимир Ильич повернулся к секретарю и спросил:

— Почему никого нет от Реввоенсовета, в чем дело?

— Только что ушел Склянский [\[33\]](#), — ответил секретарь.

— Ушел? — с досадой перебил Владимир Ильич. — Ну что ж, решим

без него.

Утвердив Фрунзе командующим Южным фронтом, Совет Труда и Обороны перешел к последнему вопросу повестки... Во время доклада Владимир Ильич снова написал записку Фрунзе и передал ее через Дзержинского.

«Сейчас закончим заседание. Если не торопитесь и нет других спешных дел, подождите меня», — прочитал Михаил Васильевич.

По окончании заседания В. И. Ленин вместе с Фрунзе вышли на улицу. Ночь... Мерцал тусклый огонек фонаря...

— Главное заключается в том, чтобы не допустить зимней кампании... [34] — подчеркнул Ленин. — Мы не имеем права обрекать народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании. Поможем вам всем, что у нас есть. На фронт к вам поедут Калинин и Луначарский... Политическая работа будет обеспечена... Вы знакомы с обстановкой на фронте?

— Пока в общих чертах, Владимир Ильич. В открытом бою побьем Врангеля, но если он укроется за укреплениями Крыма, будет труднее его разбить. Бегства его в Крым допустить нельзя.

— Вот именно, нельзя допустить! — решительно сказал Владимир Ильич. — Но если ему удастся скрыться, надо сделать все, чтобы уничтожить Врангеля в его же укреплениях. Армия у него сильная, отлично вооруженная, драться умеет. Как вы полагаете, когда закончите операцию по разгрому?

Прежде чем ответить, Фрунзе помолчал, обдумывая...

— В декабре, Владимир Ильич, — наконец сказал он.

— В декабре? — переспросил Ленин.

— К декабрю, — быстро поправился Фрунзе.

Владимир Ильич остановился, посмотрел на Фрунзе.

— Да? Не слишком ли быстро, Михаил Васильевич? Ведь сейчас конец сентября?

— Раз нельзя допускать зимней кампании, — ответил Фрунзе, — значит надо. К декабрю все будет кончено, Владимир Ильич.

Фрунзе вернулся к себе, полный волнующих впечатлений от всего происшедшего на заседании Совета

Обороны и от еще небывало-долгой сердечной беседы с Владимиром Ильичем.

Действительно, задача, которую сейчас возлагали на него партия и страна, превосходила по трудности и ответственности все, что стояло перед ним когда-либо в прошлом. Врангелевщина была последним козырем империалистов, и Антанта, бесспорно, постаралась сделать все, чтобы этот

решающий удар по Советской республике был на уровне самых серьезных образцов тогдашнего военного искусства как по технической оснащенности, так и по его общестратегической подготовке. Недаром западная военная печать приравнивала укрепления Перекопа к знаменитой французской крепости Верден, прогремевшей в годы первой мировой войны...

Фрунзе получил согласие Ленина на переброску с Польского фронта на Южный Первой Конной армии— этой мощной ударной силы, показавшей исключительно высокую боеспособность на деникинском и Польском фронтах.

Приказом Главного Командования в состав нового Южного фронта были включены 6-я, 13-я и 2-я Конная армии.

За несколько дней до отъезда на Южный фронт, 22–25 сентября, Фрунзе принимал участие в работах Всероссийской конференции партии.

По докладу Ленина конференция приняла решение заключить мир с Польшей, чтобы «избежать тяжелой для нас зимней кампании».

Но подписание мира польское правительство затягивало, еще надеясь на Врангеля.

2. ПЕРВЫЙ ОТПОР

Поезд командующего Южным фронтом Михаила Фрунзе вез его на фронт для выполнения новых задач.

Основные задачи были следующие:

Не допустить дальнейшего наступления Врангеля не дать возможности его войскам соединиться с польской армией.

Окружить и уничтожить вражескую армию в Северной Таврии, ворваться в Крым и освободить его.

Эти задачи предстояло выполнить до наступления зимы, то есть не позднее 1 декабря, другими словами — в срок, не превышающий двух с половиной месяцев с момента назначения Фрунзе на должность командующего Южным фронтом.

Вместе с Фрунзе в одном вагоне ехал на Южный фронт пролетарский поэт Демьян Бедный — старый большевик-революционер, написавший в годы гражданской войны много сатирических стихотворений, хлестко бичующих интервентов и белогвардейцев.

— Михаил Васильевич, — обратился к Фрунзе Демьян Бедный, — не хотите ли послушать «Манифест барона Врангеля»?

С веселым подъемом Демьян Бедный прочитал свою злую пародию, посвященную претенденту в диктаторы России.

Стихотворение было едкое, острое. Слушая его из уст самого автора, Михаил Васильевич смеялся до слез.

Их фанге ан. Я нашинаю.
Эс ист для всех советских мест,
Баронский унзер манифест.
Для русский люд из краю в краю
Вам мой фамилий всем известный:
Их бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон...

— Да, да, — повторял Фрунзе, — это замечательно! «Я самый лючший, самый шестный есть кандидат на царский трон!»

— Однако, — Фрунзе становится серьезным, — этот «кандидат» лезет да лезет на нас. Судя по последним данным, затевает новый удар на Волноваху, на Мариуполь, к донецкому углю.

— И все-таки главная задача Врангеля, — подчеркивает Фрунзе, — не Донбасс, а соединение с поляками. Без поляков Врангель взвоят, как одинокий волк в степях Таврии. Как бы трудно ни было, мы постараемся достигнуть победы раньше намеченного срока.

Прибыв в Харьков, где расквартировывался штаб фронта, Фрунзе не мог не заметить значительной тревоги в городе, нерешительности и усталости в частях.

Фрунзе, как обычно, изучает обстановку, силы врага, его методы и формы борьбы, особенности театра военных действий.

И здесь, на новом фронте, Михаил Васильевич придерживается суворовского девиза:

«Сначала ознакомься, изучи, а затем действуй!»

Армии Южного фронта, в командование которыми вступил Фрунзе, были расположены по дугообразной, выгнутой на север линии, шедшей по правобережью Днепра от города Херсона (у впадения Днепра в Черное море) к городу Бериславу. Против Берислава, на левом берегу Днепра, красные войска занимали Каховский плацдарм, опиравшийся флангами на Днепр; затем линия фронта подымалась по правому берегу Днепра до Никополя, а от него к Александровску (Запорожью). Оттуда фронт

спускался к юго-востоку, к Темрюку и Бердянску на Азовском море. Правое крыло Южного фронта составляла 6-я красная армия, левое— 13-я армия. В районе Грушовка — Апостолово, ближе к центру фронта, была расположена Вторая Конная армия; 6-й красной армии противостояла 2-я армия Врангеля, 13-й армии—1-я армия врангелевцев. Из начавших прибывать пополнений Фрунзе решил сформировать новую, 4-ю армию, с расположением в самом центре фронта, эшелонируя ее по линии Синельниково — Александровск.

Превосходство сил, особенно в коннице и боевой технике, было на стороне врангелевцев.

С первого же дня Фрунзе детально информировал Ленина об обстановке, своих планах и предполагаемых замыслах врага. Эту оперативно-стратегическую информацию Ленину Фрунзе продолжал в течение всей кампании, получая непосредственно от Ленина указания и директивы.

Накапливая силы для предстоящего разгрома Врангеля в Северной Таврии и штурма крымских укреплений, Фрунзе не отказался использовать для разгрома Врангеля и так называемую «повстанческую армию» Махно — анархо-кулацкого атамана, имевшего за своей спиной немало преступлений против советской власти и Красной Армии.

Попытки прежнего командования войск Украины ликвидировать махновскую «повстанческую армию» не удавались.

Махно знал, что расположение его «штаба» и основных сил его «армии» — Гуляй-поле окажется вскоре в зоне полного господства войск Южного фронта. Поэтому он послал к Фрунзе своих парламентариев с письмом, в котором приносил «повинную» и предлагал передать свою «повстанческую армию» в распоряжение командования Красной Армии для участия в операциях против врангелевцев.

«Мы кровью готовы искупить свои преступления и ошибки», — слезливо клялся в этом письме стенной вояка.

Фрунзе после некоторых раздумий принял «повинную» Махно. Для того чтобы освободить Северную Таврию и Крым, нужно было собрать все, что возможно. «Повстанческая армия» могла оказаться хотя и не особенно надежным, но все же некоторым резервом в решающий час. Главное же — подчинение «повстанческой армии» содействовало большей безопасности тыла и давало возможность вести революционную пропаганду среди обманутых Махно бойцов.

Это имело решающее значение для Фрунзе при обсуждении вопроса о «покаянии» Махно.

Он послал Махно ответ, в котором дал согласие на включение «повстанческой армии» в состав войск Южного фронта.

Но Фрунзе предупредил в своем ответе, что при малейшем признаке измены, колебания и вероломства Махно и его приспешникам не придется уже ожидать никакой милости, никакой пощады.

Приезд Фрунзе на фронт совпал, как указывалось выше, с наступлением белых на Донбасс, начатым 27 сентября. Положение было серьезное, но Фрунзе предвидел этот удар Врангеля и энергичными действиями 13-й армии и брошенных ей на поддержку резервов фронта остановил развитие успеха Врангеля.

Врангелевским войскам во время этой операции все же удалось занять Мариуполь, Волноваху и Юзовку. На этом закончились попытки Врангеля прорваться в Донбасс, а через него на Дон и Кубань.

Но для Врангеля, как совершенно правильно определил Фрунзе, Донбасс был второстепенным направлением. Главный удар Врангеля Фрунзе также предвидел. Демонстрируя в Донбассе, Врангель готовился прорваться в правобережье Днепра, а оттуда к Черкассам, на соединение с поляками, которые, все еще надеясь на Врангеля, продолжали войну.

Фрунзе с нетерпением ждал Первую Конную армию. Усиление войск Южного фронта четырьмя кавалерийскими дивизиями героической Конной армии должно было в корне изменить соотношение сил и дать возможность войскам фронта перейти в общее контрнаступление.

4 октября Ленин послал командованию Первой Конной телеграмму с требованием ускорить ее передвижение на Южный фронт, а члены военного совета конармии были вызваны Фрунзе на совещание в штаб фронта. Вот как описывает К. Е. Ворошилов эту замечательную встречу:

«...я спешно на паровозе мчусь в Харьков...

...Радостная встреча — Арсений и Володя, «перекрещенные» революцией в их собственные имена и фамилии. Пожимаем друг другу руки. Оба возбуждены, рады неожиданной встрече.

Так вот он кто, Фрунзе-Михайлов, о котором так много славных, граничащих с легендами вестей и слухов! Вот он, большевистский воспитанник иваново-вознесенских и шуйских ткачей!

На столе огромная карта, на которой видно, что враг, последний враг русской революции, с удесятеренной наглостью пытается расширить район своих действий.

Мы начинаем обсуждать стратегический план нанесения решительного и последнего удара барону Врангелю.

И вчерашний подпольщик... Арсений с изумительной ясностью и

поражающим авторитетом истинного полководца развивает в деталях предстоящие решительные операции Красной Армии.

Главком т. Каменев и начштабесп т. Лебедев внимательны, сосредоточенны. Незначительные замечания, краткий обмен мнениями — и оперативный план большевика Арсения-Фрунзе утвержден.

Судьба Врангеля предрешена!»

Однако Врангель уже догадывался о грозящей ему опасности и решил опередить Фрунзе.

Планы его оставались прежними. Предполагая глубоко вторгнуться в правобережную Украину, выйти к Екатеринославу, Черкассам, Киеву, Врангель решил провести «Заднепровскую операцию».

В осуществлении этого замысла Врангелю смертельно мешала знаменитая Каховка. Не взяв Каховских укреплений, нельзя было и думать о продвижении на запад — соединении с белополяками.

Для нанесения удара по плацдарму с тыла по правому берегу Днепра Врангель сосредоточил свои отборные силы.

В ночь на 9 октября Врангель начал наступление. Генерал Кутепов с дивизиями 1-го корпуса переправился через Днепр в районе Хортицы и, выставив «железную» Марковскую дивизию заслоном в сторону Екатеринослава (ныне Днепропетровск), повел стремительное наступление по правому берегу Днепра на город Никополь.

Генерал Драценко форсировал Днепр в ночь на 10 октября и вышел в район Никополь — Ушкалка. Здесь же наступала кубанская конница генерала Бабиева.

Выполняя врангелевский план, Кутепов и Драценко 11 октября соединились и шли с боем на Апостолово, заходя Каховскому плацдарму в тыл.

По всем этим слаженным действиям, подкрепленным высокой технической оснащённостью белых войск, Фрунзе мог чувствовать, что сейчас перед ним враг не чета бухарскому Сеид-Алиму и даже колчаковским генералам.

Однако Фрунзе с честью выдержал и этот серьёзный полководческий экзамен. Он уже не был новичком в оперативном искусстве.

От Каховки, из резервов 6-й армии, на Никополь, для удара по наступавшим врангелевцам, Фрунзе двинул форсированным маршем 52-ю, 15-ю и Латышскую дивизии. 51-я дивизия осталась в полной боевой готовности на Каховском плацдарме для отпора возможному лобовому штурму. Выехав лично в Апостолово, Фрунзе энергичными мероприятиями остановил наступление врангелевцев на Каховку с тыла и нанес им

сокрушительный контрудар.

Смяв заслон Марковской дивизии, войска Фрунзе поставили под угрозу переправы врангелевцев у Александровска, отрезая им путь отхода на левый берег Днепра.

Пришедшие с Каховского плацдарма полки 52-й, Латышской и 15-й дивизий ударили 11 октября во фланг корпусу Кутепова; лучшие дивизии белых начали в панике отходить на левобережье. Первый этап «Заднепровской операции» потерпел крах.

Теперь у Врангеля оставалась лишь надежда на успех войск, нацеленных в лоб на Каховский плацдарм.

Но Фрунзе не медлил, предугадывая и это. Тотчас же после разгрома Кутеповского корпуса Михаил Васильевич отдал приказ Латышской и 15-й стрелковым дивизиям форсированным маршем вернуться обратно на Каховский плацдарм и совместно с 51-й дивизией принять участие в обороне Каховки.

Это было сделано вполне своевременно, так как на Каховском плацдарме в это время шли жестокие бои.

Против оставшейся там 51-й дивизии наступал весь армейский корпус генерала Витковского, поддерживаемый танками, самолетами, броневиками, большим количеством пулеметов.

Атака Каховского плацдарма началась 14 октября в 4 часа 30 минут утра.

Танки и броневики шли с разных направлений.

Танки вели исключительно офицеры. Под их прикрытием двигалась плотными рядами пехота. Бойцы 51-й дивизии, большинство которых видело танки впервые, проявили исключительную храбрость и смекалку в борьбе с ними.

— Держись, ребята! Руками сделано, руками и расколотим! — бросая под танк гранаты, кричал на одном из участков боец, старый коммунист, рабочий Тульского оружейного завода Всеволод Осташев. Подбитый танк остановился. Подошел броневик, и в него тоже одна за другой полетели гранаты.

Навстречу прорвавшейся врангелевской пехоте смело пошли в контратаку бойцы Красной Армии. Рукопашный бой длился почти весь день.

Расчет Врангеля провалился. Грозные боевые машины не напугали советских воинов: натиск пехоты тоже был отбит.

15 октября, на рассвете, бой на Каховском плацдарме возобновился с новой силой. Самоотверженно сражались бойцы 51-й дивизии.

Исключительно храбро и стойко действовала ударная огневая бригада. Эта бригада, имевшая огнеметы, впервые в истории гражданской войны применила их здесь, на Каховском плацдарме.

Мощным огнем пулеметов, минометов и струями огня нескольких огнеметов ударная бригада разила врангелевцев.

На четвертый день боя на Каховском плацдарме, 18 октября, в результате контрудара советской пехоты с фронта и обходного движения кавгруппы на фланге, врангелевцы начали отступление от плацдарма.

Второй корпус генерала Витковского отходил от Каховского плацдарма на Чаплинку, к югу.

Второй этап задуманной Врангелем «Заднепровской операции» также был сорван. Каховский плацдарм остался неприступен для врангелевцев.

Врангель чувствовал близящийся крах своих замыслов. Одновременное поражение в Заднепровье и на Каховском плацдарме заставило его начать общий отход войск в исходное положение и перейти к обороне.

Фрунзе и руководимые им войска Южного фронта хорошо справились с первой, поставленной Лениным задачей — остановить дальнейшее наступление врангелевской армии, ликвидировать всякую надежду ее на соединение с белопольской армией, обескровить, истощить врага, вырвать инициативу из его рук.

Успех этот не замедлил сказаться на общеполитической обстановке момента.

Польское правительство, напряженно выжидавшее развития событий на врангелевском фронте, поспешило подписать в городе Риге договор о перемирии, даже на худших условиях, чем те, которые Советское правительство предлагало весной 1920 года, когда Польша начинала свой авантюристический поход на Киев.

Перемирие, подписанное Польшей, было огромным ударом для Врангеля. Он лишался союзника, в сущности единственного...

Одна из двух рук Антанты, представлявших третий ее поход на Советскую республику, была обезврежена,

3. НАЧАЛО РАЗГРОМА

Тем временем с Польского фронта подходила ведомая Ворошиловым и Буденным Первая Конная армия.

20 октября, приветствуемая бойцами 6-й армии, она вступила в район

Берислава, а 26 октября Фрунзе отдал приказ о генеральном контрнаступлении всех армий Южного фронта.

Приказ гласил:

«Во что бы то ни стало не допустить отхода противника в Крым и согласованным, концентрическим наступлением всех армий уничтожить главные силы, группирующиеся к северу и северо-востоку от перешейков, отрезать пути его отхода в Крым и стремиться на плечах бегущих овладеть перешейками».

Одновременно Фрунзе точно определил задачи каждой армии.

Главный удар наносился с Каховского плацдарма в тыл главным силам врангелевской армии.

В случае неудачи овладения Перекопом с налета Фрунзе приказывал тотчас же приступить к артиллерийской и инженерной подготовке штурма Перекопского перешейка.

В тот же день Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину:

«Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 [\[35\]](#) и 1-е ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь...»

28 октября Первая Конная начала выполнение боевой задачи переправой на Каховский плацдарм у Берислава через Днепр.

Один за другим выходили кавалерийские полки Первой Конной на левый берег Днепра в район Каховского плацдарма.

На рассвете 29-го главные силы 6-й армии, сведенные в Перекопскую группу, перешли в наступление с Каховского плацдарма на Чаплинку — Перекоп. Командовал группой В. К. Блюхер.

Следом за Перекопской группой пошла в прорыв Первая Конная армия.

Задрожала земля Северной Таврии от топота копыт почти двух десятков тысяч боевых коней; зазвенели клинки; запели трубы...

Стремителен был удар войск Первой Конной и 6-й армий — главных ударных сил Южного фронта.

Уже 30 октября врангелевская армия была почти в полном окружении. Путь к отступлению в Крым для нее лежал теперь через районы, куда уже проникла Первая Конная. Она загородила врангелевцам путь в Крым, перерезав коммуникации Сальково — Чонгар.

Врангелю предстояло спешно спасти свою армию, уводить ее из окружения, за укрепления крымских перешейков.

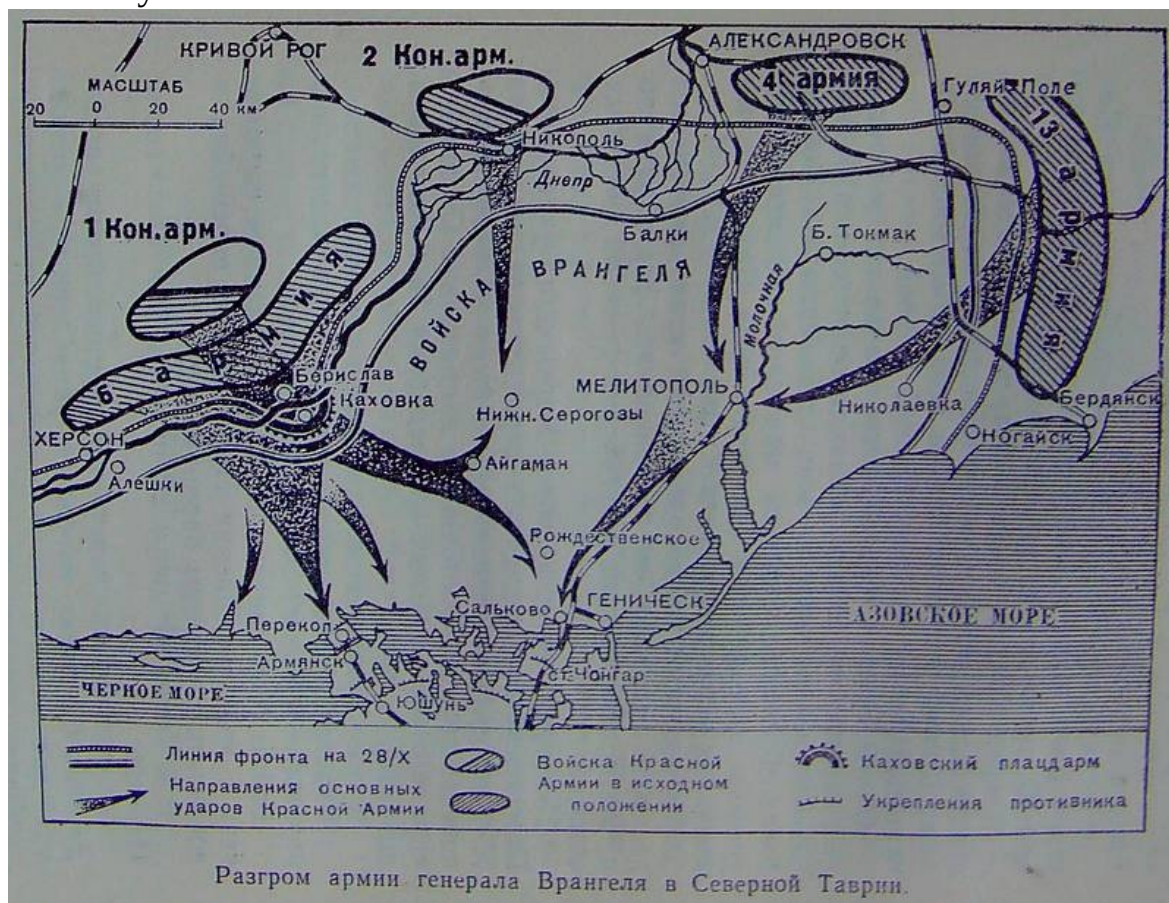
Врангелевские части яростно прорывались в Крым, всюду встречая упорное сопротивление. Эти ожесточенные, зачастую рукопашные схватки

стоили немалых потерь в людях и боевой технике как врангелевцам, так и Красной Армии.

Немало славных бойцов и командиров Первой Конной погибло в боях. Оперативные сводки, поступавшие в штаб фронта, приносили скорбные вести: убиты начдив 11-й кавалерийской Морозов и его комиссар Бахтуров, тяжело ранен в бою под Ново-Алексеевкой начдив Тимошенко, ранен начдив Городовиков...

Доставленные в Каховку раненые Первой Конной рассказывали, что на улице села Отрада в столкновении с врагом едва не погиб товарищ Ворошилов.

Теснимые со всех сторон, спешащие вырваться из грозящего им котла и укрыться за укреплениями Крыма, врангелевцы мчались буквально очертя голову.

Отряд текинцев, входивший в конный корпус убитого при отступлении врангелевского генерала Бабиева, влетел на карьере в село Отрада, где в это время оказался полевой штаб Первой Конной. Текинцы были приняты за часть 14-й кавалерийской дивизии, которую здесь ожидали. Ошибка быстро выяснилась.

Климент Ефремович, принимавший в этот момент в одной из хат села боевые донесения от дивизионных связных, то и дело прибывавших в штаб, слышал пальбу, а затем и звон сабель завязавшейся на краю села рукопашной конной схватки.

Вскочив на своего коня Маузера, Ворошилов устремился к месту боя, но оказалось, что текинцы уже опрокинули небольшой заслон охранения и сейчас лавиной неслись вдоль улицы села навстречу скачущему со своими ординарцами Клименту Ефремовичу,

Один из текинцев, мчавшийся с налитыми кровью глазами прямо на Климента Ефремовича, попытался сбить его с седла своей пикой. Револьвер Ворошилова дал осечку.

Пика, на счастье, вонзилась в мохнатую бурку, сорвала ее с плеч Ворошилова. Метким выстрелом ординарца Шпитального текинец был убит.

Было ясно, какой сплошной, всеобщей паникой охвачено врангелевское воинство, как мало уже думает оно сейчас об организованном сопротивлении, об удержании в Северной Таврии каких бы то ни было опорных позиций.

Несли потери и красные войска, шедшие на Перекоп. Были убиты командующий кавалерийской группой Юшкевич и ряд других командиров.

Вторая Конная, 4-я и 13-я армии не поспевали за стремительно отходящим противником, уклонявшимся даже от арьергардных боев и всей своей массой обрушившимся на заслоны Первой Конной.

Одной Первой Конной, несмотря на исключительный героизм ее бойцов, командиров и политработников, сдержать натиск всех отходящих на Чонгар войск Врангеля, было не под силу. Врангелевцам удалось прорваться к Чонгарскому и Сальковскому мостам и через них уйти в Крым.

Сальковский железнодорожный мост врангелевцы за собой взорвали, и несколько его ферм рухнуло в Чонгарский пролив. Чонгарский гужевого мост был сожжен.

Непосредственно на город Перекоп, на укрепления Перекопского перешейка, стремительно наступала 51-я стрелковая дивизия, входившая в состав Перекопской группы. Восточнее, в направлении Сиваша — «Гнилого моря», белых преследовала 15-я Инзенская дивизия.

Фрунзе напряженно следил за ходом сражения.

Удастся ли на плечах отступающего противника ворваться в Крым? Это решало многое...

Бойцы 51-й дивизии горели нетерпением штурмовать с ходу

укрепления Перекопского перешейка и покончить с «черным бароном».

В 6 часов 30 минут 30 октября был взят город Перекоп.

С винтовками наперевес красные бойцы с ходу пошли в атаку на сильно укрепленный Перекопский вал.

Однако без артиллерийской поддержки, без тщательной инженерной подготовки, да еще усталыми полками взять эту огнедышащую крепость оказалось невозможным.

Командование Перекопской группы донесло штабу Фрунзе:

«Взять перекопские укрепленные позиции с налета не удалось. Противник обеспечил себя хотя и небольшим гарнизоном, по оснащенным колоссальной материальной частью, которая, будучи приспособленной к условиям местности, сделала перешеек почти неприступным. Тактически позиции у противника неоченимы. Все преимущества и выгоды на его стороне, наши продвигающиеся части заметны и обстреливаются дальнобойной артиллерией, верст на 8—10 не доходя до Перекопа... К концу дня наши части, занявшие лихими атаками две полосы укреплений, преодолеть третью полосу — самый вал, несмотря на весь героизм, не смогли».

Началась тщательная подготовка к штурму вала.

В течение шести дней боев Врангель потерял все, что захватил в течение лета и осени.

Войска Южного фронта, руководимые Фрунзе, захватили тысячи пленных, огромные трофеи и среди них более 100 орудий, много пулеметов, более 100 вагонов со снарядами, бронепоезда, санитарные поезда, броневики, танки и большое количество разных складов.

Первый этап контрнаступления против Врангеля был проведен исключительно быстрыми темпами и успешно. Северная Таврия была освобождена.

Теперь перед Фрунзе и руководимыми им армиями стояла последняя задача, поставленная Лениным: до зимы освободить Крым.

4. ШТУРМ ПЕРЕКОПА И ЧОНГАРА

Еще во времена владычества турецких султанов и крымских ханов их подневольные рабы перекопали глубоким рвом перешеек — узкую полосу земли, соединяющую полуостров Крым со степями Северной Таврии. Так возник в северной части Перекопского перешейка Турецкий вал, высокая земляная стена длиной в одиннадцать километров. В середине вала была

воздвигнута каменная четырехугольная крепость.

После присоединения Крыма к России военное значение Турецкого вала утратилось. Но теперь барон Врангель использовал это старинное сооружение для своей обороны. Вал с крепостью в центре был под руководством врангелевских и иностранных военных инженеров превращен в настоящую современную крепость. Фасы и кронверки его были забетонированы. Высота вала от уровня земли превосходила десять метров, ширина у основания достигала двадцати метров. Перед валом шел сплошной ров, глубиной до десяти метров и шириной в сорок метров. Стены и дно рва были опутаны проволочными заграждениями.

Впереди вала, к северу, через многометровые интервалы врангелевцы построили три линии окопов с ходами сообщения. На всем протяжении вала были сделаны блиндажи, бетонированные пулеметные гнезда, установки для траншейных орудий, сотни закрытых стрелковых точек с бойницами на север.

За южным скатом вала стояла артиллерия, мощные тяжелые орудия — крепостные батареи на железобетонных установках, привезенные с севастопольских морских фортов.

Пулеметы располагались через каждые сто шагов, а в закрытых проходах вала пушечные бронемашины и танки готовы были в любую минуту начать огонь.

На многие километры к северу от Турецкого вала, по направлению к позициям советских войск, лежала ровная, открытая степь.

К югу от вала, на перешейке, в Армянске, был расположен аэродром, а в Перекопском и Каркинитском заливах Черного моря боевые корабли белогвардейского Черноморского флота сторожили берега — подступы с моря к Перекопскому перешейку.

В южной части Перекопского перешейка, между озерами, упираясь флангами в Каркинитский залив Черного моря и Сиваш, были сооружены также мощные укрепления — Юшуньские позиции.

Белогвардейцы были уверены, что в Крыму они неуязвимы. «Гнилое море» — Сиваш — считалось в это время года непроходимым, а укрепления перешейков вообще неприступными.

Иначе смотрел на дело Фрунзе. Стремясь уменьшить жертвы, командование фронта 1 ноября обратилось с призывом к солдатам и офицерам врангелевской армии прекратить военные действия, сложить оружие, организовать военно-революционные комитеты. В призыве объявлялось прощение всем добровольно перешедшим на сторону Красной Армии. Это воззвание являлось частью огромной работы большевистской

партии на фронте и в тылу врангелевской армии, где неумоимо, самоотверженно действовали подпольные организации и партизанские группы.

3 ноября Фрунзе, верный своему принципу лично руководить войсками на направлении главного удара, вновь выехал из штаба фронта, из Харькова, на передовые позиции.

Позднее, в своих воспоминаниях «Памяти Перекопа и Чонгара», он писал:

«Сейчас, когда пишутся эти строки, — 3 ноября.

В этот день, два года тому назад, завершился отходом врангелевских войск за крымские перешейки первый акт кровавой трагедии, известной под именем борьбы с южно-русской контрреволюцией. Невольно мысль переносится к этим незабвенным дням, становящимся уже историческим прошлым, и в сознании одна за другой всплывают картины этого, одного из наиболее драматических периодов истории нашей борьбы.

Армии Южного фронта... к вечеру 3 ноября стали вплотную у берегов Сиваша, начиная от Геническа и кончая районом Хорлы...

Участок железной дороги от ст. Большой Утлюг и вплоть до ст. Рыково представлял картину хаотического разрушения. Почти на всем протяжении он был забит остатками многочисленных железнодорожных составов, выброшенных белыми с севера, но не успевших проскочить в Крым. Большинство из них было уничтожено огнем и взрывами, но большое количество и уцелело. Многие составы продолжали гореть, и оттуда то и дело раздавались глухие снарядные взрывы и треск взрывающихся патронов. Все пространство, на протяжении 15–20 сажен от пути, было усеяно гильзами от патронов и снарядов разных калибров.

...Приезжаем на ст. Рыково.

Станция сплошь забита вагонами. Станционные постройки сильно пострадали: это место было свидетелем целого ряда боевых схваток. Полевой штаб армии... помещался в комнатке одной из сравнительно уцелевших станционных построек.

В штабе шла кипучая работа. Надо было прежде всего обеспечить размещение частей и их снабжение. Задача же эта при сравнительно слабой населенности района, отсутствии или крайнем недостатке фуража, полном отсутствии топлива, отсутствии местами (весь Чонгарский полуостров и целый ряд районов, прилегающих к Сивашу) даже питьевой воды была необычайно тяжелой. К этому надо добавить установившуюся необычайно холодную погоду — морозы доходили до 10^с, тогда как огромное большинство войск не имело теплого обмундирования, вынуждено в то же

время... располагаться под открытым небом.

Такова была внешняя, материальная обстановка, в условиях которой шла с напряженной энергией работа по подготовке последнего, решительного наступления.

Наряду с этим штабу приходилось спешно проводить реорганизацию частей...

И, наконец, шла самая энергичная работа по подготовке штурма Чонгарского перешейка.

...Небывалый подъем настроения и величайший героизм всего состава армий фронта совершают невозможное. Почти не было слышно жалоб на вопиющие условия боевой работы. Каждый красноармеец, командир и политработник держались лишь крепко засевшей в сознании всех мыслью: во что бы то ни стало ворваться в Крым, ибо там конец всем лишениям...»

*

Как всегда, Фрунзе тщательно изучает обстановку. Он проводит рекогносцировку побережья Сиваша, изучает историческое прошлое — боевые операции русской армии по овладению Крымом, анализирует и взвешивает все возможности скорейшего освобождения Крыма.

Фрунзе задумывается: а не последовать ли оперативному примеру русского фельдмаршала П. П. Ласси? В 1732 году фельдмаршал Ласси с пехотой и конницей вторгся через Арабатскую стрелку в Крым (около устья реки Салгир, в тридцати километрах южнее Геническа). Смелый удар русских войск в тыл всем укреплениям Сиваша и Перекопа решил тогда участь турецкой армии и участь Крыма.

Но сейчас подобную операцию нужно было обеспечить со стороны Азовского моря.

Командующему Азовской флотилией было приказано идти на Геническ. Однако красный флот не смог пробиться через льды, сковавшие Таганрогскую бухту.

Лично осмотрев побережье и убедившись, что на скорое прибытие флота надежды нет, время же не терпело, Фрунзе с сожалением отказался от намерения использовать для удара Арабатскую стрелку.

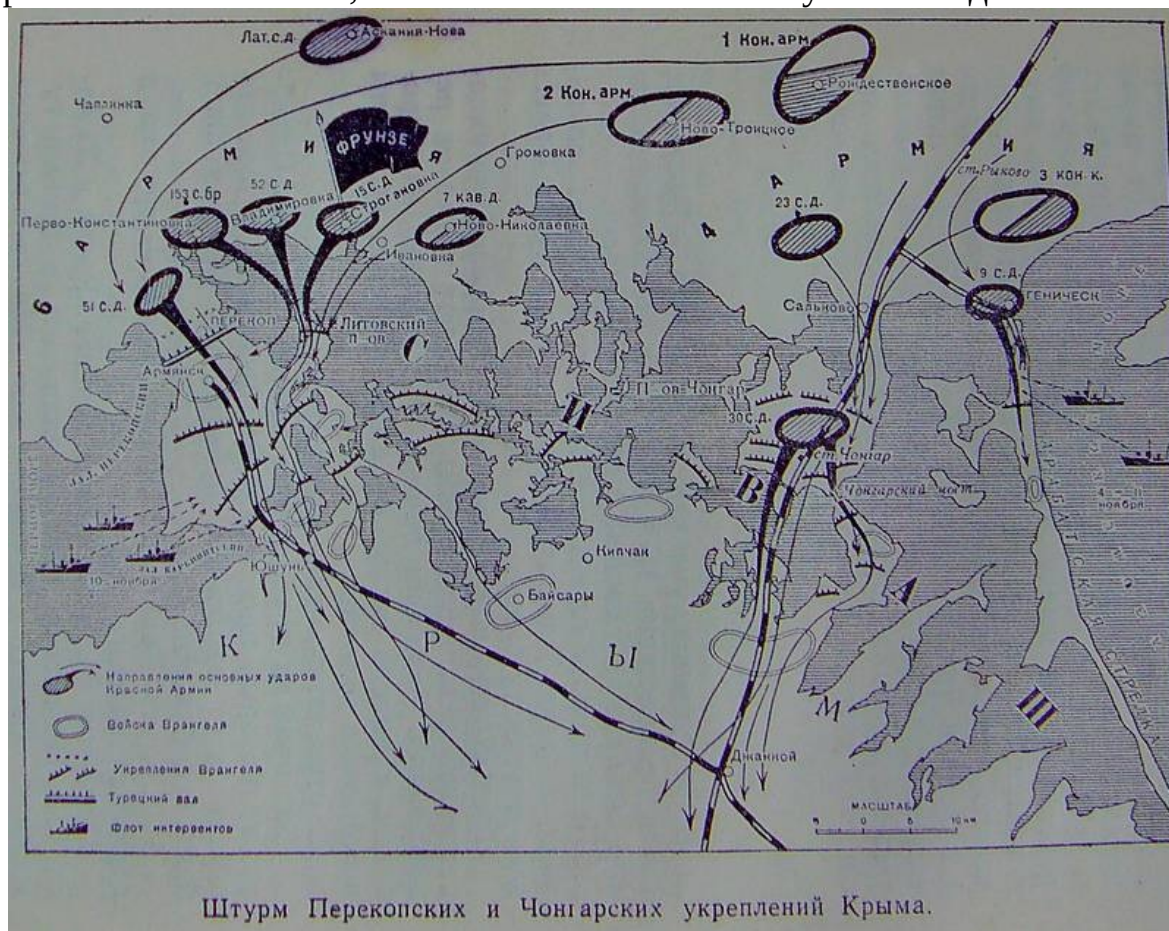
Он окончательно решает теперь нанести главный удар на Перекопском участке фронта путем обходного движения в тыл укреплениям Перекопа, через «Гнилое море» — Сиваш с одновременной атакой Турецкого вала в лоб.

Осуществление этой главной задачи было поручено войскам 6-й армии. Тюп-Джанкойскими и Таганашскими позициями на Чонгаре и укреплениями

Арабатской стрелки должны были овладеть войска 4-й армии.

Еще 16 октября В. И. Ленин телеграфировал Фрунзе: «...Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма».

Сейчас конным и пешим разведчикам было дано задание разведать Сиваш, изучить дно, отыскать броды. Уровень воды на Сиваше зависит от ветра. Если дует ветер с востока, он гонит воду из Азовского моря на запад, внутрь Сиваша; тогда заливаются все броды и Сиваш делается непроходимым. Если ветер дует с запада, вода медленно уходит к востоку и броды мелеют. В осеннее время Сиваш считают весьма труднопроходимым: дно вязкое, илистое, изобилует ямами, топиями, в которых не только пеший, но и конный может исчезнуть навсегда.

Ширина Сиваша от Строгановки до Литовского полуострова достигает девяти километров. Было решено вызвать в штаб 15-й дивизии проводников — местных жителей. Надо было точно установить броды, по

которым пойдут полки. Из числа проводников были выделены два — старый крестьянин-столяр Оленчук из Строгановки и пастух Ткаченко из Ивановки. В ночь с 6 на 7 ноября Оленчук и Ткаченко ходили с разведчиками на Сиваш, затем пошли туда же с саперами — ставить вехи. Той же ночью у самого берега саперы укладывали фашины, пуки соломы, доски для укрепления дна.

6 ноября Фрунзе выехал из штаба 4-й армии на Перекопский участок в войска, предназначенные для главного удара. Там он и провел все наиболее тяжелые и решающие дни операции. Еще до наступления темноты 6 ноября Фрунзе прибыл в штаб 51-й дивизии, расположенной в Чаплинке, в десяти километрах от Турецкого вала. Михаил Васильевич подробно выслушал доклад начальника штаба дивизии об общей обстановке, о состоянии дивизии, ее готовности к штурму. Вечером Фрунзе выехал в Первую Конную армию.

Наступило 7 ноября 1920 года. День празднования третьей годовщины Великой Октябрьской социалистической революции совпадал с началом штурма Перекопа, одной из славнейших операций Красной Армии времен гражданской войны.

Фрунзе, Ворошилов и Буденный послали Владимиру Ильичу Ленину телеграмму от имени войск Южного фронта и Первой Конной армии:

«Сегодня, в день годовщины рабоче-крестьянской революции, от имени армий Южного фронта, изготовившихся к последнему удару на логовище смертельно раненного зверя, и от имени славных орлов 1-й Конной армии — привет. Железная пехота, лихая конница, непобедимая артиллерия, зоркая стремительная авиация дружными усилиями освободят последний участок Советской земли от всех врагов...»

*

Берег Сиваша, участок Строгановка — Ивановка. Здесь расположена 15-я Инзенская стрелковая дивизия, наносящая главный удар через Сиваш.

Иней тонким слоем лежит на крышах хат, на сараях, плетнях. Тоненький ледок затянул лужи. Сиваш весь окутан туманом.

Третью годовщину Великой Октябрьской социалистической революции бойцы встречают накануне решительного боя. Они готовятся к ночному форсированию «Гнилого моря». В каждой бригаде выделены штурмовые колонны.

С утра штурмовики готовились к бою.

Вот прошли праздничные митинги в честь Октября, на которых просто и ясно говорилось о том, что страна ждет от бойцов победы, что Крым должен быть освобожден.

— Смерть Врангелю! Даешь Крым! — дружно и горячо отзывались бойцы.

Наступил час выполнения приказа. Ровно в 22 часа 15-я Инзенская дивизия двинулась в темный туманный Сиваш. Впереди шли 254 штурмовика с 60 конниками, за ними — полки 45-й бригады. Казалось, будто все они проваливаются куда-то в туман, в темноту ночи. Вел штурмовиков проводник Оленчук.

Тихо. В полном молчании спускались полки в Сиваш. Воды у берега почти не было. Западный ветер отогнал ее на восток. Кругом липкий серый туман. Холод пронизывает насквозь. Ночную тишину изредка нарушает ржание лошадей, порой звякает оружие, кое-где слышна отданная вполголоса команда.

Чем дальше шли полки, тем хуже становился брод. Изредка то слева, то справа раздавались приглушенные крики: это бойцы попадали в топи. Застрелили орудия. Лошади напрягали последние силы. Им помогали люди...

В 2 часа ночи 8 ноября штурмовики вышли на берег Литовского полуострова. Завязался ожесточенный бой со сторожевыми охранениями кубанской бригады генерала Фостикова. Но под натиском выходивших на берег советских бойцов белые бежали, их погнали в глубь Литовского полуострова.

Вскоре целиком две бригады 15-й дивизии сражались уже на Литовском полуострове. Вот стали выходить из Сиваша и полки 52-й дивизии, а еще западнее, где воды было меньше, — две бригады 51-й дивизии. Они наступали на Караджанай. Охваченные паникой, врангелевцы не выдержали удара. Теснимые 15-й и 52-й дивизиями, они стали отходить на заранее подготовленные Юшуньские позиции.

Начался рассвет. К белым подошли резервы. Бой разгорался все сильнее и сильнее. Навстречу наступавшим цепям красных бойцов врангелевцы бросили броневики. Но вот выдвинулись вперед наши легкие орудия, и броневики были отогнаны. Снова советские бойцы бросились вперед.

Врангель ввел в бой свои пехотные резервы, а также конницу генерала Барбовича.

15-я дивизия потеряла уже около 800 человек убитыми и ранеными, но продолжала вести упорный бой. Спасение было только в движении вперед.

К наступлению темноты 8 ноября вода в Сиваше в результате изменившегося ветра стала прибывать. Но угроза быть отрезанными от материка, а следовательно, и от резервов, не уменьшила мужества и наступательного порыва бойцов. Контратакующим врангелевцам не удалось сбросить в Сиваш советские полки. 15-я дивизия в этот день сама отбила у белых 4 орудия и взяла в плен 150 человек.

Как же проходил в это время штурм Турецкого вала?

Врангелевцы на валу нервничали, они то и дело открывали пулеметный и ружейный огонь. В темноту неба взвивались ракеты; с треском разрываясь, они неслись с шипением к земле, освещая равнину, громаду Турецкого вала и притаившихся красных бойцов, готовых к решающей атаке.

К 8 часам утра туман медленно рассеялся. Вся артиллерия 51-й дивизии обрушила огонь на Турецкий вал. Загремели один за другим страшные взрывы у проволочных заграждений: саперы взорвали динамит. Одновременно это был сигнал к наступлению.

Саперы сделали свое дело. В густо натянутых проволочных заграждениях от взрывов образовался ряд проходов, которые резчики стали расчищать, расширять ножницами.

Цепи начали подвигаться к проволочным заграждениям и проходам в них, чтобы затем броситься в атаку.

Все кругом грохотало. В это время в штаб 51-й дивизии, в Чаплинку, вновь приехал командующий фронтом М. В. Фрунзе.

Фрунзе понимал, что много жертв потребует лобовой штурм Турецкого вала, что многие храбрецы не вернутся с поля боя... Но обстановка требовала категорически подтвердить приказ о штурме.

Фрунзе остался здесь же, в штабе 51-й дивизии. Весть о том, что Фрунзе в дивизии, вызвала у бойцов новый прилив бодрости и отваги:

— Возьмем вал!

Смело двинулись полки на штурм Турецкого вала.

Вот первый батальон 456-го полка перебежками продвигается вперед и подходит вплотную к проволочным заграждениям у рва...

Скрытые перед рвом пулеметы косят смельчаков... Они останавливаются... Отходят назад и «застрельщики», рвавшие и резавшие проволоку. Первая атака не удалась.

Снова пять часов подряд била наша артиллерия. В батареях ощущался уже недостаток боеприпасов.

При поддержке двух отрядов бронемашин в 6 часов вечера бригады опять бросились в атаку.

Несущиеся впереди бронемашины 14-го и 42-го бронеотрядов подошли к проволочным заграждениям и стали их рвать.

Однако, несмотря на необыкновенный подъем духа бойцов, несмотря на их беззаветную храбрость, ураганный огонь противника снова заставил атакующих отойти от Турецкого вала. Бригады потеряли больше половины своего состава.

Целый день, напряженного, беспримерного сражения, день героических атак не принес победы...

С наступлением темноты началась упорная подготовка к ночной атаке Турецкого вала.

Фрунзе беседует с бойцами резервных частей. Настроение у бойцов приподнятое. Резервные батальоны готовятся идти на поддержку своих товарищей.

Холодно. Костры разводить нельзя. Курить тоже нельзя: вспышками огня можно обнаружить себя. Прыгают, толкаются бойцы, пытаются хоть так согреться.

В темноте по дороге подходят новые резервы. Это полки Латышской дивизии.

Фрунзе, отдав необходимые приказания начдиву 51-й, выехал по северному берегу Сиваша на стареньком автомобиле с членом Реввоенсовета фронта в штабы 52-й и 15-й стрелковых дивизий. Посетив штаб 52-й дивизии, расположенный в селе Владимировке, Фрунзе около полуночи 8 ноября приехал в штаб 15-й стрелковой дивизии, расположенной в селе Строгановке. Начдива в штабе не было, он, как и начдив 52-й, находился с бригадами и полками за Сивашем. В штабе 15-й дивизии Фрунзе встретил рапортом высокий, стройный, со строгим, чисто выбритым лицом начальник штаба дивизии Петр Ярчевский. Коротко и точно Ярчевский доложил командующему фронтом о напряженных боях на Литовском полуострове и южнее его, о достигнутых успехах, взятых пленных, трофеях, а также о трудностях, испытываемых войсками, перешедшими через Сиваш.

С берега Сиваша слышно было, как у Литовского полуострова, у Караджаная и на подступах к тылу Турецкого вала глухо били пушки и гремели взрывы. Там, за Сивашем, храбрые красные полки продолжали упорный бой с врангелевцами, стремясь зайти в тыл Турецкому валу. А в это время ветер с юго-востока все гнал и гнал воду из Азовского моря, поднимая ее уровень на Сиваше.

Выслушав доклад Ярчевского и ознакомившись в оперативном отделе штаба дивизии с деталями обстановки, Фрунзе сказал:

— Несмотря на огромные недостатки и тяжелое положение в войсках, находящихся уже в Крыму, для меня все же совершенно ясно, что мы поступили правильно, решившись идти на штурм без всяких проволочек и даже не дождавшись прибытия всей нашей тяжелой артиллерии. Убежден, что уже этой ночью победа будет в наших руках. Маневр через Сиваш принесет свои плоды.

Фрунзе приказал помощнику начальника штаба 15-й дивизии [36] немедленно выехать на Сиваш — проверить уровень воды и состояние бродов.

На Сиваше дует пронзительный ветер. Волнуется «Гнилое море». Темно.

Обследовав броды, помощник начальника штаба дивизии доложил Фрунзе о положении на Сиваше. Уровень воды продолжал подниматься.

После короткого совещания с работниками штаба

15-й дивизии и членом Реввоенсовета фронта Фрунзе принял решение:

1. Начдиву 7-й кавалерийской немедленно двигаться в Строгановку для перехода через Сиваш на помощь 15-й и 52-й дивизиям.

2. Командарму повстанческой та же задача — двигаться к Строгановке для перехода через Сиваш.

3. Начдиву 51-й немедленно атаковать вал и взять его во что бы то ни стало.

Второй час ночи. Тихо в оперативном отделе штаба 15-й дивизии. Мягко ложится свет керосиновой лампы на озабоченные лица. За окном полнейший мрак. В центре у стола над оперативной картой склонился Фрунзе. Вот он делает в приказаниях последние поправки. Распоряжения Фрунзе тотчас вступают в силу.

В два часа ночи 9 ноября в Строгановку пришла 7-я кавалерийская дивизия. Фрунзе разъяснил начдиву задачу. Через несколько минут голова колонны уже входила в Сиваш.

Вызванные «повстанцы» (махновцы) явились в начале третьего часа. Самого Махно с ними не было. Он боялся показаться на глаза Фрунзе. Вместо него прибыл так называемый «командарм» некий Каретников. «Степных волков» можно было распознать сразу. Они держались вызывающе.

Фрунзе позвал к себе Каретникова и конкретно, у карты, поставил ему задачу. Однако этим предателям, не верившим в успех советских войск и не желавшим его, явно не хотелось идти за Сиваш. Положение самого Фрунзе и штаба дивизии в эти минуты было довольно опасным. У штаба имелась лишь небольшая охрана.

Это был поистине драматический момент — быть может, самый драматический лично для Фрунзе за столь насыщенную волнующими событиями историческую ночь Перекопского штурма.

Подкрепление для войск, сражавшихся на северном берегу Крыма, было абсолютно необходимо. Войска эти — части 15-й и 52-й дивизий и две бригады 51-й дивизии — подверглись, как уже сказано выше, яростным контратакам и угрозе окружения со стороны оперативных резервов Врангеля — Кубанской бригады, кавалерийской группы Барбовича, подкрепленной броневиками, и пехотной дивизии генерала Дроздова.

Ликвидация красного сивашского десанта поставила бы под угрозу весь стратегический замысел Фрунзе...

Два раза выходили для «совещания» и возвращались к Фрунзе «командарм» махновцев со своим окружением.

Но Фрунзе невероятным усилием воли сохранял хладнокровие, выдержку.

— Отданный мной приказ должен быть вами выполнен, — железным голосом отчеканил он в лицо Каретникову. — Даю вам десять минут...

Каретников потускнел. Взгляд его не выдержал стального блеска глаз Михаила Васильевича Фрунзе. Понурясь, он вышел и ровно через десять минут «повстанческая» двинулась в сивашскую воду... Конный брод еще существовал, но путь назад был отрезан.

Фрунзе ни на миг не смыкал глаз, с нетерпением ожидая донесений о ходе боя под Турецким валом.

А там, у Турецкого вала, после взрыва динамита под проволочными заграждениями, в два часа ночи началась новая атака. Около тысячи членов партии коммунистов шли впереди. Бойцы решили взять вражеские укрепления во что бы то ни стало. Каждый понимал, что если белые удержат вал, то сражавшиеся в Крыму войска могут быть уничтожены врагом, навалившимся на них всеми своими силами.

Ослепляемые светом прожекторов, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, бойцы бросились в последний штурм.

Вот уже в ров спустилась советская пехота.

На всем одиннадцатикилометровом протяжении вала вновь завязалась упорная, решительная борьба, уже перешедшая в рукопашную схватку у самого вала.

Наконец ворвались на вал.

В разных местах сначала слабо, потом все сильнее и сильнее загремело «ура».

В 3 часа 30 минут утра 9 ноября советские войска водрузили свои

знамена на Турецком валу, а в 3 часа 35 минут Фрунзе, находившийся в штабе 15-й дивизии, получил короткое донесение:

«Турецкий вал взят. Противник отходит к Юшуньским позициям».

Велика была радость Михаила Васильевича в эти минуты. Главное было сделано — Турецкий вал взят. Однако естественное чувство полководца — чувство ответственности за ход всей операции продолжало им владеть.

До рассвета оставалось немного. Фрунзе прилег на скамье здесь же, в оперативном отделе дивизии, прикрывшись бекешей. Это был краткий отдых полководца после огромного напряжения двух бессонных ночей.

Едва забрезжил рассвет 9 ноября, как Фрунзе уже выехал в штаб 4-й армии, а оттуда в штаб 30-й Иркутской дивизии, части которой были нацелены на штурм Тюп-Джанкойских и Таганашских позиций с Чонгарского полуострова.

Приезд Фрунзе вдохновил бойцов, командиров и политработников.

В своих воспоминаниях о штурме Перекопа и Чонгара Фрунзе писал:

«...убедившись, что события на фронте 6-й армии развиваются нормально, мы выехали к ст. Рыково, в штаб 4-й армии, дабы ускорить наш удар отсюда и тем не дать противнику возможности обрушиться всеми силами на Перекопское направление...

В районе мостов заканчивались спешные приготовления полков 30-й стрелковой дивизии к ночному штурму. Настроение полков было выше всяких похвал. Переданное мною частям сообщение о взятии 6-й армией Перекопа еще более подняло настроение и вызвало горячий дух соревнования.

Не могу забыть следующего факта: когда я в штабе 4-й армии сообщил начальнику 30-й стрелковой дивизии Грязнову и бывшему с ним одному из командиров бригад, что Блюхер взял Перекоп, то оба побледнели. Через несколько минут, смотрю... они укатили на позицию. А через несколько часов начался знаменитый ночной штурм полками 30-й дивизии Чонгарских позиций противника. Утром 11 ноября после кровопролитного боя части дивизии уже были на том берегу и, опрокинув противника, стремительно наступали на Джанкой».

5. КРЫМ ОСВОБОЖДЕН

Сбитые с Турецкого вала врангелевцы откатывались на юг к Армянску, к Юшуньским позициям, преследуемые полками 51-й дивизии.

В 9 часов утра в тот же день, 9 ноября, был взят город Армянск.

Здесь, в Армянске, красные войска, штурмовавшие Турецкий вал, соединились с героическими частями, вброд форсировавшими Сиваш и вышедшими по замыслу и приказу Фрунзе в непосредственный тыл Турецкому валу.

Радостной была эта встреча. Хотя еще предстояло отбить у белых Юшуньские позиции, расположенные в южной части Перекопского перешейка, между тремя большими солеными озерами — Старым, Красным, Безымянным, но все чувствовали, все понимали: Врангелю здесь уже не устоять, раз он лишился и Северной Таврии и почти неприступных укреплений Перекопа — Турецкого вала. Все последующее могло представлять лишь агонию врангелевцев.

К концу дня 51-я дивизия заняла две линии Юшуньских позиций. В темноте противник отходил на третью линию. Передовые цепи дивизии залегли в ста шагах от проволочных заграждений.

Наступила напряженная тишина перед последним, завершающим ударом.

В это время командование Южного фронта сделало еще одну попытку избежать дальнейшего кровопролития. Фрунзе по радио обратился к офицерам, солдатам и матросам армии Врангеля:

«Командование красным Южным фронтом сегодня послало радио Врангелю, в котором предлагает ему со всеми подчиненными ему сухопутными и морскими силами сдать советским войскам в 24-часовой срок. При добросовестном исполнении этого всем бойцам Крымской армии гарантируется жизнь и желающим свободный выезд за границу...

...Откажитесь от позорной роли лакеев иностранных империалистов. В настоящий грозный час будьте с Россией и ее народом».

Но Врангель все еще надеялся удержаться в Крыму. Открыв сильный артиллерийский огонь на своем правом фланге, врангелевская конница и пехота вновь перешли в наступление на участке 15-й Инзенской дивизии, занимавшей позицию на левом фланге, примыкавшем к Сивашу.

Однако все эти отчаянные и последние попытки потерпели крах. 15-я дивизия при поддержке 52-й дивизии мощным ударом остановила врангелевскую кавалерию и пехоту и, перейдя в контратаку, штурмовала и заняла вражеские позиции. Врангелевские войска в панике побежали к югу, пытаясь найти спасение на кораблях. Тысячи солдат сдавались в плен. На преследование врангелевцев устремились 7-я и 16-я кавалерийские дивизии. Юшуньские позиции на этом участке (левый фланг и центр) пали.

Радиостанция штаба 51-й дивизии в 12 часов дня 12 ноября сообщала:

«Срочно. Всем, всем. Доблестные части 51-й дивизии в девять часов прорвали последние Юшуньские позиции белых и твердой ногой вступили в чистое поле Крыма».

В тумане торопливо поднимали якоря в портах Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи уходящие от берегов Крыма перегруженные корабли, пароходы и транспорты с врангелевцами. «Врангелиада» кончила свои бесславные дни... На крейсер «Корнилов» поступила радиограмма:

«Генералу Врангелю.

Обязанный немедленно вернуться в Париж, я обращаюсь к Вам с почтительным приветствием и желаю счастливого пути до Константинополя. Я счастлив, что эвакуация из Крыма благополучно закончилась. Я дал «Алжиру» (французский крейсер) указание сопровождать «Корнилова» и служить Вашим эскортом до Константинополя.

Адмирал Руссо. 15 ноября 1920 года».

Это был последний «жест любезности» организаторов интервенции своему агенту Врангелю, жест, явно граничивший с издевкой...

Радостно встречали жители Крыма победоносные, героические полки 51-й дивизии и Первой Конной армии во главе с товарищами Ворошиловым и Буденным, вступившие в Севастополь.

С восторгом смотрели бойцы, в особенности сибиряки, на красоты возвращенного республике Крыма. Их удивляли горы и море, великолепные дворцы бывшего императора, крымских ханов, эмира бухарского, виллы и дачи великих князей, царских вельмож, сановников; шпили минаретов, мечетей, кипарисы, платаны, виноградники.

Почти три года чудесный Крым был оторван от своего истинного хозяина — советского народа. Отныне Крым и все его богатства и красоты вновь принадлежали народу.

Директива Ленина и план разгрома Врангеля были полностью выполнены.

15 ноября Фрунзе доносил радиограммой председателю Совета Обороны Ленину:

«Сегодня наши части вступили в Севастополь.

Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южнорусская контрреволюция. Измученной стране открывается возможность приступить к залечиванию ран, нанесенных империалистической и гражданской войнами. Революционный энтузиазм, проявленный Красной Армией в минувших боях, является порукой того, что и на поприще мирного строительства трудовая Россия одержит не

менее блестящие победы. Красные армии Южного фронта шлют свой привет и поздравляют с победой рабочих и крестьян России и всего мира...
Командюжфронта **Фрунзе**».

16 ноября Фрунзе телеграфировал Ленину:
«Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.
Командюжфронта **Фрунзе**».

Вторая рука Антанты была отсечена.
17 ноября в полках, дивизиях, армиях Южного фронта читали приказ
Фрунзе:

«...Боевые товарищи-красноармейцы, командиры и комиссары, ценой ваших героических усилий, ценой дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым...

Отныне красное знамя — знамя борьбы и победы реет в долинах и на высотах и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях. 50 дней прошло с момента образования Южфронта; за этот короткий срок благодаря вашей стойкости и энергии была ликвидирована угроза врага Донбассейну, очищено все Приднепровье и занят весь Крым.

Честь и слава погибшим в борьбе за свободу...»

6. НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

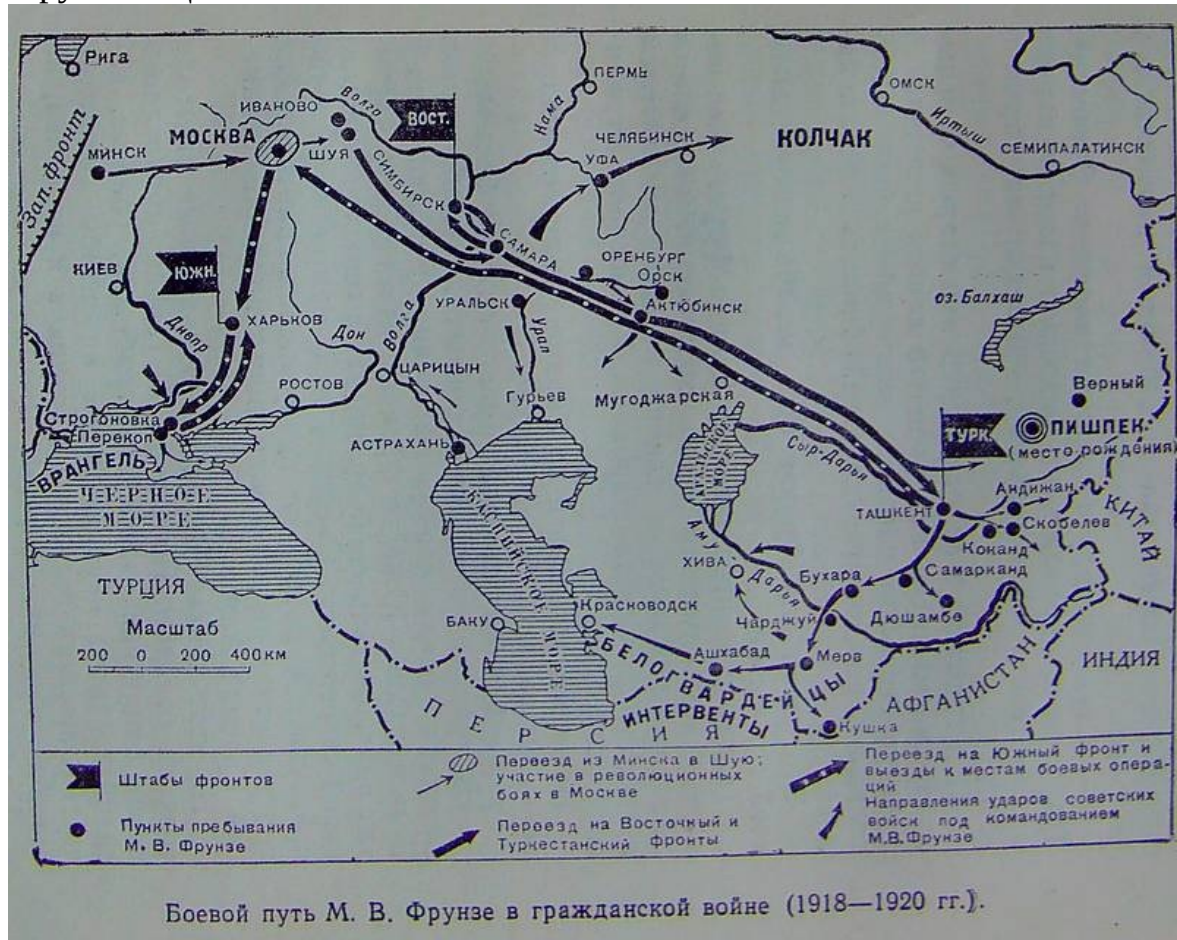
22 декабря 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин в своем докладе так сказал о победе над Врангелем:

«...Необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем».

Совет Труда и Оборона под председательством Ленина отметил исключительно высокие заслуги бойцов, командиров и политработников войск Южного фронта перед рабоче-крестьянской страной.

За разгром Врангеля постановлением ВЦИК от 25 ноября 1920 года Фрунзе был награжден Советекич правительством почетным революционным оружием-шашкой с орденом красного Знамени и надписью «Народному герою Михаилу Васильевичу

Фрунзе ВЦИК РСФСР».

Введение этой высшей боевой награды было одобрено Владимиром Ильичем Лениным. Этой награды были удостоены всего несколько человек, по праву заслуживших в суровые годы гражданской войны почетное звание народного героя. Среди них: Михаил Фрунзе, Климент Ворошилов, Григорий Котовский.

Одновременно Михаил Васильевич Фрунзе решением Реввоенсовета республики был зачислен в Генеральный штаб.

Перевод М. В. Фрунзе в Генеральный штаб означал признание его выдающихся военных дарований и исключительной эрудиции в военном деле, с таким блеском проявленных на полях сражений против армий интервентов и белогвардейцев. Это был первый случай, когда без окончания Академии Генерального штаба военному деятелю присваивались все права генштабиста. Это было равносильно присвоению военной ученой степени.

Избранный делегатом от войск Южного фронта, Михаил Фрунзе принимал участие в работе VIII Всероссийского съезда Советов. Вместе с

Фрунзе в Москву выехали Ворошилов, Буденный, Тимошенко и другие герои — освободители Северной Таврии и Крыма, принимавшие участие в разгроме армии «черного барона». Все они были сейчас почетными гостями в древнем Московском Кремле.

В зале Кремлевского дворца героев Северной Таврии, Перекопа, Чонгара и Крыма приветствовал «всесоюзный староста» — бывший рабочий Путиловского завода, глава Советского государства, председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин.

Вручая Фрунзе почетное революционное оружие, М. И. Калинин сказал:

— Счастлив вручить народному герою нашего великого социалистического Отечества эту высшую награду Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Пусть она будет вам напоминать о тех великих победах в жестоких битвах, которые были одержаны войсками Красной Армии под вашим непосредственным командованием.

Взволнованно слушал это приветствие от главы Советского государства бесстрашный революционер и полководец.

— Служу народу и социалистическому Отечеству. Постараюсь оправдать эту высокую награду народа и Советского правительства, — ответил он скромно и просто.

Под грянувшие аплодисменты два старых большевика, два воспитанника рабочего класса и ленинской Коммунистической партии, ставшие крупнейшими деятелями Советского государства, обнялись и поцеловались.

Этот день для Фрунзе был незабываемым днем всей его жизни.

Тогда же по предложению Ленина Фрунзе был назначен командующим всеми вооруженными силами Украины и Крыма и вскоре избран заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Украинской республики.

Но не все еще враги на Украине были ликвидированы. Оставались банды Махно.

24 ноября Фрунзе отдал приказ армиям фронта:

«В связи с окончанием боевых действий против Врангеля, ввиду его уничтожения, Революционный Военный Совет Южного фронта считает задачу партизанской Повстанческой армии законченной и предлагает Реввоенсовету Повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения Красной Армии...»

На этот приказ Махно и его подручные ответили волчьим оскалом. По

Северной Таврии прокатилась волна бандитских злодейств, грабежей, убийств, насилий... Махно нападал даже на штабы советских частей, вырезал сельских работников и их семьи, не щадя ни женщин, ни детей.

На заседании Реввоенсовета фронта Фрунзе заявил:

— Совет Труда и Оборона считает, что очищение Украины от бандитизма является вопросом исключительно важным для всей Советской федерации.

Фрунзе лично возглавил борьбу с махновцами. Нелегка была эта совершенно своеобразная степная война. На тачанках, запряженных тройками коней, отрядами по сто, по двести человек, то искусно скрываясь в балках и плавнях, то огрызаясь внезапными контрналетами, махновцы все время меняли свои маршруты и районы действий...

В одном из боев с махновцами Фрунзе едва не погиб. Вследствие неверной разведывательной информации, доложенной Фрунзе, небольшая группа командиров и бойцов, сопровождавшая его, неожиданно подверглась нападению махновцев. Это произошло в районе Миргорода, в местечке Решетилловке. Обстоятельства сложились так, что Фрунзе оказался один против четырех преследовавших его бандитов. Лошадь была ранена в шею, Фрунзе спешил и меткими выстрелами убил трех из нападавших на него махновцев. Шинель Фрунзе была прострелена в нескольких местах, но сам он, по счастью, был лишь легко ранен.

Удары войск, руководимых Фрунзе, привели к разгрому банд. Махно после этого уже не оставалось более ничего, как искать спасения в бегстве с Украины в пределы Румынии, тогда бывшей еще под властью бояр.

За ликвидацию махновщины и проявленные при этом личные мужество и храбрость Фрунзе был награжден вторым орденом Красного Знамени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

1. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Неторопливыми оттепелями начиналась весна 1921 года, долгожданная, желанная, после мучительно трудной, холодной и голодной зимы. Позади было три года напряженнейшей, изнурительной гражданской войны, завершившейся полной победой революционного народа, но приведшей страну на невообразимый уровень оскудения.

Бездействовало большинство заводов и фабрик, замерли, законсервировались шахты и рудники, не дымили трубы электростанций.

Крупнейшие города пребывали в потемках, и недаром знаменитый английский писатель Г. Уэллс, побывавший в гостях у Ленина, с ироническим сочувствием озаглавил свою книгу об этой поездке: «Россия во мгле...»

Обезлюдели сельские поля, зарастая сорняками и кустарниками. Государственные закрома и склады были пусты. Продовольственный паек дошел до минимума. В учреждениях и жилищах, больницах и школах

царила стужа. Железные дороги еле-еле дышали: трое суток требовалось на путь поездом от Москвы до Ярославля, десять до Саратова... Тиф-сыпняк гулял по станциям, городам и поселкам. Москвичи уже почти позабыли, что такое трамвайное сообщение, пешком таскались из Сокольников на Плющиху, из Лефортова в Останкино.

И все же бодро смотрела вперед победоносная ленинская партия большевиков. Советский строй был утвержден. С неслыханными военными испытаниями было как будто покончено. Теперь и полководцы и рядовые бойцы революции могли устремить свою энергию на созидание и восстановление. Военным деятелям партии — а таковыми за время гражданской войны стали очень многие коммунисты — предстояло превратиться в деятелей государственных.

Под бодрящий звон первых раннемартовских капелей по несколько обезлюдившим, но все же оживленно-деловым улицам Москвы собирались на открытие очередного, X съезда Российской Коммунистической партии его делегаты с разных концов страны, как обычно, в приподнятом, творческом настроении.

Среди них 320 человек были одеты в военную форму с неснятыми нарукавными знаками различия. Это были так называемые «военные делегаты» от многочисленных парторганизаций армии, и среди них, разумеется, ряд прославленных полководцев — таких, как Буденный, Ворошилов, Фрунзе, Тимошенко, Фабрициус, Котовский.

Но им предстояло на сей раз услышать от лица партии, из уст Ленина не одни похвалы и благодарности за их высокие подвиги, обеспечившие победу революции.

— Эпохе военного коммунизма — конец! — заявил Ленин на открывшемся съезде. — Необходим переход к новой экономической политике, которая дала бы нам возможность быстрее залечить раны войны.

Внезапно, почти одновременно с открытием X съезда партии, вспыхнул контрреволюционный мятеж в Кронштадте, важнейшей морской крепости страны. Это было подобно грому среди более или менее прояснившегося неба. Военно-стратегическое значение Кронштадта, ключа к Петрограду, было столь велико, что даже на час нельзя было допустить его отпадения.

Почти всех преданных делу советской власти и партии работников кронштадтские мятежники схватили. Немногим удалось уйти от их расправы. На Петроград были наведены мощные орудия Кронштадтской крепости и линейных кораблей, примкнувших к мятежу.

Мятежники не могли, конечно, надеяться на овладение Петроградом

путем непосредственной атаки. Для этого силы их были недостаточны, но они могли осуществлять обстрел города и его окрестностей из мощных дальнобойных орудий с фортов и кораблей, сея панику, разложение, помогая поднять голову различным контрреволюционным элементам. Мятеж мог распространиться на прилегающие к столице районы, где еще сильно было кулачество. А там могли подоспеть и новые интервенты.

Во главе мятежа стоял бывший генерал Козловский. Из Финляндии имел наглость приехать в Кронштадт бывший командир линкора «Севастополь» Вилькен, бежавший туда после Октября.

В годы гражданской войны Балтика отдала почти всех своих передовых большевиков-матросов на сухопутные боевые фронты. Балтийские матросы били и немецких интервентов, и Каледина, и Деникина, и Колчака, и Врангеля. Много героев-моряков Балтики сложили свои головы за октябрьские завоевания. С их уходом на фронты ослабла большевистская организация в Кронштадте. Пополнения, пришедшие во флот, в основном представляли малосознательную крестьянскую массу. А она была пропитана недовольством против тягот войны, против так называемой «продразверстки» военного времени, особенно бывшей по кулачеству, но затрагивавшей и крестьян-середняков.

В правительственном сообщении за подписью Ленина кронштадтский мятеж характеризовался как новый белогвардейский заговор, опирающийся на отсталые элементы деревни.

По приказу Ленина в Петрограде и области было введено осадное положение, организован Комитет обороны Петрограда.

Первое наступление войск Красной Армии на Кронштадт 7 марта, недостаточно умело организованное, не ликвидировало мятежа.

По предложению Ленина все 320 военных делегатов X партсъезда должны были принять участие в ликвидации мятежа. План был разработан лично Лениным при участии Фрунзе и Ворошилова.

Штурм Кронштадта был назначен в ночь с 16 на 17 марта. Для наступления на мятежный Кронштадт были организованы две группы: Северная и Южная. Общее руководство операцией было возложено на Климента Ефремовича Ворошилова.

Одетые в белые халаты, штурмующие части, возглавляемые военными делегатами X съезда партии, двинулись колоннами: от Ораниенбаума, от Красной горки, от Сестрорецка и из района торгового порта (от устья Невы). Все колонны имели задание достичь Кронштадта одновременно.

Это был исключительный случай в военной истории, когда первоклассную морскую крепость на острове штурмовали по тающему

льду, весной, силами пехоты. Наступление шло темной ночью, в абсолютной тишине.

Разведка, по-видимому, оповестила мятежников о начале штурма. Крепостная артиллерия и артиллерия кораблей начала посылать снаряды, как только колонны вступили на лед. Лед был уже мокрый, подтаявший за день, а полыньи, пробиваемые снарядами, усугубляли трудность этого ночного ледового марша. В некоторых местах лед проваливался, и бойцы тонули.

Вскоре и прожекторы с крепостных стен вступили в действие. Но нащупать колонны бойцов, одетых в белые халаты, было не так-то легко. То во весь рост, то пригибаясь, а где и ползком неуклонно двигались штурмовые войска, возглавляемые выдающимися военачальниками Красной Армии.

Снаряды падали все чаще и чаще. Взлетали высокие столбы воды, обдавая идущих. Осколки то и дело вырывали из рядов очередную жертву. Гибли и рядовые бойцы и возглавлявшие их неслыханно героическое движение коммунисты, делегаты X съезда, много раз смотревшие смерти в глаза... Они и сейчас доблестно выполняли свой долг, волю партии!

Все ближе темные приземистые очертания Кронштадта. Огонь усиливается, но уже пройдена зона, поражаемая крупнокалиберной артиллерией.

Бойцы ускорили шаг, чтобы ошеломить мятежников внезапностью появления у самых фортов. Однако мятежники все же обнаружили надвигающуюся лавину и открыли огонь из пулеметов.

Бой на фортах и в городе с большими потерями с обеих сторон продолжался весь день. Как и следовало ожидать, утратившие свою главную боевую силу — огонь крупнокалиберной артиллерии фортов и мощных кораблей, — мятежники потеряли и свою обороноспособность. Своевременно подведенные резервы окончательно решили исход штурма. Главари мятежников бежали в Финляндию, рядовые участники мятежа толпами сдавались советским войскам.

Утром 18 марта снова взвилось на главном флагштоке крепости острова Котлин советское Красное знамя. Кронштадт вернулся в строй революции.

Снова тот же правительственный экспресс промчал железную ленинскую когорту по прямой как стрела Октябрьской дороге в Москву.

Съезд возобновился с возвращением военных делегатов.

Перейдя к выборам руководящих органов партии, X съезд по предложению Ленина единогласно избрал бесстрашного революционера,

народного героя Михаила Васильевича Фрунзе в члены Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков).

2. ПОСОЛЬСТВО В ТУРЦИЮ

Турция вышла из первой мировой войны 1914–1918 годов, которую она вела в союзе с империалистической Германией, с огромными территориальными потерями. Она лишилась Сирии, Палестины, Месопотамии (Ирак), а также всего Аравийского полуострова. Одновременно прекратила свое существование и Турецкая империя султанов.

Антанта была не прочь и совсем лишить Турцию независимости, свести ее на положение «подмандатной» колонии. Но против этого поднялись широкие народные массы Турции. Их возглавил бывший султанский генерал, начальник обороны Дарданелльского пролива Мустафа Кемаль-паша, получивший титул Гази (Непобедимый), так как сумел отстоять Дарданеллы против флота и армий держав Антанты,

Движение, возглавляемое Кемалем, называлось революционным, но оно дало Турции только некоторую европеизацию быта и усиление национального самосознания, ничего не принеся турецким трудящимся, не избавило их от гнета капиталистов и помещиков.

Первое, что предпринял Мустафа Кемаль после своего прихода к власти, — это была война с Грецией за возвращение Турции земель на малоазиатском побережье Эгейского моря. Несмотря на помощь англичан, греческая армия была разбита, и Турция вернула принадлежавшую ей территорию.

Однако не сдерживаемая властями шовинистическая ярость против «гяуров» приняла совершенно дикие формы, стихийно обрушилась на ни в чем не повинное мирное немусульманское население. Почти все греки, жившие в зоне военных действий, подверглись беспощадному истреблению. Началась также и резня армян, живших в Анатолии (Восточной Турции), несмотря на только что подписанный договор о дружбе с Советской Арменией.

До этого Советское правительство относилось к новой, свергнувшей власть самодержца султана Турции с благожелательностью. Когда турецкое революционное правительство предложило Советскому правительству установить дипломатические отношения, Ленин согласился, и начались переговоры, закончившиеся подписанием договора «О дружбе и братстве».

Но теперь, в конце 1921 года, Советское правительство вынуждено было заявить Кемалю серьезный протест. Внимание Советского правительства привлек также факт заключения турками секретного договора с Францией, все еще отказывавшей Советской России в дипломатическом признании.

Важно было выяснить содержание договора Турции с Францией или от Кемалю нужно было получить заверение, что этот договор не направлен против Советской России.

Эти задачи были поручены Михаилу Васильевичу Фрунзе, облеченному полномочиями чрезвычайного посла.

В конце 1921 года Фрунзе с небольшой группой сопровождающих (среди которых был и его брат-врач Константин Васильевич) прибыл в Трапезунд.

Губернатор Трапезунда устроил в честь советских гостей парадный прием. Из официального быта новой Турции изгонялось все, что напоминало старину. Так с гордостью объяснил губернатор, когда Фрунзе задал ему соответствующий вопрос.

— А все ли старое изгнано из вашей жизни?.. — прищурившись, переспросил Фрунзе.

Губернатор понял намек.

— Из всего старого Гази разрешил сохранить только ненависть к древним врагам... — ответил он.

— Меняется время — меняются и народы... — сказал сдержанно Фрунзе. — Прежние долголетние враги могут превратиться в друзей, потерять дружбу которых будет во много раз прискорбней...

Простота и откровенность Фрунзе, его умение разговаривать с людьми, от крестьян и рабочих до губернаторов и министров, быстро рассеяли официальную напряженность. Фрунзе ставил прямые вопросы и вынуждал отвечать ему с такой же прямотой.

После небольшого отдыха в Трапезунде советское посольство направилось в новую столицу республиканской Турции — Анкару. Путь лежал через горы, по дорогам, непригодным не только для машин, но подчас и для обыкновенных местных повозок. Фрунзе предпочитал ехать верхом, так же как и большинство его спутников. Группа турецких кавалеристов сопровождала небольшой караван советской миссии.

Путь лежал через поселки, совсем недавно подвергшиеся разорению. На дороге то и дело попадались трупы изуродованных, донага раздетых людей — мужчин и женщин. Это были страшные и неопровержимые свидетельства безудержно разыгравшегося шовинизма. Турки,

сопровождаявшие посольство, конфузливо жались и мялись, когда Фрунзе, не выдержав, задавал им вопрос:

— К лицу ли новой Турции такие картины?

— Местное самоуправство... — оправдывались они. — Стихийные выступления...

Но вот в одном из селений посольство уже воочию увидело, как грабят и громят беззащитных армян турецкие полицейские вкуче с разъяренной, явно натравленной толпой местных жителей.

— А что вы на это скажете? — спросил Фрунзе сопровождавшего его турецкого офицера.

Наконец посольство прибыло в Анкару — столицу Кемалю.

Здесь посольству был оказан совсем торжественный прием. По обе стороны дороги, ведущей от вокзала в город, стояли шпалерами войска. Оркестр исполнял «Интернационал» — гимн молодой Советской республики. Новое знамя Турции с изображением оцетинившегося волка склонилось в знак уважения и почета.

Затем состоялась встреча Фрунзе с Кемалем.

Фрунзе дал понять Кемалю, что бедствия, которые терпит на турецкой земле армянский народ, весьма заботят Советское правительство и его руководителя Ленина.

— Я сделаю все, чтобы это не повторялось, — ответил Кемаль и заявил, что ему в высшей степени дорого мнение великого советского вождя Ленина, мнение народов великой революционной Советской России.

На заседании меджлиса было оглашено обращение чрезвычайного посла Фрунзе. Выслушанное с величайшим вниманием депутатами, оно произвело большое впечатление.

Фрунзе была предоставлена полная возможность ознакомиться с состоянием вооруженных сил Турции, все еще продолжавшей вести борьбу с интервентами. Огромный военный опыт позволил Фрунзе дать турецкому командованию ряд советов.

Из своей поездки Фрунзе вынес убеждение, что Турция хотя и пошла по иному пути, но осталась по-прежнему полуколониальной, нищей страной с неразрешенным национальным вопросом, отсталыми промышленностью, здравоохранением и просвещением, на поводу у империалистических хищников.

3. ВОЕННЫЙ ТЕОРЕТИК

Высокими белоглавыми горами, напоминающими родные для Фрунзе киргизские хребты, окружено знаменитое Женевское озеро. Оно надежно защищено от бурь и в прямом и в переносном смысле: вот уже не одно столетие, как Швейцария объявила себя навечно нейтральным государством, и даже страшный смерч всеевропейской войны 1914–1918 годов не смог нарушить ее покой.

Женева с озером своим, с чудесными горными окрестностями хороша и сама по себе, но, кроме того, овеяна для Фрунзе особой славой и притягательностью. Здесь во времена царского лихолетья подолгу жил Ленин, отсюда он руководил революционным движением в России, здесь выковывал надежные кадры для предстоящего социалистического созидания.

Склоны гор, увенчанных в отдалении серебряным шлемом Монблана, бирюзовая гладь воды с отражающимся в ней черным, мрачным силуэтом воспетого поэтами Шильонского замка, тонкое позванивание бубенчиков, доносящееся с альпийских пастбищ, а в остальном необыкновенная, целительная тишина — как бы благоприятствовало это все работе, если бы не огромная тревога за дочурку. Ребенок на третьем году жизни тяжело повредил себе глаз — возникла угроза слепоты. Врачи рекомендовали обратиться к лучшему окулисту Европы, жившему как раз в Женеве, и вот Михаил Васильевич вместе с семьей очутился в историческом для революции городе, близ границы Швейцарии с Францией.

Самому ему тоже не худо было бы как следует полечиться, с полным воздержанием от каких-либо трудов. Но так редко удавалось выкраивать время для насущно-желанной военно-теоретической работы, которая стала уже не только органической личной потребностью, но и государственной обязанностью руководителя.

А тем — великое множество! Незадолго до этого Фрунзе уже выступил с обстоятельным военно-теоретическим сочинением — «Единая военная доктрина и Красная Армия». В нем обосновывалась послевоенная структура армии.

После победы над интервентами и внутренней контрреволюцией Советской республике уже была не нужна под ружьем более чем пятимиллионная армия, которая была создана в дни напряженной борьбы на фронтах.

Разрушенной промышленности, транспорту, морскому, речному и железнодорожному, сельскому хозяйству — везде требовались люди. Да и сами бойцы, рабочие и крестьяне, изголодались по мирному труду.

Нужно было найти такую форму обороноспособности молодого

Советского государства, которая отвечала бы мирным условиям и в то же время вполне удовлетворяла постоянному требованию Ленина: «Быть начеку в условиях капиталистического окружения!»

Решить задачу можно было только на основе точного соответствия советского военного строительства великой ленинской программе социалистического переустройства России.

«Поменьше казарм, побольше резервов», — так стоял вопрос в ту своеобразную переходную пору. «Широчайшая внеказарменная военизация народа, занятого восстановлением и реконструкцией государственного хозяйства...»

Как последовательный большевик-ленинец, Михаил Васильевич Фрунзе понимал, что основу революционной военной науки должны составлять принципы марксистской диалектики, решительно расходящиеся с обоснованиями буржуазных империалистических военных доктрин.

Сюда же Фрунзе присоединил весьма плодотворный принцип качественного усиления обороноспособности. В условиях будущих военных столкновений, утверждал он, победа будет за теми, кто сочетает высокое техническое оснащение с уверенностью в идейной правоте своего дела.

В своей работе Фрунзе писал:

«Войны текущего исторического периода в сравнении с предшествующей эпохой имеют целый ряд характерных особенностей. В то время как прежде исход боевых столкновений зависел от сравнительно небольших групп населения... теперь участниками войны являются почти поголовно целые народы, сражаются не тысячи или десятки тысяч людей, а целые миллионы — самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы... Театром военных действий теперь являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей, родов оружия...»

Государство должно... выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии...»

«Таким образом, — определяет Фрунзе, — «единая военная доктрина» есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой

подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны».

Ясно, что советская военная доктрина не могла быть копией военных доктрин западных буржуазных государств, так как Советское государство обладает совершенно иной, особой классовой природой.

Она не могла, разумеется, быть также простым развитием или продолжением той военной доктрины, которой руководствовались деятели старой русской армии, армии царской.

Фрунзе подверг сокрушительной критике суть военных доктрин Германии и Франции, наиболее четко сложившихся в то время.

Германская армия кайзера Вильгельма II не имела никакого социального идеала, никакой положительной идеи, кроме чисто империалистического захватнического лозунга: «Deutschland über alles!» («Германия превыше всего!») Это было уродливейшее проявление милитаризма, империалистической мании величия...

Крах вильгельмовской армии, исчерпавшей свою мощь к лету 1918 года, ясно показал всю порочность германской военной доктрины в целом. Это была доктрина грубой, бездушной военной машины, остановившейся и сломавшейся тотчас же, как только были исчерпаны те физические и материальные средства, которые приводили ее в движение.

Однако и армия Французской буржуазной республики не могла похвалиться особыми преимуществами и достоинствами по сравнению с юнкерской, немецкой.

Французская армия в первой мировой войне могла выдержать натиск немцев только благодаря помощи русской армии. Она, по выводу Фрунзе, была проникнута специфическим духом расчетливой выжидательности, которую Михаил Васильевич насмешливо называл «стратегией торгашей», «толстосумов-рантье».

Преклонение перед крепостями, воспевание оборонительного боя, тактика «отсиживания», «позиционности» — все это, столь характерное для французской армии, наводило Фрунзе на мысль о порочности французской военной доктрины, несмотря на весь кажущийся внешний блеск, дисциплину и организованность.

Фрунзе по-марксистски разобрался в этом, как и надлежало большевику ленинской школы. Французская армия нового времени была плоть от плоти французского буржуазного строя, детищем буржуазного духа, буржуазного мышления.

Вся слабость французской военной доктрины ярко обнаружилась во второй мировой войне, когда Франция с потерей так называемой «линии Мажино» в течение нескольких недель была разгромлена. Понятно, что позиционно-оборонительная доктрина французов не могла быть образцом и примером для советской военной системы.

Лицо английской армии не очень интересовало Фрунзе. Основную сущность британской военной доктрины Фрунзе видел в ее отношении к флоту. Флот был для «владычицы морей» — Британии — основой ее могущества. Что же касается английской армии, то история не знает ни одного крупного сражения, самостоятельно выигранного этой армией. Даже под Ватерлоо, в решающем сражении с Наполеоном, английский командующий лорд Веллингтон спасся от разгрома только благодаря подходу пруссаков Блюхера. Чему же учиться у англичан?

На основе строго-научного исторического анализа военных доктрин буржуазных государств Фрунзе делал естественный и правильный вывод:

— Каждый боеспособный советский гражданин, строящий социализм, должен быть подготовлен и к его защите, обороне.

Живя в Женеве, Михаил Васильевич, несмотря на все заботы и волнения, связанные с болезнью дочери, писал важное исследование — «Реорганизация французской армии». Эта работа привела его к выводам, еще более неблагоприятным для французской военной доктрины.

В развитие идей этой работы Фрунзе написал также обширное исследование о Марокканской войне того времени — «Европейские цивилизаторы в Марокко». Он показал на животрепещущем современном материале, как военные доктрины двух стран — Франции и Испании — обнаружили свою несостоятельность в колонизаторской войне против свободолюбивого марокканского народа — риффов, — составляющего единое целое со своей армией и руководимого народным вождем марокканцев Абд-Эль-Керимом.

Появление в печати работы Фрунзе о единой военной доктрине Советского государства было встречено его противниками с открытой враждебностью.

Начали появляться под крикливыми заголовками резко критические статьи, исходившие от консерваторов военной науки. Например, в одной из таких статей, озаглавленной «Мнимо-военное доктринерство», делалась попытка полностью опорочить принцип территориальных сборов и территориальных формирований, попытка, порожденная явным непониманием исторической обусловленности этой меры.

Однако партия полностью поддержала Михаила Васильевича Фрунзе и

поручила именно ему осуществление военной реформы, продиктованной особенностями тогдашней обстановки.

4. ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

21 января 1924 года в Горках, под Москвой, скончался Ленин. Нужно ли говорить, как был потрясен этим Фрунзе! Как и многим другим, ему не верилось, что Ленин умер, что Ленина больше нет.

Стоя в почетном карауле у гроба Владимира Ильича, осененного боевыми знаменами революции, в строгой, суровой тишине зала, обтянутого черным и красным крепом, Фрунзе видел перед собой всю свою давно связанную с великим учителем жизнь.

Вот первые ленинские строки, прочитанные им в 1902 году в далеком Верном, прозвучавшие для молодого Фрунзе как боевой призыв... Голос Ленина звал в ряды упорных самоотверженных солдат революции.

Воскресала в памяти первая встреча с Лениным в Стокгольме весной 1906 года, его речи на IV съезде.

Оживали одна за другой все дальнейшие встречи на съездах партии и съездах Советов, в кремлевском кабинете Ленина, где столько раз получал Фрунзе лично от Ильича директивы в дни интервенции и гражданской войны.

Мысль обращалась к партии, осиротевшей, потерявшей своего основателя, вдохновителя, бессменного руководителя в течение почти трех десятилетий.

«Пока крепка и едина партия, — писал Фрунзе в статье «Шестилетие военной академии», — несокрушим Союз Советских Республик... Наилучшим ответом на эти ожидания международной белогвардейщины является та демонстрация внутренней спайки, которая дается сейчас всей шестисоттысячной массой Коммунистической партии. Никакого разброда, никакого шатания. Партия свое слово сказала, и за будущее мы можем быть совершенно спокойны».

В марте 1924 года М. В. Фрунзе, назначенный заместителем Народного комиссара по военным и морским делам и Председателя Революционного Военного Совета СССР, стал непосредственным исполнителем разработанной им военной реформы и программы военного строительства.

В Красной Армии были созданы территориальные части. Многочисленная масса рядового состава этих частей, в основном пехотно-

стрелковых, призывалась периодически на учебные сборы. Сборы проводились в том же районе, где люди жили и работали. Это позволяло уменьшить расходы на армию и в то же время охватить наибольшую часть призывного контингента военной подготовкой.

Территориальные сборы были ценны как весьма жизненная форма связи и единства Красной Армии с крестьянством, с широчайшими массами трудящихся вообще. Вместе с тем полностью учитывалась специфика военной учебы — степень ее технической сложности и важности. Военно-Морской Флот, авиация, технические и артиллерийские войска, а также расположенные в пограничных районах стрелковые — и горно-стрелковые дивизии оставались на положении кадровых.

Сложная проблема выработки четких взаимоотношений между кадровой армией и территориальными частями получает под руководством Фрунзе продуманное, стройное разрешение. Территориальные сборы проводились под руководством лучших командиров, в тесном контакте с кадровыми частями Красной Армии. На этих сборах «терармейцы» чувствовали себя единой семьей с кадровой армией, полностью осознавали значение своих задач.

В апреле 1924 года Фрунзе, исполнявший обязанности начальника штаба РККА, был по совместительству назначен начальником Академии Генерального штаба. Академия была еще переполнена бывшими генералами и офицерами, занимавшими почти все главнейшие административные, преподавательские и профессорские посты.

С приходом Фрунзе в учебную, политическую жизнь и быт академии вошли большевистская четкость, организованность, железная дисциплина.

Академия была переименована в Военную академию Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Фрунзе стремился сделать академию основным центром военно-научной работы в стране. Деятели военной науки, преподаватели и слушатели Военной академии составили ядро реорганизованного М. В. Фрунзе Военно-научного общества. Одной из основных задач этого общества Фрунзе считал работу по укреплению технической мощи Советской Армии.

Но, кроме военных ученых специалистов, весь народ должен был строить свою армию. По инициативе Фрунзе создается массовая общественная организация — Общество содействия обороне, впоследствии слившееся с Обществом друзей Воздушного флота и Доброхимом в единый всенародный союз оборонных обществ — Осоавиахим СССР (ныне ДОСААФ).

Фрунзе широко понимал свои обязанности военного деятеля, ответственного за оборону огромной многонациональной страны. По мысли Михаила Васильевича возникает, например, Литературное объединение Красной Армии и Флота — ЛОКАФ, членами которого были Серафимович и Фадеев, Демьян Бедный и Либединский и другие писатели и поэты.

Фрунзе помог Грекову организовать прославившуюся впоследствии Всероссийскую студию военных художников, занявшую почетное место в области советской живописи и скульптуры.

В 1924 году на Всероссийском учительском съезде Фрунзе говорил: «Что же Красная Армия может ожидать от учительства в этой подготовке для дела обороны? Мы ожидаем, что наши учителя, и в первую очередь учителя на селе, станут центром оборонной пропаганды... Мы уверены, что наши учителя смогут дать населению представление о той обстановке, какая может сложиться во время войны, сумеют слетаться инициативными проводниками элементарных военных знаний в гущу населения».

Армия и комсомол — может ли быть более близкое родство! Комсомол — и костяк, и душа Советской Армии, Советского Флота. На Всесоюзной конференции комсомола в 1925 году Фрунзе делает доклад «Оборона страны и комсомол». После кронштадтского мятежа 1921 года комсомол принял шефство над Военно-Морским Флотом СССР, и результаты этого были уже весьма ощутимы. Красный флот всех морей стал действительно надежной опорой Советского государства.

Каждый здоровый, боеспособный комсомолец, — а таким в принципе и должен быть каждый комсомолец, — это потенциальный будущий боец: краснофлотец ли, летчик ли, пехотинец ли, безразлично!

Делом чести для каждого юноши должно быть допризывное овладение начатками какой-либо военной специальности, а как минимум — хорошая физкультурная самоподготовка, закалка своего организма, выработка выносливости и силы.

Идея ГТО — комплекса контрольных показателей по закалке здоровья — тоже исходила в своей первооснове от Михаила Васильевича Фрунзе, и какие несчетные тысячи превосходных спортсменов во всех отраслях спорта породило спустя ряд лет всенародное движение молодежи за получение маленького, но красивого значка: бегун в круге, подвешенном на цепочке к звездочке.

Каждый молодой человек Советской страны вскоре стал считать для себя просто законом — участвовать в спортивных кружках, быть энтузиастом военных знаний, еще до призыва изучать свое будущее оружие

и уметь не только в нем разбираться, но и неплохо им пользоваться.

В первую годовщину смерти Ленина, 21 января 1925 года, М. В. Фрунзе выступает перед слушателями и профессурой Военной академии РККА с обширным докладом «Ленин и Красная Армия». Заветы Ленина по строительству и укреплению Советской Армии для Фрунзе всегда были священны.

5. ФРУНЗЕ — НАРКОМВОЕНМОП СССР

В любую погоду, в дождь и мороз, можно было видеть коренастую фигуру в шлеме и шинели, спокойно, без излишней спешки, но и без медлительности шагающую от большого массивного дома в бывшем Шереметьевском переулке (ныне улица Грановского) по маленькому узкому Шуйскому ^[37] проезду на элегантную, тихую Знаменку, ныне как раз и носящую имя этого человека, улицу Фрунзе...

Когда его упрекали, почему он не пользуется машиной, он добродушно усмехался:

— Во-первых, это было бы просто смешно — полтора переулка лихо мчаться в автомобиле... А во-вторых, когда я вижу, проходя, это название «Шуйский», тотчас встает в памяти множество ярких картин из былого, связанных с Шуей. Занятое совпадение, не правда ли?

26 января 1925 года Михаил Васильевич Фрунзе был назначен на высший военный пост страны — Народным комиссаром по военным и морским делам и Председателем Революционного Военного Совета СССР. Но привычек своих не переменял.

Грандиозны были задачи, в решение которых с головой погрузился Фрунзе, приняв должность наркома по военным делам. Обстановка благоприятствовала осуществлению широкой реорганизации военных сил страны в духе разработанной самим Фрунзе советской военной доктрины: молодое революционное государство сумело завоевать длительную мирную передышку. Одно за другим империалистические государства: Франция, Италия, Япония, Англия — вынуждены были устанавливать дипломатические отношения с СССР.

Начиналась разработка планов великого строительства.

Должное место в этих планах надлежало отвести предприятиям оборонного значения — непосредственно ли относящимся к военной промышленности, могущим ли быть быстро переведенными с чисто мирной продукции на оборонную.

Многие сейчас уже поседевшие ветераны труда, ставшие знатными, заслуженными людьми страны, хорошо помнят энергичного, внимательного и чуткого наркома М. В. Фрунзе, помнят его заботу о техническом оснащении Советской Армии.

Вот, например, рассказ заслуженного пилота СССР Б. И. Российского, одного из зачинателей летного дела и авиастроительства в России:

«Как сейчас, помню его красивые серые глаза, приветливую улыбку, крепкое, дружеское рукопожатие в момент состоявшегося личного знакомства.

Это было в день передачи авиаэскадрильи имени Ф. Э. Дзержинского Военно-Воздушным Силам.

В этот день М. В. Фрунзе наблюдал испытания первого скоростного советского истребителя с мощным двигателем постройки конструктора Поликарпова. Было видно, с каким вниманием и напряжением следил Михаил Васильевич за фигурами высшего пилотажа, которые, испытывая машину в воздухе, делал летчик Владимир Филиппов.

Самолет отлично выдержал испытание, чему Михаил Васильевич был очень рад.

После испытания самолета М. В. Фрунзе внимательно расспрашивал о преимуществах этого самолета перед другими конструкциями и с восхищением говорил:

— Вот наконец-то мы начали строить свои истребители не хуже иностранных...

Присутствовал М. В. Фрунзе также и на проводах группы наших самолетов, летевших крылатыми вестниками социалистического государства из Москвы через огромные просторы Сибири и Дальнего Востока в Китай. Организатором этого перелета, имевшего большое политическое значение, был как раз сам Фрунзе. Самолеты вели лучшие летчики.

Михаил Васильевич лично осматривал все подготовленные к перелету самолеты, их оборудование, приборы, снаряжение летчиков. Несколько раз озабоченно спросил, все ли в порядке. И, только убедившись в полной исправности самолетов и их полной готовности, разрешил вылет.

Этот перелет прошел блестяще. Советские летчики и представители советской прессы были восторженно встречены китайским народом. Из Китая летчики Громов и Волковойнов продолжали этот замечательный перелет до Токио».

Фрунзе много раз бывал в ЦАГИ [\[38\]](#), выросшем из небольшой, организованной по указанию Ленина «Летучей лаборатории». Очень

сожалел Фрунзе, что не застал в живых научного руководителя «Летучей лаборатории» Н. Е. Жуковского, «отца русской авиации», по выражению Ленина.

Много практических советов получали от Михаила Васильевича виднейшие работники ЦАГИ: академик С. А. Чаплыгин, А. Н. Туполев, инженер В. П. Ветчинкин и многие другие деятели отечественной авиации. Он не раз присутствовал на испытательных работах ЦАГИ на заводе «Икар».

На этом заводе был построен первый советский авиационный мотор.

М. В. Фрунзе любил вспоминать героические действия наших летчиков в годы победоносной гражданской войны и борьбы с интервентами:

— На «гробах» летали молодцы, а какие чудеса храбрости показывали, какую неопределимую пользу приносили в достижении победы!

Большое значение придавал Фрунзе и бронетанковым силам.

«Бронетанковые силы — это кавалерия будущего. Грядущая маневренная война потребует высокой оснащенности армии броневыми и танковыми силами», — говорил и писал Фрунзе.

Призывая укреплять и развивать новые средства ведения войны — авиацию и танки, Фрунзе, однако, не забывал и об испытанных историей силах: артиллерии, пехоте, коннице.

Он доказывал необходимость оснащения пехоты артиллерийскими средствами. Ему удалось осуществить это путем введения полковой артиллерии.

— Теперь пехота вдвое сильнее... — с удовольствием характеризовал он это нововведение.

Известна его забота об улучшении стрелкового вооружения. Внимательно следил он за конструкторским творчеством славных советских оружейников Дегтярева и Токарева, помогая им и советом и созданием наилучших условий для работы.

Выдающийся конструктор-изобретатель стрелкового оружия В. А. Дегтярев в своих воспоминаниях пишет:

«...как только окончилась гражданская война, как только были изгнаны с Дальнего Востока последние интервенты — японские самураи, я задумался над осуществлением давнишней мечты. А мечта эта состояла в том, чтобы создать отечественный образец пулемета, который превосходил бы все заграничные системы (Максима, Льюиса, Дризе и т. п., до тех пор состоявшие на вооружении русской, а затем и советской армии. — **Авт.**).

...В 1924 году, когда в мыслях уже стали складываться более или менее ясные очертания моего изобретения, нас с Фёдоровым [39] неожиданно вызвали в Москву, к Михаилу Васильевичу Фрунзе. Михаил Васильевич принял нас очень тепло: долго и подробно расспрашивал о работе, о планах на будущее, о наших замыслах. Хотелось высказать ему свои мечты о русском пулемете, но он, словно угадав мои мысли, сам заговорил об этом. Смысл его речи заключался в том, что Красной Армии крайне нужен легкий, прочный и надежный пулемет. Создать такой пулемет должны мы, советские изобретатели. Государство окажет нам любую помощь».

Беседа с Михаилом Васильевичем Фрунзе произвела на Дегтярева глубокое впечатление. Его пожелание — создать отечественный пулемет — конструктор воспринял как почетное задание. Встреча с Михаилом Васильевичем ободрила его и заставила смелей взяться за осуществление большого замысла. Вернувшись к себе, Дегтярев занялся воплощением своих чертежей пулемета в металле.

Осенью 1925 года Дегтярев выехал в Москву... Созданный им пулемет на всех испытаниях работал безупречно. Он сделал больше двадцати тысяч выстрелов без единой поломки. Это была большая и важная победа советской военно-технической мысли, осуществленная по инициативе наркомвоенмора Фрунзе.

Особенно радовался Михаил Васильевич тому обстоятельству, что первый советский пулемет перекрыл показатели немецкого пулемета «Дризе», также участвовавшего в испытаниях.

Из-под пера Фрунзе выходили все новые и новые работы по военным вопросам: статьи, очерки. Он отдавался военной науке со всем жаром и преданностью специалиста. Это было его любимое дело. Большие книжные шкафы в его светлой, просторной квартире в Москве, близ Кремля, были полны военной литературы.

22 мая 1925 года на первом Всесоюзном совещании Военно-научного общества СССР в Москве Михаил Васильевич в своем докладе развертывает всю совокупность оборонных задач. Каждое его слово — призыв к действию, каждая мысль конкретна.

Он во всем объеме ставит вопрос о характерных особенностях будущей войны. «Это не будет столкновение из-за пустяков, могущее найти быстрое разрешение, — говорит Фрунзе. — Нет, это будет война различных, исключаящих друг друга общественно-политических и экономических систем».

«Нам в данный момент трудно даже представить, с чем армии...

выйдут на поля будущих битв... — говорит далее Фрунзе. — Война будущего в значительной мере, если не целиком, будет войной машин».

Но вместе с тем он твердо заявляет:

«...решающая роль принадлежит не технике, — за техникой всегда находится живой человек, без которого техника мертва...позволять доводить себя до гипноза перед ней тоже нельзя»,

6. СНОВА НА БАЛТИКЕ

Седые, суровые воды Балтики ерошит крепкий западный ветер. Рокочут набегающие волны, белые гребешки пены все выше взмывают над нарастающей зыбью. Бескрайний простор заполнен упругим «свежаком», явно норовящим перейти в шторм. Море дышит неровно, рывками, каждый его вздох — угроза маленьким суденышкам, рыбацким шхунам, полупарусникам финских и шведских купцов, даже небольшим каботажным пароходам.

Но уверенно, гордо рассекая набухающие валы, идет на запад гигантский серой, под цвет волн, окраски советский линейный корабль «Марат». На грот-мачте линкора туго натянут ветром вымпел Народного комиссара по военным и морским делам Михаила Васильевича Фрунзе. Курс указан на штурманской карте самим наркомом: к узким, ревниво охраняемым западным воротам Балтики. Соседский визит на флаг-стоянку военного германского флота— Киль!

Нарком на мостике, в походной зюйдвестке, с откинутым капюшоном. На груди морской бинокль, время от времени вскидываемый к глазам.

Снова воспоминания охватывают наркома, тем более что рядом с ним стоит человек, вместе с которым девятнадцать лет назад он впервые пересекал это ворчливое, неприветливое море.

— Помнишь, Климент Ефремович, как мы спасали пароход, воду откачивали? — с улыбкой спрашивает Михаил Васильевич своего друга и заместителя К. Е. Ворошилова.

— Плут-фрагтовщик, конечно, нарочно посадил нас тогда на банку, — тоже с улыбкой отвечает Ворошилов.

— Вряд ли только он получил обусловленный гонорар, — смеется Фрунзе.

Есть чем вспомнить далекие годы. В сущности, совсем уже не столь далеко оно, это прошлое, но каким великим содержанием и какими победами наполнены те девятнадцать лет, что отделяют наркома и его

соратника от дня их первой встречи на Балтике.

Командир линкора докладывает, что команда приглашает посмотреть матросскую самодеятельность.

— Подготовили, говорят, очень хорошую программу.

— Будем судить, когда посмотрим, — улыбается Фрунзе. Он и его заместитель спускаются в клуб линкора.

Несколько сот молодых голосов дружно приветствуют:

— Добро пожаловать, товарищ народный комиссар!

Песни, пляски, декламация, комические сценки, неизменное, с лихой чечеткой «яблочко»! Нарком аплодирует вместе со всеми зрителями.

...Германия. Утро в Кильской бухте. Гремят приветственные салюты. С почтительностью, едва не с подобострастием принимают наркома немецкие адмиралы. Гордо реет советский военно-морской флаг. Смущение на лицах хозяев. Могущество восточного соседа — необъятной по пространствам Советской республики — уже неоспоримо и очевидно.

Смущен старый мир, с удивлением взирающий на победоносный советский флаг сквозь бинокли своих адмиралов и генералов. Что-то сулят ему эти загадочные русские, так дерзко взявшиеся за переустройство земных порядков? С любопытством разглядывают немецкие адмиралы высших советских военачальников. Короткий визит закончен. Снова идет линкор «Марат» по серо-зеленой балтийской зыби к родным берегам. Надменные соседи еще раз удостоверились в реальности советской силы. Но еще немало их, явно и скрыто враждебных соседей, и сухим надо держать порох, непрестанно готовиться к отпору.

Возвратившись из Кильского похода в Ленинград, Михаил Васильевич пишет для военной газеты краткую, но замечательную, полную далекого предвидения статью.

Он писал в этой статье:

«...мы строим и построим сильный Балтийский флот. Ядро его у нас уже есть. Наша походная эскадра — неплохое начало».

«Мы должны решить: город Ленина никогда, ни при каких условиях и никем не должен быть занят хотя бы на самый короткий срок.

Кто может и должен выполнять эту почетную задачу по обороне Ленинграда?

Красный советский Балтийский флот!»

Несколько раньше, на торжественном заседании Ленинградского губисполкома по случаю 7-й годовщины Красной Армии, Фрунзе в приветственной речи говорил:

«Мы надеемся, что в грядущих столкновениях, если таковые будут

иметь место, Ленинград с его пролетарским населением будет стоять несокрушимым форпостом на крайнем фланге наших войск».

Уверенное предвидение Фрунзе полностью оправдалось. Город Ленина в дни Великой Отечественной войны покрыл себя новой неувядаемой славой.

7. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Май 1925 года... Расцвели сады подмосковные и московские. В свежую зелень оделся старинный бульвар — Гоголевский, проходящий перед окнами Реввоенсовета. Казалось, даже и сам бронзовый Гоголь, в ту пору иной, угрюмо сидевший на гранитном пьедестале, несколько подобрел, повеселел, глядя на шумно играющую у своего подножия детвору. Тут среди других порой резвились и детишки Фрунзе.

В кабинет наркома по военным делам — он же предреввоенсовета — слегка смущаясь, вошла группа делегатов III Всесоюзного съезда Советов от Иваново-Вознесенской губернии. Среди них и давние соратники Фрунзе — Любимов, Самойлов, Балахнин.

Фрунзе чуть не бегом бросился встречать их, крепко жал всем руки, обнимал:

— Вот хорошо, что зашли, заглянули! Грех было бы не навестить старого товарища...

Заботливо усадил всех, начал расспрашивать:

— Как поживает дорогая Ивановщина? Расцветает ли, как приличествует исконному пролетарскому краю? Не могу ли чем быть полезен в ваших делах и заботах?

Оживившись, отмякнув, все зашумели наперебой. Тот — про Южу, другой — про Кохму, третий — про Середу... У всех есть чем поделиться, на что попенять.

Фрунзе на шумность гостей не обижался, поддерживал хорошую, горячую беседу:

— Мечта моя, товарищи, давно вынашиваемая, душевная, — выкроить дня три-четыре свободных, приехать к вам, в Ивановскую нашу губернию, и, как бывало, пешком, с батожком обойти все памятные сердцу места: побывать и в Шуе, и в Кохме, и в Тейкове, и в Парском. Везде найдется, что посмотреть, кое-что подсказать, посоветовать, быть может...

Вечером, на квартире в переулке Грановского, беседа с делегатами продолжалась.

Вспомнили и любимые песни бывшего Трифоньча-Арсения: «Далеко, далеко степь за Волгу ушла...», «Уж ты, сад, мой сад, сад зеленый мой...»

Дойдя до слов «Пошто рано расцвел — в рань осыпешься», Фрунзе задумчиво повторил: «в рань осыпешься...»

И, улыбнувшись, сказал землякам:

— А не хотелось бы осыпаться-то, по совести говоря...

В конце того же мая месяца Фрунзе пишет Шуйскому исполкому о необходимости помочь старой ткачихе Личаевой, в домике которой когда-то происходили подпольные сходки.

В июне обменивается письмами с партгруппой Южской фабрики, в августе старается помочь Ивановнам с военной школой. В служебном кабинете и в кругу семьи можно было видеть простого рабочего из Шуи и писателя, демобилизованного красноармейца и командующего военным округом, большого ученого и рядового члена партии. Со всеми он был внимателен и приветлив.

Самыми частыми гостями в семье Михаила Васильевича были его военные соратники — Ворошилов, Буденный, Котовский, Куйбышев, Фурманов, Новицкий, Карбышев, военные ученые.

Много времени уделял Михаил Васильевич чтению произведений любимых классиков: Пушкина, Толстого, Гоголя, Горького, Чехова. Из иностранных писателей особенно любил Виктора Гюго, произведения которого читал в подлиннике, на французском языке.

Одним из любимых развлечений Михаила Васильевича была шахматная игра. Особенно он любил играть в шахматы с братом. Но Константин Васильевич приезжал в Москву редко. Он по примеру отца остался в Туркестане, но лечил уже не «инородцев», а свободных граждан Советского Союза.

— А ну-ка, померяемся, сынку! — шутливо открывал он состязание гоголевской фразой из «Тараса Бульбы»... Но младший брат неизменно давал старшему мат.

Состоялось, наконец, долгожданное, долго откладывавшееся свидание с матерью. Ведь оно не осуществилось даже в 1920 году, когда Михаил Васильевич был на Туркестанском фронте. Мавра Ефимовна приехала из далекого Верного только в 1924 году, чтобы обнять после двадцати лет разлуки милого сына, когда-то юным птенцом вылетевшего из родного гнезда. Было и еще немало радостей для материнского сердца: двое внучат ожидали ее в доме сына — Тимур и Татьяна, белокурые, сероглазые, как и отец, малыши. Тимур — три года, Татьяне — пять.

Весел, жизнерадостен Михаил Васильевич в кругу родных, в кругу

друзей. Но все чаще замечают друзья и родные, как вдруг искажается его лицо от мучительного приступа боли. Болезнь все чаще напоминает о себе. Врачи, профессора, лучшие специалисты столицы рекомендуют длительный перерыв в занятиях, предлагают целиком отдаться лечению, но Фрунзе не хочет и слышать об этом.

Как? Оставить дела, которых так много... Начатые, незавершенные, требующие неустанного внимания, непосредственного его участия и контроля — дела обороны страны, дела социалистического строительства?

Нет, эту работу нельзя прервать!

Для отдыха и лечения Михаил Васильевич использует только отпуск, и лечение сочетает с любимым видом спорта — охотой.

С близким своим другом К. Е. Ворошиловым Михаил Васильевич целые дни на охоте в горах, долинах Кавказа и Крыма.

Но язвенная болезнь желудка, нажитая в результате многолетнего заключения в тюрьмах и на каторге, прогрессирует. Осенью 1925 года Фрунзе проводит отпуск в Крыму. Всегда хорошо выглядевший, он стал резко бледнеть, худеть. Врач, прикомандированный к нему, констатирует внутреннее кровотечение, требует абсолютного покоя. Но разве удержать Михаила Васильевича, когда кругом горы, леса!

— Не пойду, Миша, ни за что не пойду с тобой больше на охоту, — заявил встревоженный Климент Ефремович. — Надо тебе немедленно лечиться, и лечиться серьезно.

Михаил Васильевич был очень огорчен отказом, спорил, уговаривал.

Болезнь продолжала развиваться. Вскоре больной слег. По настоянию врачей его перевозят в Москву. После соответствующего наблюдения доктора пришли к выводу о необходимости хирургического вмешательства.

Михаил Васильевич соглашается на операцию и ложится в больницу. Лучшие профессора — хирурги и терапевты страны — готовят и консультируют операцию.

Ближайший друг его Климент Ефремович Ворошилов так рассказывает об этом:

«О болезни Михаила Васильевича мы все были хорошо осведомлены. Но ни сам Михаил Васильевич, ни мы, его друзья, не считали эту болезнь серьезной и уж во всяком случае не считали ее опасной для жизни.

...Лежа в больнице, Михаил Васильевич, как всегда, обложил себя книгами, русскими и французскими, и терпеливо дожидался результатов врачебных наблюдений.

...Характерно для Михаила Васильевича его ненасытное желание все знать, быть в курсе всех событий и участвовать самому в них словом и

делом. Он требовал от друзей частых посещений и подробных информаций, и мы охотно выполняли его желание.

Не помню точно когда, между 7 и 10 октября мы... по обыкновению долго засиделись у Михаила Васильевича. По выходе от него узнали... что сейчас собрались 17 лучших врачей и профессоров для консилиума. Мы не вытерпели и тут же спросили у доктора Розанова его мнение насчет необходимости операции. Розанов уверенно ответил, что он — «за операцию».

...Я уехал оканчивать свой отпуск, уверенный в благополучном исходе операции. Да и как можно было беспокоиться, когда Розанов и Касаткин, с которыми мы так часто вели разговоры о здоровье Михаила Васильевича, убеждали нас, уверяли, что нет ни малейших оснований для тревоги. Я поверил. Поверил так, как поверили мы все, как спокойно и уверенно пошел под нож наш незабвенный, лучший из славных, друг и товарищ Михаил Васильевич...»

1 ноября 1925 года все газеты страны вышли в траурных рамках.

Правительственное сообщение гласило:

«В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе.

Союз ССР потерял в лице умершего опытного, закаленного в революционной борьбе вождя революционного народа, потерял борца, который всю свою жизнь, от подпольного кружка до ожесточенных боев в гражданской войне, был на самых опасных и передовых постах...

Народ и правительство понесли громадную утрату как раз в такой момент, когда творческие замыслы тов. Фрунзе в деле организации вооруженных сил Республики стали с громадным успехом претворяться в жизнь, обеспечивая государству защиту его границ, народу — возможность мирного труда и строительства...

Трудящиеся СССР не забудут заслуг товарища Фрунзе перед пролетарской революцией».

Нескончаем поток советских людей, проходящих возле гроба полководца...

Последний почетный караул в Колонном зале Дома союзов... С прахом умершего прощаются родные, ближайшие друзья...

Вот виднейшие деятели Коммунистической партии и правительства Советского Союза сняли гроб с пьедестала и понесли его к выходу...

На Красной площади застыли войска. Залпы прощального салюта сотрясли воздух. Над площадью проплыла эскадрилья боевых самолетов.

Гроб опустили в могилу у Кремлевской стены в 13 часов 3 ноября.

В этот час были приспущены флаги на кораблях всех советских флотов — на Балтике, на Черном море, на Каспии, на Севере, на Тихом океане. Гремели траурные салюты во всех воинских частях, во всех гарнизонах и пограничных отрядах. Прощально звучали гудки на всех заводах и фабриках страны. Весь Советский Союз прощался с Михаилом Фрунзе.

Михаил Васильевич Фрунзе прожил всего сорок лет. Но какая это была прекрасная жизнь, какой вдохновляющий пример для многих поколений!

Ребенком остался Тимур Фрунзе после смерти отца. Но отец, нежно любимый, беспредельно почитаемый, ушел из жизни Тимура только физически, душевно же он оставался с ним неотступно, неотделимо.

Михаил Васильевич Фрунзе продолжал воспитывать сына всей памятью о себе, своими подвигами, своими делами и книгами. От далеких, дерзко-смелых поступков Трифоныча-Арсения до золотой сабли за разгром Врангеля с прикрепленным к ней орденом Боевого Красного Знамени — все учило, вдохновляло, формировало молодого орленка сперва в октябрятах, потом в пионерах, а затем и комсомольца Тимура Фрунзе.

Он избрал в жизни дорогу отца — военное служение Родине, поступил в военно-летную школу, из орленка вырос в настоящего боевого орла.

Война с фашизмом... Командование направляет молодого летчика Тимура Михайловича Фрунзе под Ленинград — защищать колыбель революции, город, которому его отец предрекал славу несокрушимого «правофлангового» форпоста Советской страны... Один за другим Тимур проводит успешные воздушные бои с противником.

Но вот в самую тяжкую пору обороны Ленинграда, 15 января 1942 года, в очередном воздушном сражении с гитлеровскими коршунами он, выручая командира, схватывается с целой группой вражеских самолетов.

Сбил двоих, но получил смертельное ранение... У него еще хватает выдержки и мужества довести свою машину до расположения советских войск и даже посадить ее. Подбежавшие бойцы нашли его, однако, уже мертвым.

Тимуру Михайловичу Фрунзе посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, он навечно зачислен в списки авиационной части.

Он совершил подвиг, достойный памяти своего отца. В пантеоне грядущего их имена будут рядом...

Но не только в сыне воспитал Михаил Васильевич Фрунзе высокие чувства патриотизма и самоотверженности. Разве не исчислялись многими

тысячами дела, подобные подвигу Тимура Фрунзе! Разве не называют «питомниками героев» основанные Фрунзе многие военные училища страны! Разве не красуются три боевых ордена — все присуждаемые за героизм — на знамени Военной академии имени Фрунзе, именуемой «кузницей маршалов»!

Светлый образ Фрунзе живет среди сегодняшних дел Советской страны. В исторических победах Советской Армии в Отечественной войне, в великих трудовых подвигах народа в годы семилетки есть немалая доля трудов Фрунзе. Нет и не может быть памяти почетней, наследия — долговечнее.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ФРУНЗЕ

1885, 21 января (2 февраля) — в г. Пишпеке Семиреченской области Туркестанского края (ныне г. Фрунзе, столица Киргизской ССР) родился М. В. Фрунзе.

1894–1896 — Ученье Фрунзе в Пишпекском городском училище.

1896–1904 — Ученье в гимназии в г. Верном (ныне г. Алма-Ата, столица Казахской ССР). Первое знакомство с революционными идеями. Организация гимназического кружка самообразования и участие в нем. Окончание гимназии с золотой медалью (в июне 1904 года).

1904, август — Фрунзе поступает студентом на экономическое отделение Политехнического института в С.-Петербурге.^[40]

Сентябрь — Начало революционной деятельности в студенческих и рабочих кружках Петербурга.

Ноябрь — Участие в революционной демонстрации в Петербурге. Первый арест и высылка из Петербурга в г. Петровск.

Ноябрь — Вступление в РСДРП. Принят петровской организацией. Сразу же примкнул к большевикам.

Ноябрь — декабрь — Работа пропагандистом-агитатором в Петровске, Ливнах, Москве. Возвращение в Петербург.

1905, 9 января — Легко ранен в руку на Дворцовой площади у Зимнего дворца в Петербурге во время расстрела рабочей демонстрации.

Май — Приезд в Иваново-Вознесенск и Шую и начало революционной работы (в качестве партийного ответственного организатора под революционной кличкой «Трифоныч») среди рабочих в районах этих городов по заданию Московского и Северного комитетов партии.

12 мая — середина августа — Один из организаторов и руководителей известной стачки текстильщиков Иваново-Вознесенского промышленного района. Избран членом Совета уполномоченных, одного из первых Советов рабочих депутатов в России.

Июнь — декабрь — Организатор и руководитель большевистских организаций г. Шуи и ее района. Организатор боевой дружины.

Август — Участвовал во Всероссийской конференции большевистских организаций по аграрному вопросу от Иваново-

Вознесенского комитета партии.

29 октября — Арестован полицией, избит, повреждена нога. Выслан в Казань. Нелегальное возвращение в Шую.

Ноябрь — Избран председателем Иваново-Вознесенского окружного комитета РСДРП.

Декабрь — Участвовал во главе боевой дружины шуйских подпольщиков-большевиков в вооруженной борьбе с царскими войсками и полицией на баррикадах Красной Пресни в дни восстания в Москве.

1906, апрель — Участвует в IV (Объединительном) съезде РСДРП в Стокгольме в качестве делегата от Иваново-Вознесенского комитета партии. Первая встреча с В. И. Лениным. Знакомство с К. Е. Ворошиловым.

1907, март — Избран делегатом на V съезд РСДРП от Иваново-Вознесенского окружного комитета партии.

23–24 марта (в ночь) — Арестован в доме Соколова на Малой Ивановской улице в г. Шуе.

24 марта — Состоялась многотысячная демонстрация рабочих г. Шуи, требовавших освобождения Арсения — М. В. Фрунзе.

25 марта — Под усиленным конвоем отправлен в каторжную тюрьму в г. Владимир.

1908 — Весь год находился под следствием в заключении во Владимирской тюрьме.

1909, 26 января — Постановлением Московского военно-окружного суда, рассматривавшего дело М. В. Фрунзе о покушении на полицейского урядника, приговорен к смертной казни через повешение. Вследствие протеста широких кругов общественности главный военный суд был вынужден приговор отменить.

Февраль — декабрь — Продолжал оставаться в заключении во Владимирской каторжной тюрьме до конца года.

1910, 12 февраля — Постановлением Московского военно-окружного суда, рассматривавшего дело о принадлежности М. В. Фрунзе к Иваново-Вознесенскому союзу РСДРП, приговорен к четырем годам каторжных работ.

22 сентября — Постановлением Московского военно-окружного суда, рассматривавшего вторично дело М. В. Фрунзе о покушении на полицейского урядника, вновь приговорен к смертной казни через повешение.

6 октября — Вследствие протеста широких кругов общественности смертная казнь заменена шестью годами каторжных работ.

1910, ноябрь—1912, май — Отбывал каторжные работы во

Владимирской каторжной тюрьме.

Июнь — Вследствие заболевания туберкулезом переведен для отбывания каторжных работ в Николаевскую каторжную тюрьму (г. Николаев).

1912, июль — 1914, февраль — Отбывал каторжные работы в Николаевской каторжной тюрьме.

Март — Отправлен на вечное поселение в Восточную Сибирь.

Апрель — август — Находился в Александровской (г. Иркутск) пересыльно-каторжной тюрьме.

Сентябрь — Отправлен с партией ссыльных на вечное поселение в с. Манзурка Верхотенского уезда Иркутской губернии. Вел активную революционную работу среди ссыльных Иркутской губернии, объединяя их.

1915, 31 июля — Арестован и заключен в Манзурское волостное правление.

4 августа — Отправлен под конвоем в Иркутскую тюрьму.

8–9 августа — Бежал с дороги.

Середина августа — Прибыл в г. Читу. В Читинском комитете РСДРП получил нелегальный паспорт на имя дворянина Владимира Григорьевича Василенко, по которому проживал в г. Чите в доме Михневич по Уссурийской (ныне Чкалова) улице, д. № 67. Введен в состав Читинского городского комитета РСДРП. Состоял членом комитета до марта 1936 года включительно.

25 сентября — Поступил на работу статистиком Забайкальского справочного бюро для производства рабочего обследования при статистическом отделе Переселенческого управления.

Октябрь — декабрь — Работал временным агентом-статистиком в Переселенческом управлении. Был организатором и редактором еженедельной газеты «Забайкальское обозрение». Вел широкую революционную работу в Забайкалье.

1916, январь — февраль — Продолжал работу временным агентом-статистиком. Вел нелегальную активную революционную деятельность.

Март — Под угрозой ареста оставил работу в Переселенческом управлении и направился в Европейскую Россию.

Май — Поступил на военную службу под фамилией Михайлова на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 57-ю артиллерийскую бригаду.

Июнь — декабрь — В июне перешел на работу в Земсоюз и продолжал там службу до конца года при 10-й армии. Продолжал активную

революционную работу.

1917, *январь — февраль* — Продолжал служить в Земсоюзе и вел активную нелегальную работу.

Март — Начальник милиции г. Минска и командир сводного отряда из частей, прикомандированных к штабу милиции. Член Исполнительного комитета Минского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Апрель — Председатель Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Член фронтового комитета армий Западного фронта.

Август — Избран председателем Шуйской городской управы и Шуйской уездной земской управы. Начальник штаба революционных войск Минского района. Участвует в ликвидации корниловского мятежа.

Сентябрь — Избран председателем Шуйского уездного комитета партии большевиков, председателем уездного Совета.

Октябрь — Командир сводного отряда Владимирской губернии, сражавшегося с белогвардейцами в Москве.

Декабрь — Член Учредительного собрания от Владимирской губернии. Правительственный комиссар текстильной промышленности Иваново-Вознесенского промышленного района.

1918, *март — декабрь* — Председатель Иваново-Вознесенского губернского Исполнительного комитета, председатель губернского совета народного хозяйства и председатель губкома партии.

15 марта—20 мая — Иваново-вознесенский губернский военный комиссар по совместительству.

15 августа — 26 декабря — Военный комиссар Ярославского военного округа.

1919, *31 января—4 марта* — Командующий 4-й армией Восточного фронта.

5 марта—12 июля — Командующий войсками Южной группы Восточного фронта.

28 апреля — 13 мая — Проводит Бугурусланскую наступательную операцию.

15—19 мая — Проводит Белебеевскую наступательную операцию.

25 мая—10 июня — Проводит Уфимскую наступательную операцию.

8 июля — Награжден первым орденом боевого Красного Знамени.

13 июля—13 августа — Командующий Восточным фронтом. Освобождение Челябинска, Ирбита, Верхнеуральска, Троицка, Тюмени.

1919, 10 августа —14 сентября — Руководит осуществлением вспомогательного удара в Царицынском направлении.

1919, 13 августа — 13 сентября — Проводит разгром Южной армии

Колчака (Орско-Актюбинская операция)1.

1919, 15 августа — 1920, 24 сентября — Командующий Туркестанским фронтом и член Комиссии ВЦИК и ЦК РКП(б) по делам Туркестана.

1919, 15 сентября — 1920, 5 января — Проводит Уральско-Гурьевскую наступательную операцию, закончившуюся разгромом Уральской белоказачьей армии.

1919, 4 октября — 1920, 29 марта — Руководит ликвидацией белогвардейских войск на Семиреченском фронте.

1920, 12 августа — 2 сентября — Проводит Бухарскую операцию (разгром армии эмира бухарского). Принимает участие в организации Бухарской народной республики.

1920, 27 сентября — 3 декабря — Командующий Южным (врангелевским) фронтом.

1920, 8—17 октября — Ликвидирует наступление армии Врангеля на правобережье Днепра и под Каховкой (крах Заднепровской операции Врангеля).

1920, 28 октября — 3 ноября — Проводит наступательную операцию, приведшую к освобождению Северной Таврии.

1920, 7—16 ноября — Проводит операцию по штурму Крымских укреплений (Перекоп — Турецкий вал, Литовский полуостров, Юшуньские позиции, Тюп-Джанкойские и Таганашские позиции на Чонгаре), приведшую к полному разгрому врангелевской армии и освобождению Крыма.

1920, 4 декабря — 1924, 14 марта — Командующий всеми вооруженными силами Украины и Крыма и уполномоченный РВС.

1920, декабрь — Избран членом ВУЦИК и членом Политбюро КП(б)У.

1920, 30 декабря — Награжден почетным революционным оружием и переведен в Генеральный штаб.

1920, декабрь — 1922, декабрь — Руководит ликвидацией банд махновцев на Украине.

1920, декабрь — 1924. март — По совместительству заместитель председателя Совнаркома УССР.

1921, март — Избран членом ЦК РКП(б).

1921, 5 ноября — 1922, 31 января — Возглавлял чрезвычайное посольство УССР в Турцию.

1922, 13—23 марта — По совместительству временно исполняющий должность председателя СНК УССР.

1921—1923 — Избран почетным красноармейцем ряда частей,

почетным курсантом на четырех командных курсах и почетным моряком подводной лодки «Нерпа».

1924, 14 марта — 1925, 25 января — Заместитель Председателя РВС СССР и Народного комиссара по военным и морским делам СССР.

1924, 6 апреля — По совместительству начальник штаба РККА.

1924, 19 апреля — Назначен по совместительству начальником Военной академии РККА

1925, 26 января — Назначен Председателем РВС СССР и Народным комиссаром по военным и морским делам СССР.

1925, 31 октября — Кончина от паралича сердца после перенесенной операции желудка.

1925, 3 ноября, 13 часов — Погребен на Красной площади у Кремлевской стены.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. В. ФРУНЗЕ

М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., Воениздат, 1950.

В сборник включены статьи:

«Ленин и Красная Армия». «Реорганизация Красной Армии». «Военно-политическое воспитание Красной Армии». «Единая военная доктрина и Красная Армия». «Военная промышленность — основа нашей обороноспособности». «Итоги и перспективы военного строительства». «Фронт и тыл в войне будущего». «Кадровая армия и милиция». «Основные военные задачи момента». «Вопросы высшего военного образования». «Шестилетие Военной Академии». «Нам нужен сильный Балтийский флот». «Внимание Воздушному Флоту». «Вопросы строительства Красной конницы». «Даешь коня!». «Оборона страны и комсомол». «Берегите же революцию». «Европейские цивилизаторы в Марокко» и др.

Там же автобиография, стр. 50–54.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., Воениздат, 1941.

II. ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О М. В. ФРУНЗЕ

В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 1—17; т. 29, стр. 250–254; т. 30, стр. 117, 130–141; т. 31, стр. 276–288, 431–500.

В. И. Ленин, Военная переписка (1917–1920). М., Воениздат, 1956, стр. 119, 120, 128, 151, 159, 183, 186, 213, 220, 224, 255, 256, 260.

«Ко всем членам партии, ко всем рабочим и крестьянам». Обращение ЦК ВКП(б) по поводу смерти М. В. Фрунзе. В кн.: М. В. Фрунзе, Избр. произв. М., 1950, стр. 31–32.

И. В. Сталин, Речь на похоронах М. В. Фрунзе. Соч., т. 7, стр. 250–251.

«История гражданской войны в СССР». М., Госполитиздат, т. II, изд. 2-е, 1947; т. III, 1958; т. IV, 1959.

К. Е. Ворошилов, Памяти дорогого друга Михаила Васильевича Фрунзе: В кн.: Сталин И. В., Ворошилов К. Е., М. В. Фрунзе. М., 1938, стр. 11–18.

К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе — друг и вождь Красной Армии. В кн.: М. В. Фрунзе, Избр. произв. М., 1950, стр. 35–40.

Г. К. Орджоникидзе, Памяти Фрунзе. В кн.: Г. К. Орджоникидзе, Статьи и речи, т. I. М., Госполитиздат, 1956, стр. 409–411.

Д. Фурманов, Над свежей могилой (Речь на смерть Фрунзе в школе ВЦИК). В кн.: М. В. Фрунзе, Избр. произв., М, 1950, стр. 42–44.

Его же. М. В. Фрунзе (Из неопубликованных дневников). «Ивановский альманах», 1941, № 4, стр. 3—16.

Ф. Новицкий, Михаил Васильевич Фрунзе (Из личных воспоминаний). «Знамя», 1940, № 10, стр. 169–180.

Его же. Памяти М. В. Фрунзе (Из личных воспоминаний). «Военный вестник», 1940, № 10, стр. 12–17.

Л. Фрунзе, Пламенный революционер. «Красноармеец», 1940, № 19, стр. 14–15 (Воспоминания сестры М. В. Фрунзе).

Полководческая деятельность М. В. Фрунзе. Сборник статей. Воениздат, М., 1951.

С. Буденный, Выдающийся полководец и государственный деятель. «Знамя», 1950, № 10, стр. 129–136.

С. Шишкин, Военные взгляды Фрунзе и современная война. «Под знаменем марксизма», 1944, № 1, стр. 49–65.

Е. А. Болтин, Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака, 1919 г., М., 1949.

И. С. Коротков, Разгром Врангеля, изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1948.

С. Сиротинский, Путь Арсения. М., Воениздат, 1956.

И. Н. Кириллов, Ф. Г. Паначин, Подвиг большевика. Революционная деятельность Фрунзе в Иваново-Вознесенском промышленном районе. Иваново, 1957.

Воспоминания о Фрунзе. Сборник. Иваново, 1959.

ФОТОГРАФИИ

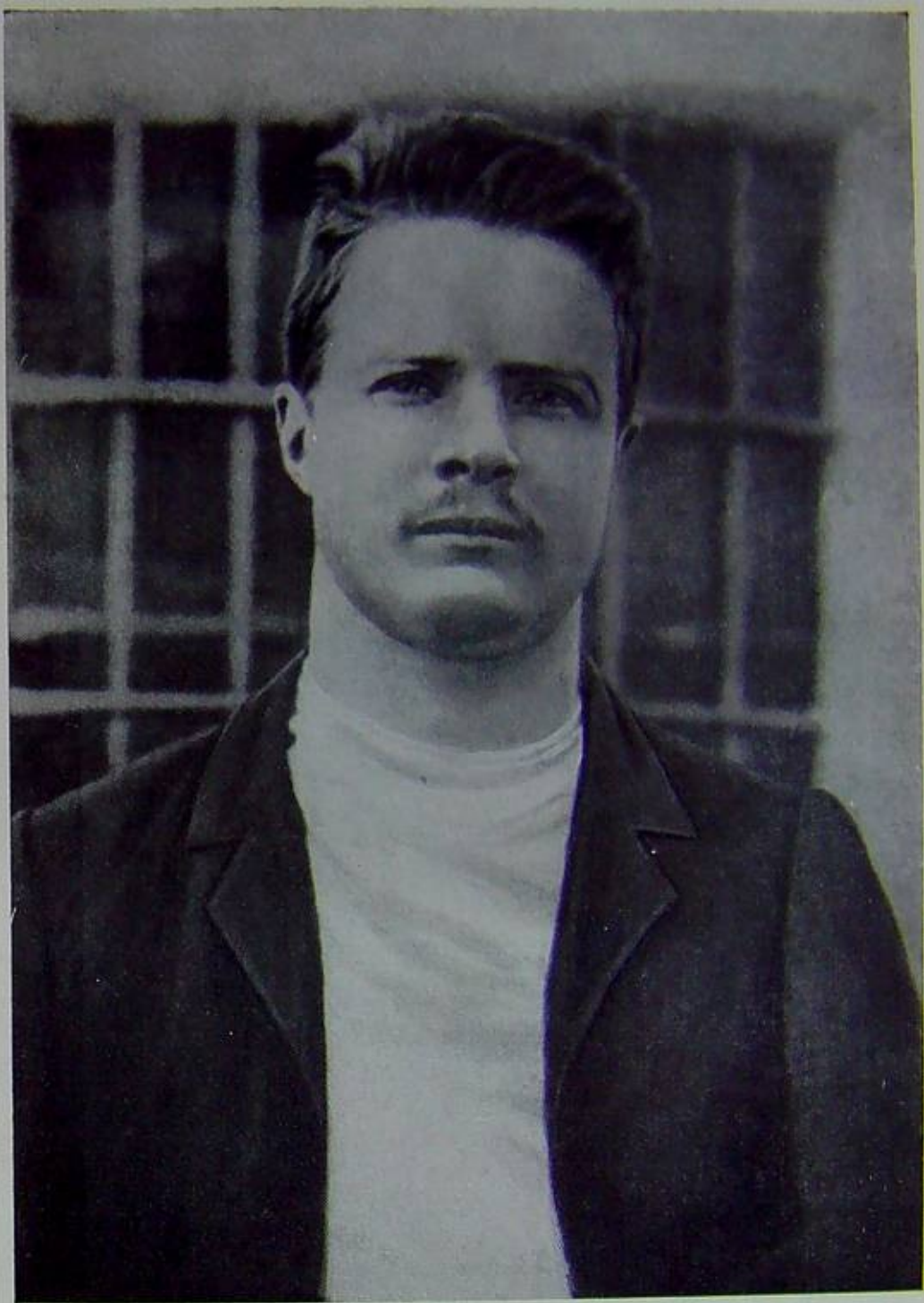
Дом в Пишпеке, где родился М. В. Фрунзе.

М. Фрунзе (в центре) с одноклассниками в городе Верном (1903 г.)

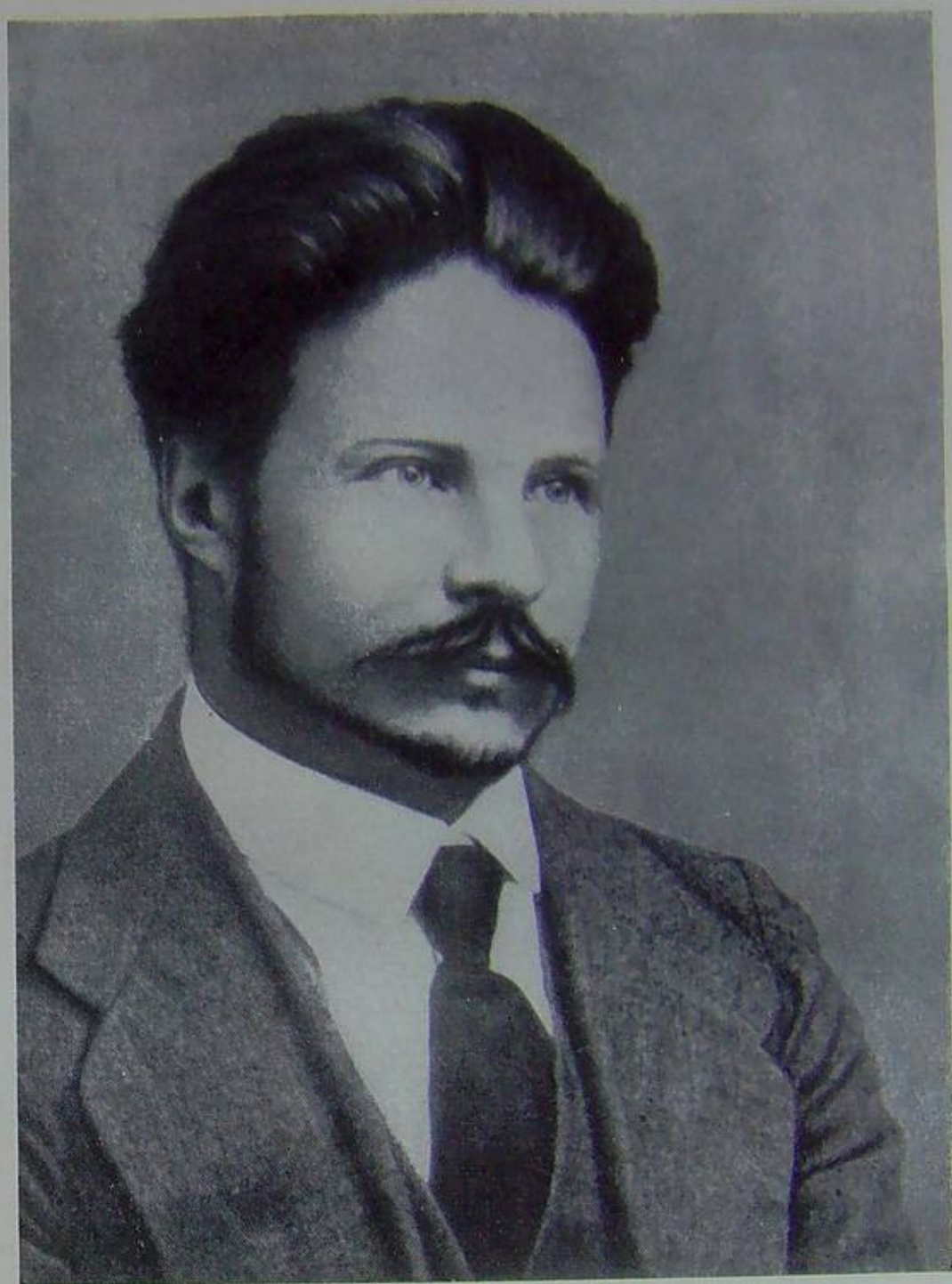
Михаил Фрунзе в год окончания гимназии (1904 г.).

Фрунзе после ареста (1907 г.).

Фрунзе среди ссыльных поселенцев в Байандае Иркутской губернии (1915 г.).

Фрунзе — Василенко (Чита, 1916 г.).

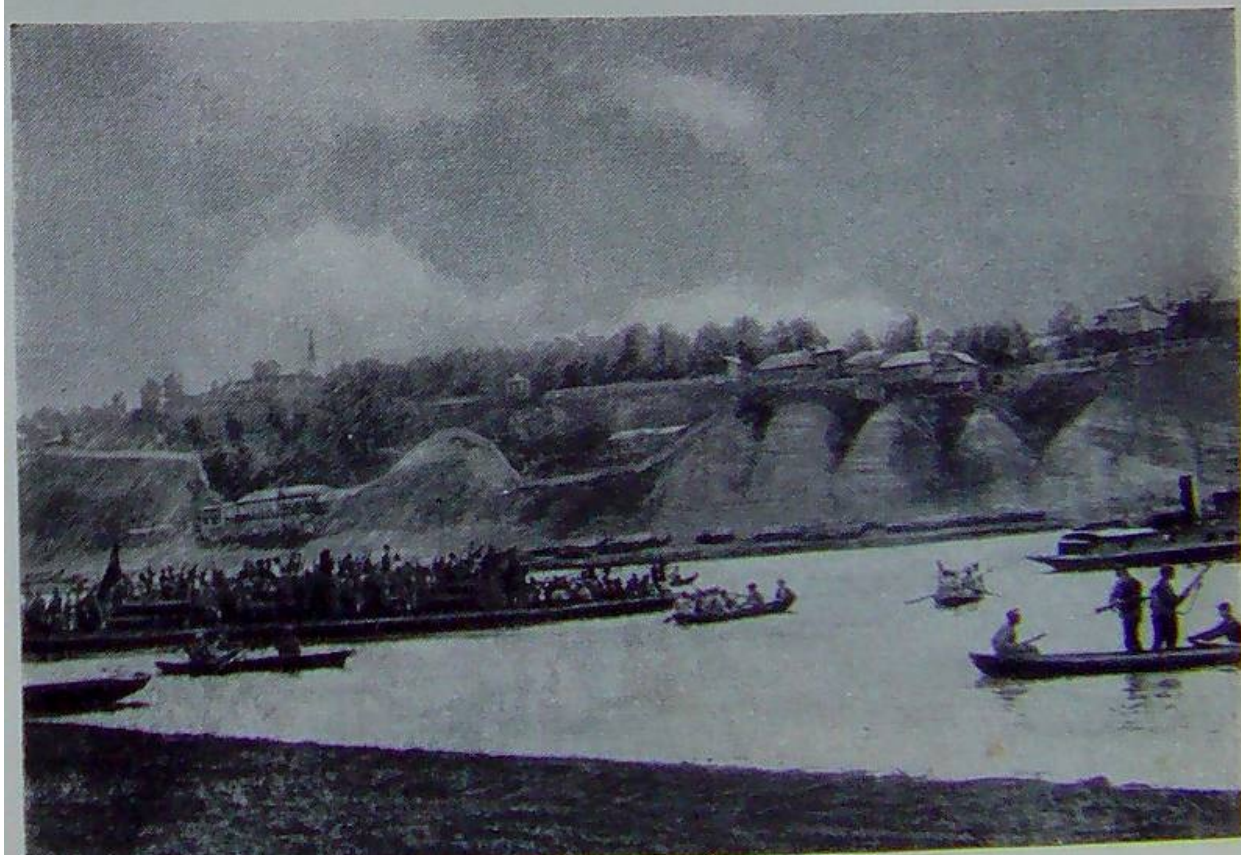

В. И. Ленин выступает перед бойцами Красной Армии, уходящими на фронт.

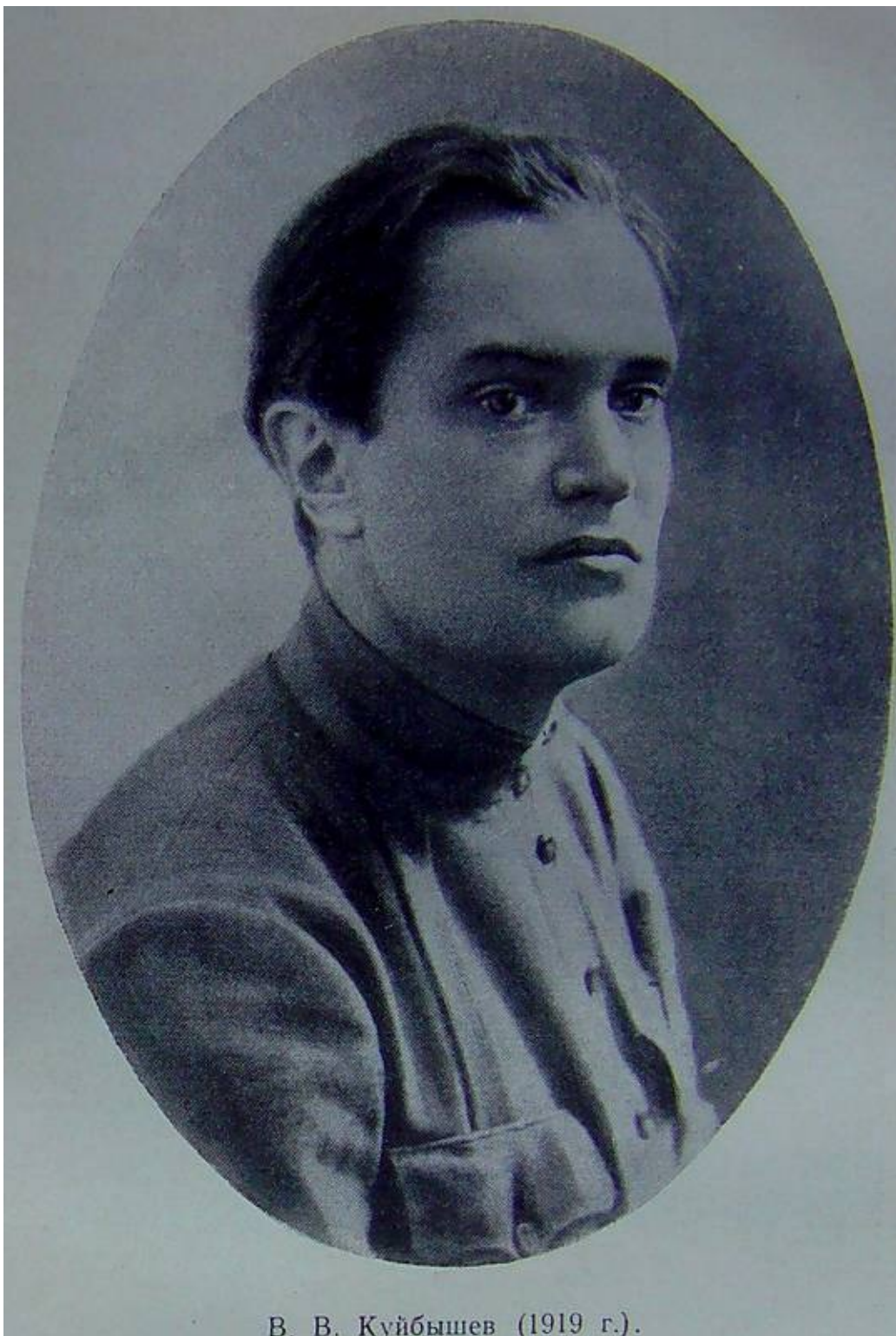
1919 год. Полк Красной Армии на походе.

Переправа под Уфой

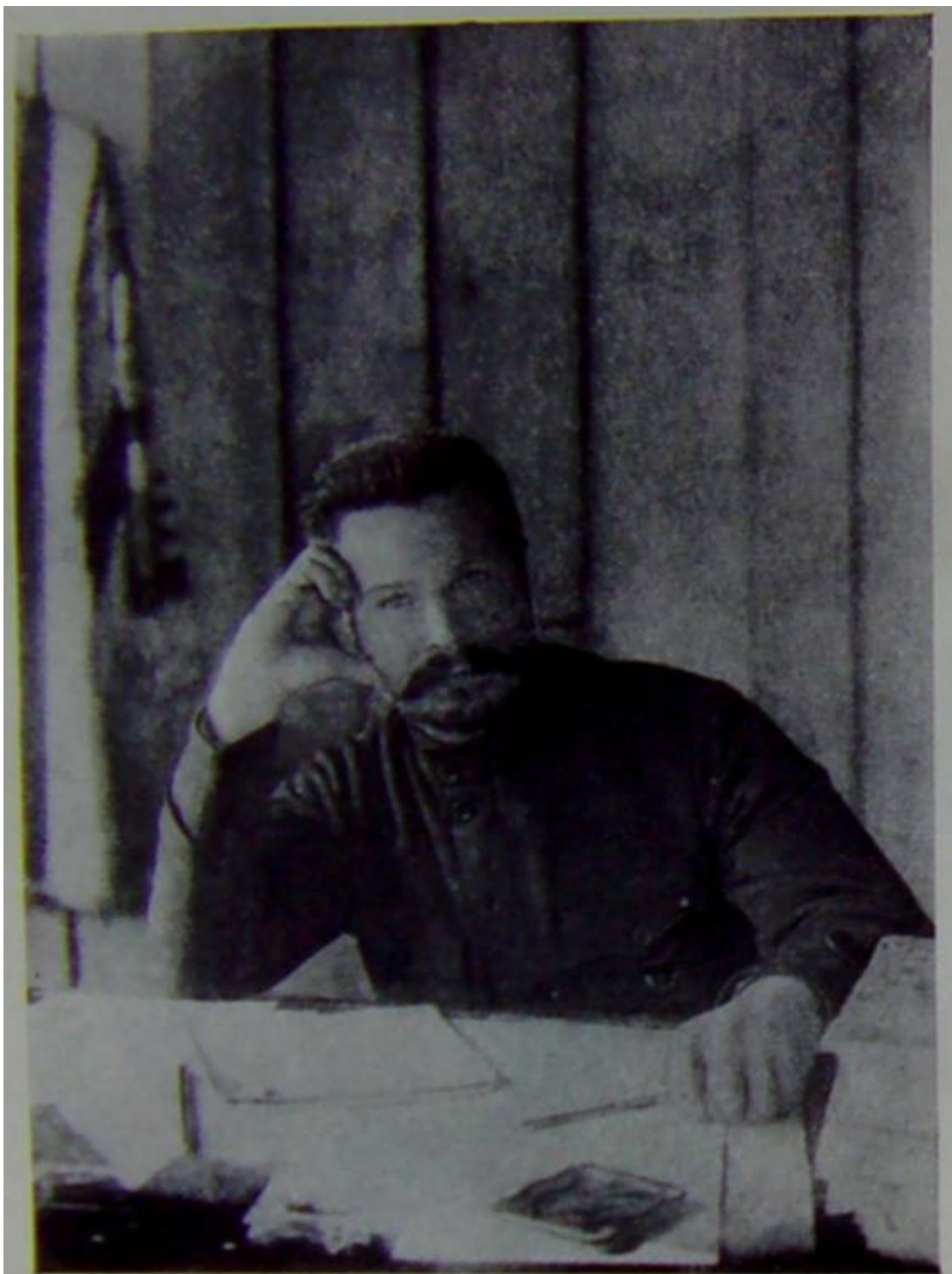

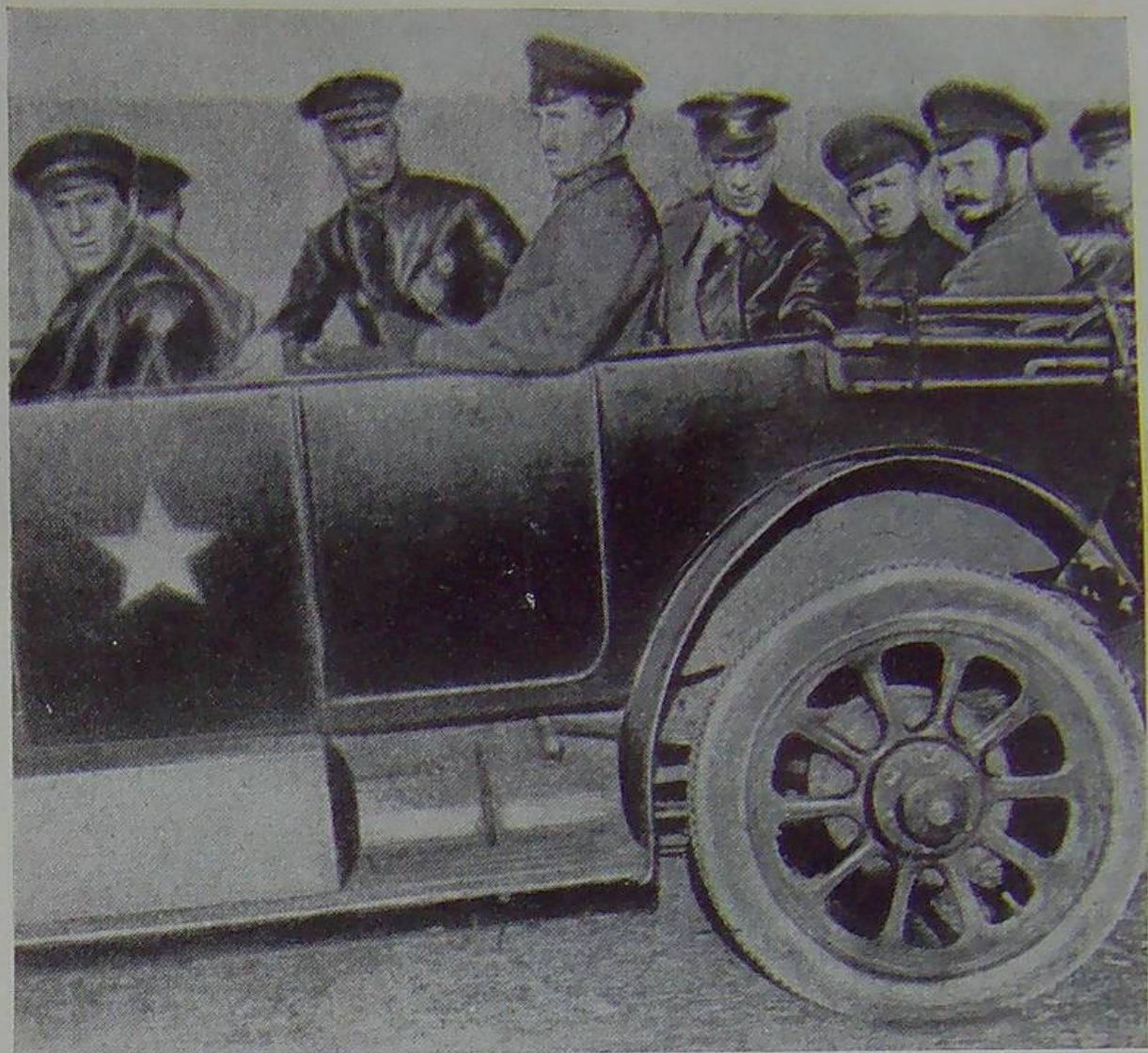
В. И. Чапаев (1919 г.).

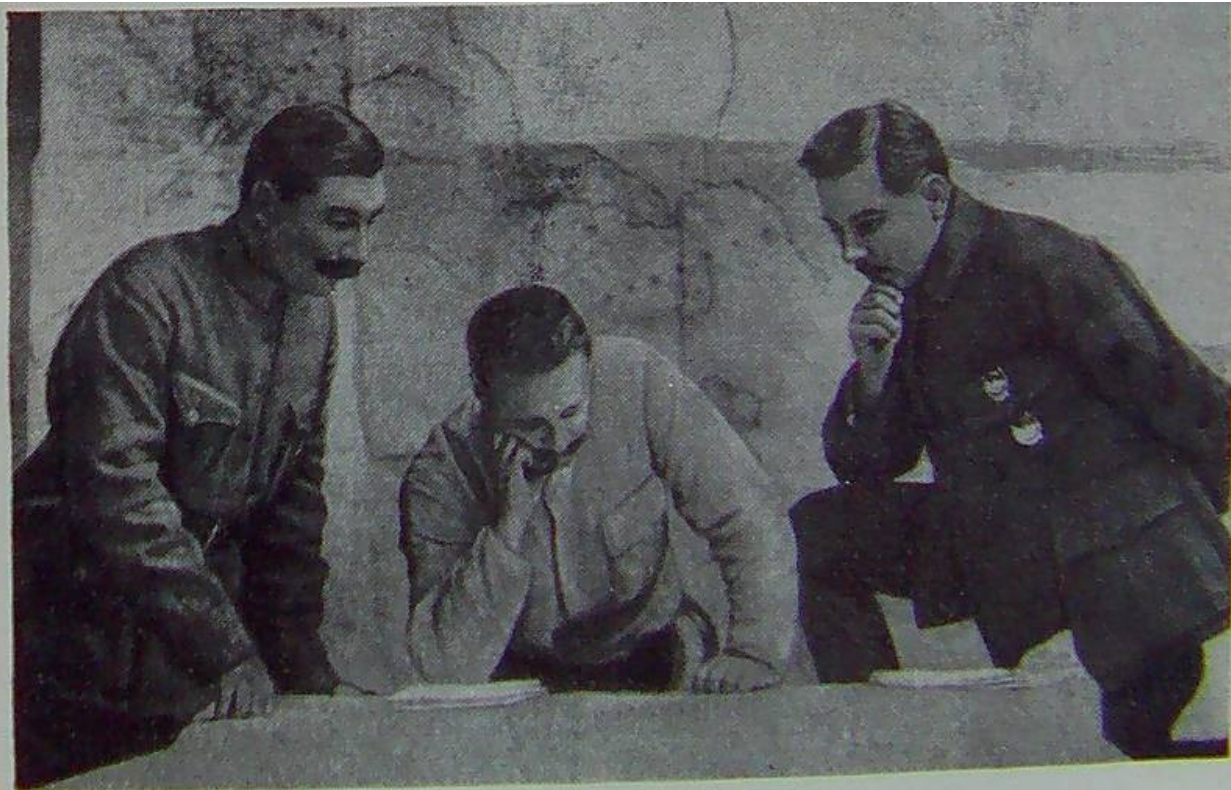
В. В. Куйбышев (1919 г.).

Фрунзе в Туркестане.

Фрунзе и Гусев на фронте.

М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный
в 1920 году на Украине.

ПРИКАЗ
Революционного Военного Совета
по личному составу армии.

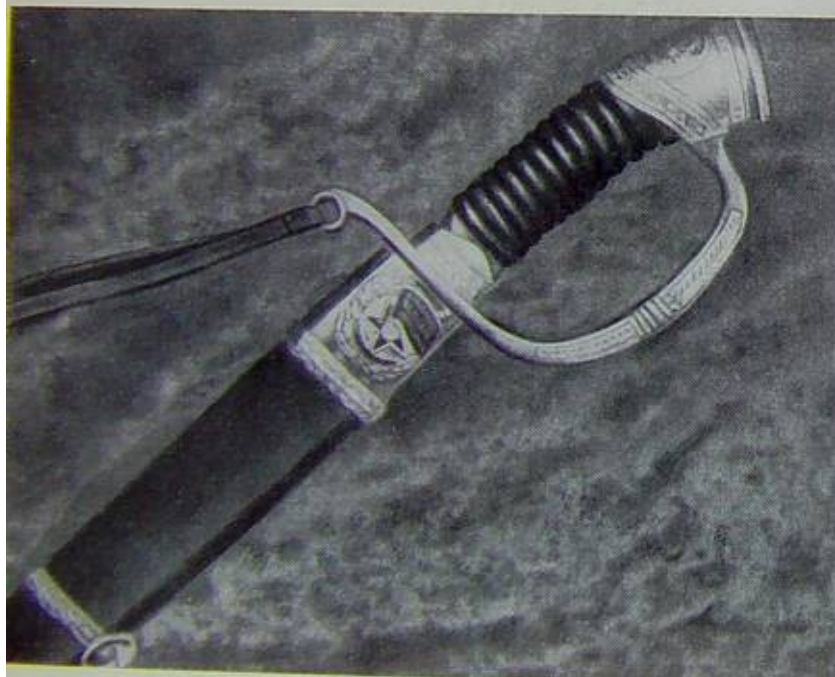
Москва, 8 июля 1919 года.

№ 135.

Награждается орденом «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»
Командующий Южной группой Восточного фронта, тов.
Михаил Васильевич Фрунзе-Михайлов за следующие
подвиги. тов. Фрунзе выступил в командование армией Южной
группы Восточного фронта в труднейший период его отхода под
давлением превосходящих сил противника. Руководил 4-ми армиями:
1-й, 1-й Туркестанской и 5-й, тов. Фрунзе, не смотря на тяжелые
условия, в которых находились наши войска, сумел
выдержать в период отступления, сильные резервы и сосредото-
чить мощную ударную группу для нанесения встречного
удара противнику. Переход, затем и наступление, армии Южной
группы под командованием тов. Фрунзе штурмами и сильными
ударами разбил войска противника, шаг за шагом отступавшие
его на р. Белую и западнее г. Уфы. В ночь с 7 на 8 июля,
когда армия форсировала 25-й дивизией р. Белой у Красного
Дня, тов. Фрунзе лично руководил переправой частей, находясь
в передней линии под огнем противника. Будучи
вспушка боевой броней с самолета, остался на переправе
и продолжал отдавать распоряжения, пока войска не была
выполнена поставленная им задача.

Приказ Реввоенсо-
вета о награждении
М. В. Фрунзе
орденом
Красного знамени.

Почетное револю-
ционное оружие
М. В. Фрунзе.

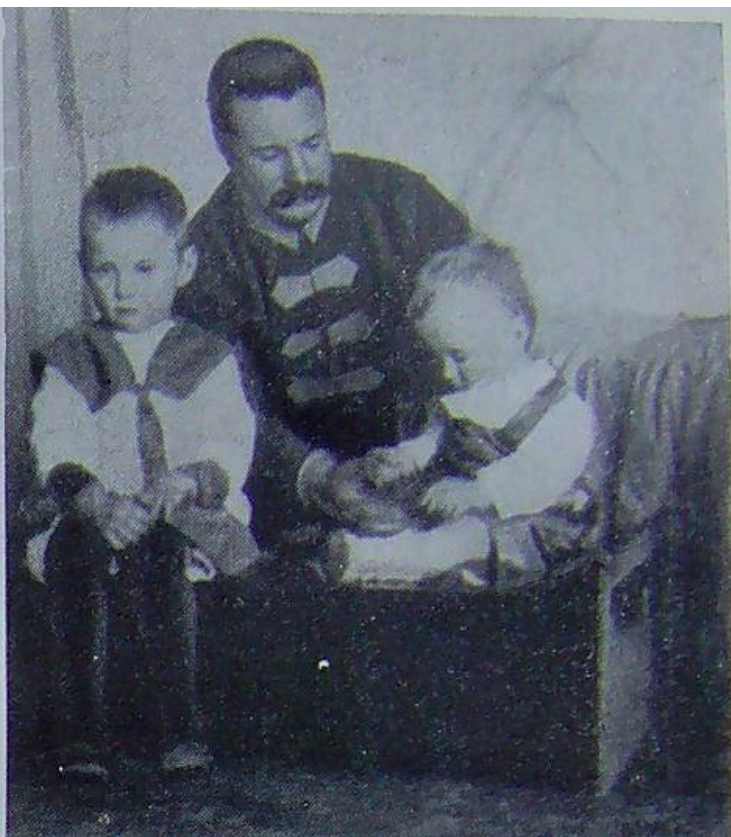

М. В. Фрунзе принимает парад войск Красной Армии
7 ноября 1924 года на Красной площади в Москве.

М. В. Фрунзе на линкоре «Марат».

М. В. Фрунзе с детьми —
дочерью Татьяной
и сыном Тимуром.

Фрунзе среди художников (на выставке АХРР), 1925 г.

Летчик Герой Советского Союза
лейтенант Тимур Михайлович Фрунзе (1941 г.).

notes

Примечания

1

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XXI, стр.211

Сейчас этот пустырь — центральная площадь города Фрунзе с парком и зданиями Совета Министров и ЦК Коммунистической партии Киргизии.

3

Даргер — по-киргизски — лекарь.

Бог — киргизск.(тюркск. — аллах).

5

Головной убор из двадцати-тридцати метров полотна.

Коллекция эта и поныне хранится в фонде Ленинградского ботанического сада Академии наук СССР.

Курай — высокорослая, толстостебельная полынь.

Сазы — густо заросшие камышом топкие места возле рек и озер.

В.И.Ленин, Соч., т.5, стр.328.

10

25-го по новому стилю.

В.И.Ленин, Соч., т.8, стр.506.

"Меками" в то время называли меньшевиков.

Этот съезд, намечавшийся в Копенгагене, был перенесён в Лондон.

Весьма относительной, так как поселение в Сибири под строгим надзором полиции никак нельзя было назвать настоящей свободой.

15

Со стороны товарищей, находящихся на воле.

В.И.Ленин, Соч., т.26, стр.266.

Новицкий Федор Федорович (1870–1944) — генерал царской армии, в первой мировой войне командовал дивизией. После Октябрьской революции безоговорочно перешел на сторону советской власти; активный участник гражданской войны (военный руководитель штаба Ярославского военного округа, начальник штаба IV армии и Южной группы войск Восточного фронта, член Реввоенсовета Туркестанского фронта). В мирное время преподавал в военных академиях. Генерал-лейтенант Советской Армии.

Казара — казачество.

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) — полковник царской армии, один из первых офицеров, добровольно вступивших в Красную Армию. С сентября 1918 года — командующий Восточным фронтом, с июля 1919 до 1924 года — главнокомандующий Вооруженных Сил РСФСР. Один из видных строителей Красной Армии, в мирное время занимал крупные посты в Наркомате обороны. Урна с прахом С. С. Каменева замуровала в Кремлевской стене.

В.И.Ленин, Военная переписка (1917–1920). М.Воениздат, 1956, стр.119.

В.И.Ленин, Военная переписка (1917–1920). М.Воениздат, 1956, стр.137.

В.И.Ленин, Военная переписка (1917–1920). М.Воениздат, 1956, стр.213.

Борода есть... Борода есть...

Кзыл-аскер — красноармеец.

Ичкари — узбекский дом.

Чилим — трубка.

Зиндан — подземная тюрьма.

Регистан — центральная площадь цитадели.

Сарбазы — жандармы эмира, сибай — солдаты.

Клыч — сабля.

Да здравствует Ленин! Да здравствует советская власть!

В.И.Ленин, Соч., т.31, стр.285

Заместитель председателя РВС Республики.

В.И.Ленин, Соч., т.31, стр.252

октября

Должность помощника начальника штаба по оперативной части 15-й Инзенской дивизии исполнял один из авторов этой книги — К-В. Ананьев.
(Ред.)

Ныне носит название улицы Маркса-Энгельса.

Центральный аэрогидродинамический институт.

В.Г.Фёдоров — сотрудник Дегтярева, старейший конструктор-оружейник, творец первой русской автоматической винтовки, советский генерал, ныне в отставке.

С перерывами во время нелегальной партийной работы окончил три курса экономического отделения института.